

Министерство образования Российской Федерации

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Н О В И К

Сборник научных работ аспирантов
и студентов исторического факультета
Воронежского государственного университета

ВЫПУСК 4

Воронеж — 2001

ББК 63. 3. (0)

Н73

Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 4 / научн. ред. А.И.Филюшкин. Воронеж: ВГУ, 2001. **xxx** с.

ISBN 5-9273-0087-1

Сборник содержит статьи по археологии, древней, всеобщей и отечественной истории, вспомогательным историческим дисциплинам, написанные аспирантами и студентами исторического факультета ВГУ, достигшими наибольших успехов в научной работе.

Для научных работников, студентов, всех, интересующихся историей.

Редакционная коллегия: к.и.н. Е.В. Кардашева, В.В. Макаров (отв. секр.), Ю.В. Селезнев (зам. научн. ред.), А.В. Фененко, к.и.н. А.И. Филюшкин (научн. ред.).

***Выпуск сборника посвящается памяти Владимира
Ивановича Беседина***

*Тираж **xxx** экз. Объем **xxx** п.л.
Типография ВГПУ, 394043, г. Воронеж, ул., Ленина, 86.*

ISBN 5-9273-0087-1

© Авторы, 2001 г.

© Воронежский государственный университет, 2001 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти В.И. Беседина

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

- Р.В. Гулюк,** Социально значимые захоронения с копьями
А.А. Припадчев доно-волжской абашевской культуры
Л.Ю. Гончарова Два подхода к исследованию звериного стиля скифского времени (попытка критического анализа)
В.А. Гончаров Две группы священнослужителей в Древнем Риме
В.В. Рязанов Историография об участии рабов в движении Секста Помпея в 43-36 гг. до н. э.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

- А.И. Сурков** Отношения господства и подчинения в системе королевской власти в позднесаксонской Британии (X – первая половина XI столетия)

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Ю.В. Селезнев** Политик и полководец Золотой Орды Идигу (Едигей). Исторический портрет
Д.В. Ливенцев “Тактика тарана” в исследованиях Морского ученого комитета (60-70-е гг. XIX в.)
Ю.В. Власова Российская пресса об освещении сербо-турецкой войны 1876 г. германской консервативной печатью
В.В. Макаров Убийство А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина: кто виноват ? (о неоконченном споре)
И.В. Иноземцев Особенности модернизационных процессов в Воронежской губернии в 1906-1915 гг.
А.В. Колмаков Взаимоотношение России и Балтии: геополитические аспекты проблемы

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

М.В. Кирчанов	Религиозный экспансионизм римско-католической церкви: сущность, типология и основные тенденции
С.И. Дмитриева	Вопрос о едином фронте СДПГ и КПП в международном рабочем движении 1935-1939 гг.
С.Г. Зотова	Становление идейно-политических взглядов Курта Шумахера в годы Веймарской республики и нацистской диктатуры
В.Н. Морозова	Деятельность Советской военной Администрации в Германии (СВАГ) в освещении современной немецкой историографии

Список сокращений

Сведения об авторах и научных руководителях

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Р.В. Гулюк, А.А. Припадчев

СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ С КОПЬЯМИ ДОНО-ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выявление, особенно в последнее время, социально значимых погребений заведомо доно-волжской абашевской культуры, в которых присутствуют наконечники копий, а также поиски новых подходов к их информативному содержанию диктуют необходимость обращения к ним вновь.

Всего закрытых погребальных комплексов с наконечниками копий доно-волжской абашевской культуры известно восемь (рис. 1). Это Селезни-2 (к. 1, п. 3), Кондрашкинский курган (п. 1), Карамышский курган (п. 1), Покровск (к. 7, п. 3; к. 8, п. 1; к. 15, п. 2), Березовка (к. 3, п. 2), Красносельский курган (п. 1).

Могильник *Селезни-2* у с. Селезни Тамбовской области (раскопки 1997 г. под руководством Н.Б. Моисеева)¹. Цельнолитой наконечник копья (рис. 2, 13) обнаружен в погребении 3 кургана 1 парной курганный группы. Погребение совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии восток – запад, размеры которой 2,8×4,8 м при глубине от уровня погребенной почвы 1,3 м. Остатков органической подстилки и человеческих останков не зафиксировано. Вблизи северо-восточного угла могильной ямы найдены миниатюрный сосудик (рис. 2, 1), каменное орудие (рис. 2, 2) и псалий (рис. 2, 3). В погребении также обнаружены бронзовое обоюдоострое шило (рис. 2, 4), бронзовое жальце с притупленным рабочим краем (рис. 2, 5), костяная пряжка с большим центральным и двумя маленькими периферийными отверстиями (рис. 2, 6), два вставных шипа от псалия (рис. 2, 7, 8), два кремневых наконечника стрел (рис. 2, 9, 10), два астрагала, два сосуда (рис. 2, 11, 12).

Что же касается происходящего из захоронения наконечника копья, то он имеет ромбический стержень, боковое ушко и манжету на втулке². Подобные наконечники встречены в Сейминском и Решенском могильниках на Оке³.

Одиночный *Кондрашкинский курган* (с. Каширское Воронежской области, исследования Левых Г.А., 1989)⁴. Наконечник копья с несомкнутой втулкой обнаружен в погребении 1 одиночного Кондрашкинского кургана. Форма ямы прямоугольная, длинной осью ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Ее размеры 1,5×2,2 м., при глубине 1,84–1,9 м. от вершины. На перекрытии обнаружены медные скобы от несохранившегося деревянного сосуда (рис. 3, 5, 6, 7) и горшковидный сосуд (рис. 3,

9). На дне, которое фиксировалось по слою органической подстилки, у юго-восточной стены могилы выявлен костяк взрослого мужчины. Он лежал на левом боку в позе адорации и головой был ориентирован на северо-восток. За спиной отмечены два скопления меловой подсыпки. Погребальный инвентарь, кроме копья, представлен следующими предметами: медный нож с остатками деревянного чехла (рис. 3, 2), медный проушный топор с остатками футляра из лыка или луба и деревянной рукояти (рис. 3, 3), медное тесло (рис. 3, 4), остатки плоского деревянного предмета в виде сегмента (рис. 3, 8), обломок костяного псалия и вставной шип от него (рис. 3, 10, 11), костяная пряжка с большим и малым отверстиями (рис. 3, 12), две костяные фигурные пластинки (рис. 3, 13, 14), двадцать пять кремневых наконечников стрел (рис. 2, 15-39)⁵.

Копье найдено за головой умершего. Оно изготовлено из предварительно отлитой пластины путемковки с использованием ряда кузнечных операций⁶. По центру листовидного пера оно имеет ромбическое в сечении ребро. У нижнего края втулки, напротив друг друга проделаны небольшие подпрямоугольные отверстия. Копья с раскованной втулкой происходят из погребения 2 кургана 15 юго-восточной группы Покровских курганов в Нижнем Поволжье⁷ и из разрушенного Мазуркинского кургана на территории Воронежской области⁸.

Одиночный курган у станции *Карамыш* Саратовской области (обследование В.И. Трофимова и И.А. Широковой в 1954 г.)⁹. Литой наконечник копья происходит из погребения 1 частично разрушенного кургана. Могила прямоугольной формы, имела размеры 2,4×0,8 м., при глубине 1,0 м. Ориентировка погребения северо-восток – юго-запад. На дне, покрытом подстилкой, обнаружены зола и кальцинированные кости. Погребальный инвентарь представлен костяным предметом в виде трубочки, небольшим орнаментированным глиняным сосудиком¹⁰.

Происходящее из погребения литое копье имело ромбическое в сечении перо, ушко и орнамент в виде треугольников, обращенных вершинами к острию копья.

Покровские курганы, юго-восточная курганная группа, Саратовская область (исследования П.С. Рыкова в 1920-е гг.)¹¹. По одному бронзовому наконечнику копья обнаружено в погребении 3 кургана 7, погребении 1 кургана 8, погребении 2 кургана 15¹². Два из них цельнолитые, одно – с раскованной втулкой.

Наконечник копья, происходящий из погребения 3 кургана 7 – литой с ромбическим в сечении пером, ушком и манжетой на втулке. По пропорциям он близок березовскому копью, о котором речь пойдет ниже. Цельнолитой наконечник копья, так же имеющий в сечении ромбическое перо, ушко, но без манжеты на втулке, происходит из погребения 1 кургана 8.

Ближайшие аналогии известны в Решенском и Сейминском могильниках¹³. Копье из погребения 2 кургана 15 имеет раскованную втулку. По пропорциям он близок копью из кургана у с. Мазурки¹⁴.

Могильник у с. *Березовка* Саратовской области (раскопки И.И. Дремова, 1988 г.)¹⁵. Цельнолитой бронзовый наконечник копья обнаружен в погребении 2 кургана 3 у с. Березовка Саратовской области. Погребение совершено в могильной яме, имеющей размеры: 4,2×2,5 м., при глубине 1,2 м. в материке. На дне, ближе к восточной стенке могилы лежал костяк взрослого мужчины. Поза устанавливается полностью: на левом боку со слабо согнутыми ногами, кисти рук перед лицом. В захоронении прослежен тлен от камышовой подстилки, посыпанный золой. В заполнении и на остатках перекрытия встречены помимо копья, дисковидный псалий (рис. 4, 3) со вставными шипами (рис. 4, 4-8) и мелкие фрагменты второго (рис. 4, 9, 10), обломок орнаментированного костяного предмета в виде пронизки (рис. 4, 12). На дне могильной ямы находились глиняный сосуд (рис., 4, 2), орнаментированные костяные пронизки (рис. 4, 11, 13), обломок орнаментированного втока стрелы (рис. 4, 14), предмет из коричневой гальки (рис. 4, 15), бронзовое шило (рис. 4, 16), бронзовый нож (рис. 4, 17) и бронзовый оклад от деревянного сосуда (рис. 4, 18), обломки костяных накладок (рис. 4, 19, 20)¹⁶.

Наконечник копья, литой, имеет ромбическое в сечении перо, ушко и манжету на втулке. Также на втулке имеются четыре валика (рис. 4, 1).

Одиночный курган у с. *Красноселки* Самарской области (исследования Н.Л. Моргуновой и О.И. Пороховой в 1986 г.)¹⁷. Литой наконечник копья встречен в погребении 1. Захоронение совершено в могильной яме под прямоугольной формы размерами 4,62×3,63 м., глубиной в материке 0,95 м., ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В заполнении ямы обнаружены плахи, надо думать, от перекрытия. На дне прослежен тлен от коры (?). Положение погребенного не определяется.

При вскрытии могильной ямы, в засыпи, найден развал подкололо-видного сосуда (рис. 5, 2), вставной костяной шип от псалия (рис. 5, 3), фрагменты от пары костяных псалиев (рис. 5, 4, 5).

Литой бронзовый наконечник копья с листовидным пером, округло-ромбическим в сечении стержнем пера и манжетой по краю втулки обнаружен в норе и связан, по всей видимости, с данным погребением (рис. 5, 1)¹⁸.

Самые ранние комплексы относятся к развитому, а не к позднему, как считалось поначалу, этапу доно-волжской абашевской культуры. Можно сказать, что они появляются еще на раннем периоде развитого этапа доно-волжской абашевской культуры (Селезни-2). О том, что этот комплекс достаточно ранний среди захоронений с наконечниками копий доно-

волжской абашевской культуры свидетельствует наличие в несколько позднем захоронении 1, находящемся в том же кургане сосуда с влияниями позднекатакомбных традиций и традиций культуры многоваликовой керамики²⁰.

Близко к копыю из кургана Селезни-2 по времени стоит копье с несомкнутой раскованной втулкой из Кондрашкинского кургана. Об этом свидетельствуют одинаковые пропорции обеих копий. Налицо проявление двух одновременных металлообрабатывающих традиций при изготовлении копий:ковки и литья.

О том, чтоковка копий из предварительно отлитой пластины существовала длительное время, свидетельствует и находка наконечника копья с раскованной втулкой в погребении 2 кургана 15 Покровских курганов. В то же время, погребальный инвентарь данного захоронения характерен для позднего этапа доно-волжской абашевской культуры.

Далее, за комплексами Селезни-2 и Кондрашкинским курганом, но уже попадающие в поздний этап следуют комплексы из Покровских курганов (к. 7, п. 3; к. 8, п. 1; к. 15, п. 2), Березовка (к.3, п. 2), Карамыш (п. 1).

Несколько особняком стоит комплекс у с. Красноселки, и, прежде всего, в силу своей удаленности. Он, на наш взгляд, относится к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры. С этим этапом его сближает горшок подкололовидной формы с ребром на внутренней стороне венчика, а также копье, аналогии которому обнаружены в погребении 2 кургана 8 у с. Медяниково²¹.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что литые наконечники копий появляются в погребениях доно-волжской абашевской культуре еще на развитом этапе и получают распространение на позднем этапе доно-волжской абашевской культуры. Копья же с раскованной втулкой продолжают свое существование на развитом этапе и встречаются на позднем этапе доно-волжской абашевской культуры. Таким образом, на развитом этапе сосуществуют наконечники копий с раскованной втулкой и литые.

Судя по приведенным комплексам с наконечниками копий, распространение комплексов с наконечниками копий, надо думать, шло с запада на восток, о чем свидетельствует концентрация наиболее ранних из них в цнинско-воронежском междуречье, а более поздних – в Нижнем Поволжье.

Рис. 1. Карта распространения социально значимых захоронений с копьями доно-волжской абашевской культуры

1 – Селезни-2; 2 – Кондрашкинский курган; 3 – Карамышский курган; 4 – Покровск; 5 – Березовка; 6 – Красносельский курган.

Рис. 2. Инвентарь погребения 3 кургана 1 парной курганный группы Селезни-2

Рис. 3. Инвентарь погребения 1 Кондрашкинского кургана

Рис. 4. Инвентарь погребения 2 кургана у с. Березовка

Рис. 5. Инвентарь погребения 1 Красносельского кургана

¹ Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курганы доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донского бассейна. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 3-30.

² Там же. С. 14-18, рис. 8-9.

³ Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. Рис. 22 А, Б; 24; 25 А; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. С. 81, 85, рис. 40, 1, 2; 45, 1.

⁴ Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.

⁵ Там же. С. 4-9, рис. 4-6.

⁶ Дегтярева А.Д., Попова Т.М., Кизина Н.Г., Астрединов, В.М. Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего Кондрашкинского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 11. С. 82-89.

⁷ Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1927. Т. II. С. 1-22; Сагайдак В.И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. Т. 230. С. 57-70; Гулюк Р.В., Припадчев А.А. Комплексы с наконечниками копий из Покровских курганов // Новик. Воронеж, 2000. Вып. 3. С. 18-24.

⁸ Шоков А.Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С.Е. Зверева и В.Н. Тевяшова) // Известия ВГПИ. Воронеж, 1954. Т. XV. С. 138-142.

⁹ Максимов Е.К. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1956. Вып. 1. С. 115-123.

¹⁰ Там же. С. 115, 116-118, рис. 66; 68, 2.

¹¹ Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. С. 19-22, рис. 20-22; 24.

¹² Гулюк Р.В., Припадчев А.А. Комплексы с наконечниками копий из Покровских курганов. С. 18-24.

¹³ Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. Рис. 22 А, Б; 24; 25 А; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. С. 81, 85, рис. 40, 1, 2; 45, 1.

¹⁴ Шоков А.Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С.Е. Зверева и В.Н. Тевяшова). С. 139, рис. 2а.

¹⁵ Дремов И.И. Курган покровского времени у с. Березовка как материал для социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. С. 54-58.

¹⁶ Там же. С. 55, рис. 1.

¹⁷ Моргунова Н.Л., Порохова О.И. Работы Оренбургского пединститута // АО-1986. М., 1988. С. 186-188; Халяпин М.В., Порохова О.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 109, 112-113, рис. 1; 3; 7.

¹⁸ Там же. С. 109, рис. 7, 1.

¹⁹ Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. С. 4, 9, 26.

²⁰ Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья // АО-1978. М., 1979. С. 186.

Л.Ю. Гончарова

ДВА ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (ПОПЫТКА КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Предварительная обработка обширного фактического материала, его систематизация – задача в археологии хотя и крайне важная, но по преимуществу все же техническая, своего рода “подсобная”, позволяющая сделать лишь первый шаг на сложном пути от археологической находки к научной гипотезе. В то же время, не вызывает сомнения, что продуктивность использования археологического материала как источника для любых исторических реконструкций во многом определяется методическими принципами, положенными исследователем в основу своей работы. Для достижения конечной цели любого научного труда, как историка, так и археолога, как можно более полного воссоздания картины исторического прошлого, – вопрос о методе исследования имеет решающее значение.

Данное утверждение, безусловно, справедливо и по отношению к такому своеобразному источнику как произведения скифо-сибирского звериного стиля – искусства народов, населявших обширные просторы евразийских степей в VII - начале III вв. до н.э. Сейчас можно выделить два основных подхода к изучению памятников художественно творчества

скифского времени: сравнительно-типологический и структурно-семиотический. Последний приобрел в современной отечественной науке большую популярность¹. С его позиций изобразительные памятники древности предлагается рассматривать в качестве знаковых систем, своеобразных текстов, элементы которых целенаправленно создавались как носители определенной информации. Образы звериного стиля предстают в этом свете как своего рода “пластические идеограммы”², изобразительные понятия, служившие для фиксации структур мифологической модели мира евразийских кочевников. По мнению ученых, согласно традиционному иранскому представлению о трех уровнях мироздания окружающий животный мир в сознании древних кочевников также разделялся на три группы: птицы символизировали верхний небесный мир, копытные – средний земной, рыбы и пресмыкающиеся – нижний подземный. Скифский зооморфный код отличался от универсального лишь тем, что в нем нижний мир обозначали, наряду со змеями, и хищные звери³.

Применяя структурно-семиотический подход для изучения конкретного фактического материала, исследователи путем корреляции приемов изображения и вида изображенного животного расчленяют образы зверей на ряд отдельных признаков. Эти так называемые “признаки как знаки”⁴ потом распределяются по трем уровням. Признаки первого уровня являются, по мнению ученых, наиболее общими, устойчивыми *значимыми*, сохранявшимися при любой стилизации. Это поза зверя, манера передачи уха, пасти, концов ног. Высказывается предположение, что именно эти значимые, диагностические признаки давали скифам и их соседям представление о кодовой принадлежности того или иного звериного персонажа к определенной группе животных. Форма глаза, манера оформления лопатки и бедра и способ моделировки тела зверя (признаки второго уровня) носят *нейтральный* по отношению к группе изображенного животного характер, то есть встречаются и в образах птиц, и хищников, и копытных, и синкретических существ. Наконец, *видообразующие*, определяющие конкретный вид животного признаки – форма рогов, клыки, длина ушей и т.п. составляют третий уровень. Таким образом, изображения животных в зверином стиле в работах вышеупомянутых исследователей представлены в виде совокупности взаимосвязанных элементов-признаков, определенным образом организованных согласно мировоззренческим взглядам создателей этого древнего зооморфного искусства.

В рамках структурно-семиотического метода очень популярным становится сквозное изучение отдельных образов и мотивов звериного стиля. Пытаясь установить различные типы взаимосвязей между основными отмеченными выше элементами, ученые стремятся обнаружить закономерности построения композиционных схем изображения, своего рода

изобразительные каноны, действовавшие на разных территориях и в разные промежутки времени. Определение границ распространения того или иного канона позволяет наметить пределы его различных локальных вариантов, а изучение изменения во времени – говорить о путях его развития⁵.

Однако, практические попытки анализа зооморфных произведений с учетом изложенных выше методических принципов заставляют усомниться в перспективности применения данного подхода при исследовании локальной специфики звериного стиля, а также возможности получения необходимой информации для сравнительного изучения искусства того или иного региона скифо-сибирского мира. Одним из существенных недостатков структурно-семиотического метода является, на наш взгляд, крайняя степень раздробления зооморфного творчества скифской эпохи: оно разделяется на мотивы, образы и даже на отдельные признаки этих образов – “знаки”, за которыми начинает теряться сущность звериного стиля как целостного социокультурного феномена и его значение как археологического источника.

В качестве подтверждения нашей точки зрения рассмотрим ситуацию, сложившуюся в скифское время в изобразительном искусстве лесостепного Подонья. Многие зооморфные мотивы здесь известны в единичных экземплярах, далеко не все серии иконографически близких изображений представлены в значительном количестве, что существенно ограничивает возможности для корреляции. Кроме того, практически отсутствует эволюция мотивов во времени. Изображения, бытовавшие в нашем регионе в VI - V вв до н.э., не получают дальнейшего развития и в IV вв. до н.э. сменяются другими, для которых как раз была характерна устойчивость основных художественно-стилистических приемов воплощения. Так что говорить о каком-либо развитии изобразительных канонов в пределах среднедонской территории не приходится.

Далее, проведенное нами исследование *значимых и нейтральных* признаков изображений звериного стиля лесостепного Подонья (табл. 1-8) показало, что их проявления практически совпадают с таковыми в зверином стиле Прикубанья⁶. Между тем, едва ли кто-нибудь станет утверждать, что среднедонская и прикубанская изобразительные системы в целом обладают существенным сходством, будь то состав образов либо стилистические приемы. Более того, сама Е.В. Переводчикова, разработавшая данный метод, анализируя на его основе локальное своеобразие прикубанского звериного стиля, в конечном итоге приходит к следующему выводу. Отдельные формальные признаки его изображений «локализуются на достаточно широкой территории в каждом случае, поэтому нет никаких оснований считать какие-либо из них специфическими для

Прикубанья». Вся местная специфика заключается в том, что в рамках изобразительной системы скифского искусства звериный стиль Прикубанья отличается «лишь конкретным сочетанием формальных признаков»⁷.

Как нам представляется, подобное заключение едва ли раскрывает всю глубину проблемы. Ведь то же самое можно сказать практически о любом другом локальном варианте звериного стиля скифского времени. В том, что отдельные *значимые* признаки зооморфных изображений оказываются идентичными на всем пространстве евразийских степей, вряд ли есть что-либо удивительное. Эти признаки (форма уха, форма пасти, манера оформления концов ног, даже поза) в большинстве своем отражают черты, которые отличают животных одной группы от другой и в природе. Ведь очевидно, что если вы хотите изобразить копытное животное так, чтобы его узнали, оно не должно быть похоже на хищника, и добиться этого можно лишь определенными художественными приемами, акцентированием отличительных черт. И в Сибири, и в лесостепи, и в Северном Причерноморье на концах ног копытных животных присутствуют копыта, а в пасти хищников – клыки. Анализ подобных признаков ничего принципиально нового, существенного исследователю специфики звериного стиля, по всей видимости, дать не сможет. Что же касается *нейтральных* признаков: формы глаза, манеры выделения лопатки и бедра, моделировки тела животного, то это по сути стилистические приемы, и в отрыве от зрительного образа, для воплощения которого применены, они обладают весьма малой информативностью.

Сторонники формализованного подхода могут возразить, что они исследуют не отдельные признаки, а их определенные взаимосвязи, а это уже – отражение определенных канонов, закономерностей знаковой изобразительной системы. Действительно, это так. Учеными установлены, например, двенадцать схем воплощения образа свернувшегося в кольцо хищника в искусстве восточных и западных территорий скифосибирского мира⁸. Выделены три модификации изобразительной системы звериного стиля в Прикубанье с VII по IV вв до н.э.⁹ Но что стоит за этими схемами и модификациями? Каковы механизмы, а главное, причины их сложения? Исследователи часто даже не пытаются ответить на эти вопросы. Фактически ограничиваясь констатацией того или иного изобразительного казуса, они словно бы изучают «искусство для искусства». Связь звериного стиля скифского времени с теми историческими процессами, на фоне которых он развивался, ощущается все слабее.

Быть может, с помощью структурно-семиотического метода, на самом деле невозможно решить многие проблемы в скифском искусстве в силу того, что основное, если не исключительное внимание этот метод уделяет смысловому компоненту зооморфных образов. Тем самым игнорируется

их чувственная сторона, не сводимая к простому набору отдельных признаков. Ведь изображение животного в зверином стиле, как и любой другой художественный образ, является целостным явлением. Помимо семантической нагрузки оно обладает способностью эмоционального воздействия на зрителя¹⁰. Часто даже незначительные на первый взгляд штрихи, удаленные или добавленные, совершенно преображают картину, придают образу иную эмоциональную окраску, выносят на суд зрителя новый рассказ. Формальный анализ значимых, незначимых, нейтральных, видообразующих признаков, по отдельности или в совокупности, не в состоянии в полной мере раскрыть смысл такого рассказа. Очевидно, необходим взгляд на всю картину в целом, то, что можно назвать образным восприятием.

Таким образом, не отрицая сложного символического характера образов звериного стиля скифского времени, их знаковой природы, надо заметить, что критерии их семиотического анализа, как и вся проблема расшифровки закодированной в изображениях животных информации до сих пор не решена. Можно сказать, что перед нами едва приоткрытая учеными книга, в которой перевернуты первые страницы. Это сложнейшая задача, требующая отдельной методической разработки и едва ли в полной мере выполнимая. Все наши догадки в этой области всегда будут в большей или меньшей степени ограничены и гипотетичны, что может в конце концов посеять сомнения в возможности извлечения из материалов звериного стиля хоть какой-либо исторической информации. Исследователи задаются вопросом: неужели придется отнести их изучение в область интуитивизма, чего-то мистического, познаваемого лишь на подсознательном уровне, и практически исключить из научного исследования древних обществ такой яркий культурный индикатор, как изобразительное искусство?

Вероятно, выход из этой ситуации можно найти, если не сосредоточивать свое основное внимание на семиотическом аспекте древнего искусства. В этом свете совершенно незаслуженно отодвинутым на второй план отечественной науки нам представляется традиционный сравнительно-типологический подход. Быть может, он не столь “шикарен” и “современен”, в нем нет таких броских, волнующих слух терминов как “семантика”, “семиотика”, “зооморфный код”, однако полученные с его помощью результаты имеют вполне определенную практическую научную ценность. Именно выстраивание типологических рядов, отражающих развитие того или иного мотива, сопоставление сходных изображений с различных территорий как целостных зрительных образов позволяет не только определить исходные прототипы, но и выявить характерные особенности их конкретно-художественного воплощения в искусстве

ряда локальных вариантов звериного стиля. В конечном итоге, это дает возможность судить о направлении культурных контактов местного населения скифского времени, об определенных тенденциях восприятия чужого изобразительного языка и о специфике всей художественной системы в целом.

На подобной основе были построены некоторые исследования в области скифского зооморфного искусства 1970-х - 80-х гг. Они приводили к осязаемым результатам¹¹. Так, например, в работе А.И. Шкурко впервые прозвучал тезис о производном характере большинства наиболее ранних изображений звериного стиля из курганов Среднего Дона от аналогов из днепровского лесостепного Левобережья¹². И это в то время, когда проблема происхождения среднедонской культуры скифского времени в целом являлась открытой и остродискуссионной!¹³ Лишь четверть века спустя вывод А.И. Шкурко получил блестящее подтверждение в связи с доказанным А.П. Медведевым на основе комплексного анализа других археологических материалов фактом переноса в VI - V вв. до н.э. элементов ядра этнокультурного комплекса, сформировавшегося изначально в днепровском Левобережье, в лесостепное Подонье в процессе расселения скифоидных земледельческо-скотоводческих племен¹⁴.

В целом, определение и интерпретация проявлений локальной художественной специфики в устоявшихся композиционных схемах, типовых "правилах" изображения того или иного персонажа звериного стиля как универсального искусства скифской эпохи могут иметь важное значение в решении сложных вопросов происхождения, этнической принадлежности и предполагаемого родства обитателей различных регионов скифосибирского мира, а также уровня их социокультурного развития. Возможность и необходимость привлечения материалов звериного стиля для решения крупных задач исторического исследования и перспективность использования с этой целью сравнительно-типологического метода сомнений не вызывают.

¹ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975; Переводчикова Е.В. О возможности исследования скифского звериного стиля как изобразительной системы // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1980; Кузьмина Е.Е. О "прочтении текста" изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. 1983. № 1; Антонова Е.В. Очерки искусства древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984; Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э. М., 1985; Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском "зверином стиле" // РА. 1994. № 4.

² Мириманов В.Б. Первобытное и традиционное искусство // Малая история искусств. М., 1973. С. 60-61.

³ Раевский Д.С. Указ. соч. С. 111.

⁴ Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. С. 37.

⁵ Полидович Ю.Б. Указ. соч. С. 63-64.

⁶ Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 104-113. Табл.1-7.

⁷ Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4. С. 55.

⁸ Полидович Ю.Б. Указ. соч. С. 68.

⁹ Переводчикова Е.В. Локальные черты... С. 45.

¹⁰ Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и “звериный стиль” скифской эпохи: К формированию глоссария основных терминов и понятий. СПб., 1996. С. 20-21.

¹¹ Шкурко А.И. Звериный стиль в искусстве и культуре Лесостепной Скифии VII - III вв. до н.э. / Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1975; Корепанов К.И. Звериный стиль в искусстве племен Среднего Поволжья и Прикамья в VII - III вв. до н.э. / Автореферат дис. ...канд. ист. наук. М., 1980.

Стоит отметить, что в самые последние годы в отечественной науке словно бы наметился возврат к данной методике и даже изначально приверженцы структурно-семиотического метода начинают строить свои отдельные работы со сравнительно-типологических позиций (см. напр.: Переводчикова Е.В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

¹² Шкурко А.И. Указ. соч. С. 11.

¹³ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989. С. 80.

¹⁴ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999. С. 66-89.

В.А. Гончаров

ДВЕ ГРУППЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Как известно, отличительной особенностью сакральной сферы Древнего Рима было наличие весьма значительного количества самых разнообразных жреческих коллегий, различавшихся по своим функциям, атрибутам, социально-политическому положению и т.д. Естественно, начиная с первых исследований в области римской религии, учёными неоднократно предпринимались попытки классифицировать данные сакральные институты на основе самых различных критериев — от степени значимости божеств, которым служили те или иные жрецы (Г. Виссова) до церемониальных функций (С. Бэйли) или степени влияния на политику (И.Л. Маяк, А.М. Сморгков).

При этом уже в середине XIX века было отмечено наличие в структуре римской культовой сферы двух достаточно хорошо выделяющихся

групп священнослужителей. Так, в частности, Т. Моммзен подразделял древнеримские сакральные институты на «собственно жречества», служившие отдельным божествам (фламинь, весталки, салии), и коллегии «сведущих людей», следившие за сохранением основных традиций богослужения и вообще системы положительных знаний (авгуры, понтифики, фециалы, дуумвиры)¹. Как определённую модификацию подобной точки зрения можно упомянуть также выделение так называемых «политически значимых» жреческих коллегий (понтифики, авгуры, жрецы священнодействий, фециалы) в работах современных отечественных исследователей И.Л. Маяк и А.М. Сморчкова².

По нашему мнению, данные классификации отражают реальное положение вещей, однако при этом страдают определённой односторонностью, поскольку основываются лишь на одном критерии — функциях или общественно-политическом влиянии жрецов. А ведь если продолжить вышеописанную линию в исследовании древнеримского жречества, то круг признаков, характеризующих каждую из двух групп священнослужителей, можно значительно расширить.

Прежде всего следует отметить, что в Древнем Риме (особенно царской и раннереспубликанской эпохи), как и в большинстве прочих стадияльно близких обществ, ещё весьма значительной была сила мифологического мировоззрения, приписывавшего все изменения в природе и жизни человека вмешательству высших сил. В первую очередь это проявлялось в таких основополагающих понятиях, как *рaх deorum* («мир с богами») и *summus ius* («высший закон»), подразумевавших связь богов и людей посредством строго формального договора, выполнение которого обеспечивало благополучие отдельных людей и общины в целом. С одной стороны, для этого было необходимо постоянное и чёткое исполнение людьми своих обязанностей по отношению к богам в виде молитв и жертвоприношений, с другой же — столь же постоянное и безошибочное обращение к богам за одобрением любого важного начинания³. Несомненно, именно наличие этих двух сторон сохранения *рaх deorum* являлось глубинной причиной существования в Риме двух различных «классов» священнослужителей.

Так, жрецы типа фламинь, весталок, салиев, ответственные за первую из вышеупомянутых сторон сохранения мира с богами, были практически полностью сосредоточены на выполнении своих сакральных функций, не вмешивались в общественно-политическую жизнь и рассматривались римлянами как люди, наделённые особой «святостью»⁴. Подобно сакральному правителю, они гарантировали благополучие общины путём сохранения этой «святости» и ритуальной чистоты, необходимой для совершения священных обрядов. По нашему мнению, подобное положение

хорошо подтверждается данными письменных источников о целой системе требований, предъявлявшихся к людям, вступавшим в жреческую должность (обязательное патрицианское происхождение, наличие живых родителей, отсутствие телесных недостатков и т.д. — Senec. Controv., IV, 2; Plut. Q.R., 72).

Кроме того, для высших фламинов, весталок и *rex sacrorum* была характерна и особая процедура посвящения- *capitio*, т.е. назначение против воли, путём отбора людей с подходящими качествами (Gell. I, 12; Tac. Ann., II, 86; Suet. Aug., 31). Наконец, сам порядок жизни священнослужителей, принадлежавших к рассматриваемой группе, был подвержен целому ряду принципиальных и очень характерных для «сакральных персон» ограничений. Достаточно вспомнить многочисленные табу, наложенные на фламина Юпитера и *rex sacrorum* (Gell. X, 15; Serv. Aen., I, 179; II, 57; IV, 262; Liv. V, 52, 13-14; Tac. Ann., III, 58 и т.д.) или необходимое для весталок сохранение целомудрия (Liv. I, 20, 3).

Отдельные черты подобной «сакральности» были, судя по всему, первоначально присущи и всем прочим жрецам. В начале царского периода они, возможно, были достаточно значительными, однако со временем постепенно сокращались. Нам по письменным источникам известны лишь их «остатки» в виде некоторых ограничений сакрального характера, присущих отдельным священнослужителям, относимым нами ко второму «классу». Так, авгурам, древнейшей функцией которых, по всей видимости, было отправление обрядов, направленных на повышение плодородия и сохранение благополучия общины⁵, запрещалось смотреть на мёртвое тело или прикасаться к нему (Tac. Ann., I, 62). Глава фециалов *pater patratus* должен был иметь детей и живых родителей (Dion. Hal. II, 72), а великий понтифик не мог выезжать из Италии (Liv. XXVIII, 38, 44; Dio. Fragm., 62) и прикасаться к мёртвому телу (Senec. Consol. ad Marc., 15; Dio. LIV, 28, 35; LVI, 31). Наконец, изначально авгурами, понтификами, фециалами или жрецами священнодействий могли стать лишь патриции. И если перечисленные выше ограничения (сравнительно немногочисленные) частично сохранялись вплоть до эпохи Империи, то необходимость патрицианского происхождения стала достоянием истории гораздо раньше: как известно, в 367 г. до н.э. плебеи были допущены к должности жрецов священнодействий, в 300 г. до н.э. — в коллегии понтификов и авгуров, а в 123 г. до н.э. вообще было установлено всенародное избрание основных священнослужителей.

Как можно предположить, в образах вышеупомянутых жрецов на первый план постепенно вышли не особые таланты и качества, не лишённые оттенка сверхъестественности, а знания и искушённость в *disciplina auguralis* (авгуры), сакральном праве и зачатках историографии (пonti-

фики), правилах заключения договоров (фециалы), а также толковании Сивиллиных книг (жрецы священнодействий). Тем самым рассматриваемые священнослужители составили вторую из вышеупомянутых групп, связанную с угадыванием воли богов и сохранением широкой системы положительных знаний (в том числе и правил обращения к богам).

Подобное преобразование, с нашей точки зрения, было обусловлено тем, что в условиях отсутствия жреческой монополии как на жертвоприношения и молитвы, так и на обращение к богам за сверхъестественной санкцией, в Древнем Риме всё же господствовало представление о необходимости совершать все эти действия без малейших ошибок⁶. А поскольку процедуры священнодействий и приёмы обращения к богам постепенно усложнялись, то соответственно возникала и потребность в контроле за безошибочностью их исполнения на основе тщательно сохраняемого жрецами «сакрального права», в архаический период вообще регулировавшего практически все сферы человеческой жизни⁷. Это сохранение норм и правил «связи» с богами и было основной функцией рассматриваемой группы жрецов.

Именно последнее и предопределило тот факт, что понтифики, авгуры, а также отчасти жрецы священнодействий и фециалы располагали определёнными возможностями влияния на общественно-политическую жизнь. В царский период эти возможности были более чем значительными, поскольку упомянутые жреческие коллегии по сути дела выступали в качестве своеобразных предшественников будущего института магистратов (*Lyd. Mag. I. praef.*) — понтифики помимо всего прочего фактически исполняли функции верховных судей (*Fest. P. 113 L*)⁸, авгуры могли распустить народное собрание, наложить штрафные санкции или вмешаться в процесс принятия законов (*Cic. Leg., II, 21*), фециалы играли во многом определяющую роль в международных отношениях⁹ и т.д. Естественно, именно на эти сакральные организации опирались (или пытались опереться) и римские цари в своей борьбе с родоплеменной аристократией за влияние в сакральной сфере.

Конечно, с установлением Республики и постепенным развитием системы «светских» магистратур влияние авгуров, понтификов и т.д. — прежде всего, в сфере права — было значительно сужено¹⁰, однако данные коллегии, тем не менее, сохранили определённое социально-политическое значение. Во-первых, их авторитет уже полностью основывался на знаниях, а не на особой «святости», что давало им свободу от сакральных запретов, ограничивавших действия прочих жрецов (в том числе и в общественно-политической жизни). Во-вторых же, связь с процедурами обращения к богам за одобрением любого важного начинания по-прежнему обеспечивала рассматриваемым жрецам возможность ак-

тивного вмешательства в государственные дела, чему имеется немало примеров¹¹. Вполне возможно также, что эта возможность обусловила и упомянутое выше стремление плебеев к допуску именно в анализируемые жреческие организации¹².

В заключение отметим, что подробное рассмотрение сакральной сферы Древнего Рима действительно показывает наличие в её структуре двух групп священнослужителей, которые, в конечном счёте, выполняли одну широкую функцию — сохранение «мира с богами» — но двумя различными способами.

Первый, более ранний и пассивный, требовал полного сосредоточения на сакральных функциях, состоявших в совершении жертвоприношений и других церемоний, и не оставлял времени для участия в общественно-политической жизни (а иногда и напрямую препятствовал этому — как, например, в случае с *rex sacrorum*, которому запрещалось занимать государственные должности -Liv. XL, 42, 8).

Второй же, связанный с постепенным накоплением правил общения с богами и определённой демократизацией культа, состоял прежде всего в сохранении системы знаний, причём не только сакрального, но и политико-правового характера, и предоставлял достаточно значительные возможности влияния на общественную и государственную жизнь. При этом священнослужители, ответственные за первый способ «связи» с богами, судя по всему, в представлении древних римлян по сравнению с авгурами, понтификами, фециалами и жрецами священнодействий стояли гораздо ближе к архаическому пониманию жреца как человека, наделённого особой «сакральностью», гарантирующего благополучие общины путём отправления священных обрядов и сохранения собственной ритуальной чистоты, а также сосредоточенного на своих культовых функциях.

Конечно, со временем и это представление постепенно размывалось, что выразилось, в частности, в периодическом нарушении жреческих ограничений и занятии государственных постов священнослужителями, отнесёнными нами к первой категории, — в частности, салиями (Liv. XXXVII, 33, 7) и, конечно же, фламинами (Liv. XXXII, 7, 14; XXXVII, 50, 8; XXXVII, 51, 1-5; XXXIX, 39, 1-3 и т.д.). Тем не менее, процесс этого размывания шёл гораздо медленнее, чем в случае с понтификами, фециалами или жрецами священнодействий, авторитет которых, по всей видимости, уже в царскую эпоху (то есть практически изначально) основывался не на «святости», а на запасе знаний. Последние утверждения, по нашему мнению, дают, наконец, повод предположить, что рассмотренные группы священнослужителей отражают не только два способа сохранения *deorum*, но и два хронологических этапа в развитии института римского жречества.

-
- ¹ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1997. Т. 1. С. 147-148.
- ² Маяк И.Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 51; Сморгчов А.М. Сакральные основы формирования римской цивитас / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 14.
- ³ Штаерман Е.М. От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т.1. С.132; История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 426-427; Чернышов Ю.Г. Государство и прорицатели в Древнем Риме // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 199-200.
- ⁴ Bailey C. Phases in the religion of ancient Rome. Berkeley, 1932. P. 153-154, 159.
- ⁵ Bailey C. Op. cit. P. 160; Catalano P. Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960. P. 499-500; Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 138.
- ⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С.73.
- ⁷ Кофанов Л.Л. Сакральное право: от человеческих жертвоприношений к правовым санкциям // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 17.
- ⁸ Там же. С. 21.
- ⁹ Майорова Н.Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н.э.) // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 119; Broughton T.R.S. Mistreatment of foreign legates and the fetial priests: three Roman cases // Phoenix. 1987. Vol. XLI. № 1. P. 58.
- ¹⁰ Кофанов Л.Л. Указ. соч. С. 42.
- ¹¹ Подробнее см.: Штаерман Е.М. Социальные основы... С. 90; Сидорович О.В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 69-96; Twyman B.L. *Metus Gallicus*. The Celts and Roman human sacrifice // Ancient history bulletin. 1997. Vol. 11. P. 1-11.
- ¹² Сморгчов А.М. Указ. соч. С. 20-21.

В.В. Рязанов

ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УЧАСТИИ РАБОВ В ДВИЖЕНИИ

СЕКСТА ПОМПЕЯ В 43 – 36 гг. до н.э.

Проблема участия рабов в движении Секста Помпея, несмотря на достаточно подробное освещение в источниках, до сих пор остается одной из наиболее дискуссионных в историографии рассматриваемого периода. Современные исследователи, подобно древним авторам, признают наличие рабов среди сторонников Помпея-младшего, но расходятся в определении их значения и влияния на его политику.

Античная историография выработала два подхода к решению поставленной проблемы. Наиболее распространенной была точка зрения, согласно которой рабы, наряду с пиратами и дезертирами, составляли основу социальной базы государства Секста Помпея. Впервые появилась она в литературном окружении непримиримого противника Секста — первого римского императора Цезаря Августа. В течение четырех десятилетий единоличного правления Август, сам не чуждый увлечению литературой, настойчиво вырабатывал требования, предъявляемые к историческим

произведениям, формировал традицию, в соответствии с которой следовало рассматривать события прошлого и настоящего.

Рамки, в пределах которых могли работать исследователи эпохи II триумvirата, были довольно точно очерчены в произведениях, вышедших из-под пера самого Августа. До наших дней сохранилось лишь одно из них — краткая официальная автобиография, известная как «Деяния божественного Августа». Другие сочинения не сохранились, среди них «Автобиография» (доведенная до периода Кантабрийской войны), «Сицилия» (посвященная войне против Секста Помпея), речи, обширная переписка¹. Именно эти произведения, хорошо известные в императорскую эпоху, задавали традицию оценок и интерпретации событий римской истории, которую мы можем проследить даже на основании «Деяний...»².

Секст Помпей, смертельный враг Цезаря Августа, не мог, разумеется, не получить резко отрицательной оценки в его произведениях. К личной ненависти, которую Секст у него вызывал, добавлялась классовая ненависть лидера рабовладельческих слоев италийского общества к человеку, который одну из основных ставок в своей борьбе делал на освобождаемых им рабов³.

Оценка, данная Сексту Помпею Августом, была впоследствии растиражирована в произведениях античной историографии. В соответствии с предъявляемыми императорской цензурой требованиями, Секст изображался совершенно отрицательной личностью. Война против него объявлялась войной с рабами; противопоставлялись отец и сын Помпеи: отец — истинный римлянин, знаменитый полководец, сын — отщепенец, главарь шайки рабов и пиратов⁴.

Август назвал войну против Секста Помпея «рабской войной» (*bellum servile*). Этот термин был использован не случайно. Римские историки называли «рабскими войнами» восстания рабов на Сицилии в конце II века до н.э. Таким образом, римлянам подсознательно навязывался нужный императорской власти образ Секста Помпея — вожака рабов, наследника Евна и Афиниона. Единство мест действия только усиливало сравнение и, по мере удаления от событий, «рабские войны» в умах римлян должны были слиться в одну, а Секст окончательно занять свое место в истории как разбойник и рабский вожак⁵.

Как уже отмечалось выше, взгляды Августа на роль рабов в движении Секста Помпея широко распространились и заняли ведущее положение в античной историографии⁶. Однако сохранилась и другая точка, в соответствии с которой социальная структура движения Секста была более сложной и рабы были лишь одной из социальных групп, не обладавшей особым влиянием. Виднейшим представителем этого направления был Аппиан Александрийский, живший в первой половине II в. н.э.

Это время характеризуется изменением отношений между принцепсами и сенаторами, из среды которых, в основном, и выходили писатели. На смену периоду преследований, террора по отношению к знатным родам, приходит эпоха, когда «каждый может думать, что хочет и говорить, что думает»⁷. Императорская цензура ослабевает, и историки получают возможность описывать прошлое в соответствии с собственными убеждениями.

Аппиан Александрийский оставил наиболее беспристрастное описание событий 40 – 30 гг. до н.э. Он с равной тщательностью отмечает все поступки Цезаря Октавиана и Секста Помпея, как положительные, так и неблагоприятные⁸. Избегая штампов, характерных для августовской историографии, писатель стремится определить социальный состав государства младшего Помпея.

Аппиан отвергает представления о движении Секста Помпея как о восстании рабов. По его мнению, значение рабов было велико только в начале его самостоятельной политической карьеры — до захвата Сицилии, хотя и тогда они выступали не в одиночку, а совместно с бывшими солдатами Гн. Помпея Великого, изгнанниками, провинциалами⁹. В дальнейшем роль рабов уменьшилась. В результате проскрипций, вывода колоний ветеранов, разгрома республиканцев на Востоке, перузинской войны пострадавшие, противники триумвиров, бежали к Сексту. «Кто боялся за себя, кто был лишен своего имущества, кто совершенно не признавал нового государственного строя — все они скорее шли к нему; кроме них и молодежь, стремившаяся участвовать в войне ради наживы и не придававшая никакого значения тому, под чьими знаменами она сражается, — ведь везде она сражается вместе с римлянами — также и она охотнее всего шла к Помпею, стоявшему, по ее мнению, за наиболее справедливое дело»¹⁰. В целом, как отмечает Аппиан, социальный состав армии Секста Помпея ничем не отличался от армий триумвиров¹¹.

Переход власти от Антонинов к Северам и последовавшие за этим гражданские войны изменили отношение власти к литературе. Писатели начали возвращаться к традициям августовской историографии, рассматривая, в частности, движение Секста Помпея как рабскую войну, а его социальной опоры называя рабов¹².

Таким образом, античная историография дала две основные точки зрения на сущность движения Секста Помпея и, в этой связи, на роль рабов в нем. Современная историография античности в целом сохраняет те же два подхода.

Французский историк XVIII века Г. Роллен в многотомном труде «Римская история от основания Рима до битвы при Акции» собрал огромный фактический материал, но это достоинство является одновре-

менно и недостатком. Погребенный под массой фактов, приводимых античными писателями, автор был вынужден следовать за ними и в оценках тех или иных событий. Рассуждая о социальной структуре движения Секста Помпея, Г. Роллен отмечает его сложность. Помимо пиратов, рабов и разбойников он называет в числе сторонников Секста беженцев из италийских городов, чье имущество было конфисковано при выведении колоний ветеранов. Впрочем, по мнению автора, подобная сложность социального состава связана не со стремлением Секста Помпея к опоре на широкие слои населения, а с неразборчивостью его при приеме сторонников, так как Секст, якобы, принимал «всех без разбора, кто только захотел ему служить»¹³. Г. Роллен называет среди его сторонников и проскрибированных, но не придает их присутствию большого значения, даже не упоминая их при перечислении социальных групп в движении Секста Помпея¹⁴.

Г. Вебер (сер. XIX в.) вообще не отметил рабов в качестве одной из социальных основ государства Секста, указав на его корсарский характер и, соответственно, на пиратский состав движения¹⁵.

В конце XIX – начале XX вв. в историографии античности доминирует теория о рабах как об основной социальной составляющей государства Секста Помпея. Данной точки зрения придерживаются ведущие зарубежные и отечественные историки, исследовавшие проблему — Р.Ю. Виппер, М.И. Ростовцев, Г. Ферреро.

Р.Ю. Виппер в «Очерках истории Римской империи» отмечает социальную пестроту «морской державы Помпея», выделяя проскрибированных, италийцев, подвергшихся конфискациям при выводе военных колоний, республиканцев, спасшихся после Филипп и сторонников Л. Антония, выживших после перузинского разгрома. Но, отмечает историк, «рабы и вольноотпущенники образовали основную силу Помпея», причем подчеркивает, что «преобладание рабов, и притом элемента чужестранного» придает борьбе Секста Помпея против триумвиров классовый характер (по терминологии историка – «резкий социальный конфликт»)¹⁶.

К тем же выводам, что и Р.Ю. Виппер приходит в своих исследованиях и другой крупный ученый-антиковед М.И. Ростовцев. По его мнению, движение Секста Помпея — это новое восстание рабов, объединенных общим стремлением к свободе и к свержению гнета рабовладельцев. Война Октавиана с Секстом выделяется Ростовцевым из череды гражданских и внешних войн конца республики. «Война с Помпеем, — пишет он, — была войной не гражданской и не с враждебными нациями, а с обездоленными социальными элементами, созданными организацией рабского труда»¹⁷.

К социальной основе государства Секста Помпея М.И. Ростовцев относит также и пиратство, не вступая при этом в противоречие с тезисом о подавляющем значении рабов в нем. Историк, делая обзор пиратства в исследуемую эпоху, отмечает, что источником пополнения корсарских эскадр было, прежде всего, бегство рабов. Пиратство являлось единственной формой социального протеста «обездоленных элементов», так как на суше беглые рабы не могли противостоять профессиональной армии Рима¹⁸.

Различаются выводы Р.Ю. Виппера и М.И. Ростовцева при определении роли Секста Помпея в созданном им государстве. Если Р.Ю. Виппер считает Помпея самостоятельным политическим деятелем, претендентом на власть в Римской державе, только использующим в своих интересах социальное возмущение рабов¹⁹, то, по мнению М.И. Ростовцева, Секст не более чем символ, вокруг которого объединились рабы для отстаивания своих интересов. «В их среде, — пишет историк, — происходило брожение, они искали свободы и в момент возвращения Октавиана на запад (42 г. до н.э. — *B.P.*) вся Италия была насыщена шайками беглых рабов, которые ждали вождя. Таким вождем стал Секст Помпей»²⁰.

Опора на рабов стала, по мнению М.И. Ростовцева, причиной нестабильности, непрочности сицилийской державы Секста Помпея. Опираясь на рабов и пиратов нельзя создать мирное государство, оно может существовать, лишь ведя корсарскую политику. По этой причине распался союз Октавиана, Антония и Помпея, заключенный в Мизене (историк называет его III триумvirатом). Собравшийся с силами за время мирной передышки Октавиан уничтожил государство рабов²¹.

«Секст Помпей, этот царь всех обиженных и угнетенных, главным образом беглых рабов»²² был единственным объединяющим звеном в их движении, как уже отмечалось выше — символом, вокруг которого объединялись «обездоленные элементы». Это привело, по мнению М.И. Ростовцева, к тому, что после гибели Секста «преемника ему не нашлось» и созданное им государство распалось²³.

Г. Ферреро придерживается в целом того же подхода к оценке роли рабов в государстве Секста Помпея, что и Р.Ю. Виппер и М.И. Ростовцев. Он считает, что основой войска Помпея были рабы сицилийских домов, принадлежавших римским всадникам и экспроприированных Секстом. Используя рабов, Секст «установил посреди моря на трех островах деспотическое управление на азиатский манер; он сделался настоящим монархом, имея в качестве министров образованных восточных вольноотпущенников своего отца». Покровительствуя низшим слоям общества, превратив Сицилию в убежище «для всех рабов, желающих вступить в его армию», Секст Помпей, по мнению Г. Ферреро, подозрительно отно-

сил к представителям знати, бежавшим к нему, допуская по отношению к ним «жестокость и насилие»²⁴.

После Первой мировой войны и Октябрьской революции в историографии происходят изменения в оценках взаимоотношений Секста Помпея и рабов. Исследователи отходят от понимания движения Помпея как уникального, констатируя постоянность использования рабов римскими противоборствующими политическими группировками в гражданских войнах.

В фундаментальной «Истории рабства в античном мире» французский исследователь А. Валлон также придерживается точки зрения о рабах, как социальной опоре движения Секста Помпея. Он, по словам историка, «всячески ухаживал за своими вольноотпущенниками и слугами, чтобы удержать их при себе, и, владея Сицилией, он значительно увеличил свою армию на вербованными там рабами».

Однако, собрав сведения античных авторов о привлечении рабов к участию в гражданских войнах II – I вв. до н.э., А. Валлон пришел к выводу, что подобная практика была постоянной. «Как сообщники заговоров или как солдаты в гражданских войнах, рабы принимали участие во всех революциях, потрясавших республику». Особенностью движения Секста Помпея было то, что он первым из политических лидеров конца республики учитывал интересы рабов в своей деятельности. Выражением этого стал Мизенский мирный договор 39 г. до н. э. между Секстом и триумвирами. Впервые в мировой истории рабы указываются в нем как один из равноправных субъектов соглашения. «Верный данному слову, — пишет А. Валлон, — Секст в договоре с триумвирами потребовал (и добился – *V.P.*) свободы для всех, кто сражался под его началом». Признание рабов самостоятельным субъектом права связывается автором именно с младшим Помпеем, так как после его разгрома триумвиры пересмотрели мизенские договоренности в части, их касающейся. По приказу Цезаря Октавиана получившие свободу рабы были схвачены и возвращены прежним хозяевам или казнены²⁵.

Одновременно с А. Валлоном подобную точку зрения высказал и английский историк Р. Сайм. В отличие от исследователей конца XIX – начала XX вв., считавших рабов одной из сторон «социального конфликта», Р. Сайм, вводя понятие «социальной революции», определил носителем ее идей свободный пролетариат Италии. При этом не сбрасывается со счетов и движение Секста Помпея. «Социальная революция, — по мнению исследователя, — могла и рабов заключить в свои объятия»²⁶.

Отечественная историческая наука после Октябрьской революции пошла своим, отличным от европейской, путем. Доминирование формационного подхода К. Маркса привело к упрощению и формализации ис-

торических процессов. Политическая история сводилась к борьбе антагонистических классов, в нашем случае – рабов и рабовладельцев.

В 1935 г. на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников И.В. Сталин указал, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»²⁷. Советские ученые-антиковеды в тех конкретно-исторических условиях были обязаны выполнить данные указания. Однако, учитывая то, что рабовладельческий строй пал в V в. н.э., а крупнейшие выступления рабов в древнем мире относятся к “революционному веку Рима” — II – I вв. до н.э. — схеме было необходимо доработать.

Для согласования указаний И.В. Сталина и реально-исторических процессов была выработана теория «двухэтапной революции рабов». Основными ее выразителями стали известные советские историки С.И. Ковалев, А.В. Мишулин и ряд других исследователей.

С.И. Ковалев писал: «Революция рабов прошла две фазы, два этапа. Первый этап — гражданские войны конца республики. На этом этапе революция была разбита. Началась реакция, завершившаяся установлением империи. Прошло около 300 лет относительного гражданского мира, после чего в III в. началась вторая фаза революции, продолжавшаяся с небольшими перерывами в течении IV и V вв. и закончившаяся гибелью западной половины империи»²⁸.

Первый этап революции рабов включал в себя Сицилийские восстания, восстание Спартака и завершался гибелью «государства рабов и пиратов Секста Помпея»²⁹. Таким образом, сын уважаемого аристократа Гн. Помпея Великого определялся как революционный вождь. Это противоречие было быстро замечено и исправлено советскими исследователями. А.В. Мишулин «сократил» первый этап революции рабов, закончив его «грандиозным выступлением рабов под руководством Спартака», которое носило подлинно революционный характер³⁰. Движение рабов под руководством Секста Помпея, как не вписывающееся в схему просто замалчивалось.

Впрочем, надуманная схема двухэтапной революции рабов очень быстро показала свою нежизнеспособность. Уже в 1948 г. упоминавшийся выше С. И. Ковалев пересмотрел ее: первая фаза революции была отменена, говорилось лишь о движениях рабов в рамках общих для античного общества социальных изменений II – I вв. до н.э.³¹

Окончательный отказ от надуманной теории “революции рабов” состоялся в работах выдающегося советского историка античности Н.А. Машкина. Формально разделяя взгляды советской антиковедческой школы, обильно цитируя И.В. Сталина, С.И. Ковалева и других ее представителей³² и критикуя «буржуазных историков» (Р. Сайма, М.И. Ростовцева),

он фактически разделяет взгляды последних, приближая отечественную науку о древнем Риме к передовым для того времени западным образцам.

Н.А. Машкин приходит к выводу о том, что основными противниками в период гражданских войн были группировки, представляющие свободные слои населения. «Эта борьба, — пишет он, — происходила внутри класса рабовладельцев». Как и зарубежные историки, Н.А. Машкин отмечает и активное вовлечение в борьбу рабов: «В конце республики, после восстания Спартака, в Риме не было ни одного самостоятельного выступления рабов. Но, поскольку в производственных отношениях, в быту и в государственной жизни и в области культуры рабы играли исключительно большую роль, вполне естественным было использование их рабовладельцами в процессе классовой и партийной борьбы. Особенно часты были призывы рабов в интересующий нас период». Исследователь отмечает также, что рабы привлекались не только Секстом Помпеем, их использовали почти все борющиеся группы³³.

В то же время, Н.А. Машкин не только повторяет положения, к которым пришла западная историческая наука. Тщательно исследуя данные античной традиции, привлекая другие, во многом нетрадиционные для того периода в историографии источники (в частности, монетную чеканку), историк приходит к выводу о том, что рабы были не единственной и не основной социальной опорой государства Секста Помпея. Н.А. Машкин отмечает даже, что социальный облик движения не был статичен, а изменялся на протяжении его политической карьеры. Начал Секст как продолжатель дела отца и защитник аристократии. Лишь после мизенского договора 39 г. до н.э., когда знать пошла на примирение с триумвирами, в его лагере приобретают значение «иные социальные элементы» — рабы и демократические круги римского общества³⁴.

Указывая на сложность социальной базы движения Секста Помпея, делая попытки вычленить элементы, ее составляющие, рассмотреть их значение на различных этапах политической карьеры Помпея, Н.А. Машкин опередил представителей зарубежной исторической науки, пришедших к рассмотрению данных вопросов лишь в начале 60-х гг. XX в.

В это время западные исследователи также отказываются от представления о рабах, как о социальной основе движения Секста Помпея. Обращая внимание на сложность его социальной структуры, различные авторы выделяют иные группы, игравшие, по их мнению, не менее, а, возможно, и более важную роль, чем рабы. Ф. Мильтнер считал наивысшим достижением Секста в начале его самостоятельной деятельности получение постоянной поддержки испанских племен и жителей провинции³⁵. По мнению Ш. Стоуна, социальной базой движения Секста Помпея были сицилийцы³⁶. Исследуя отношения Помпея — младшего с ари-

стократами, Э. Габба отмечает постоянность поддержки, которую оказывали ему последние³⁷.

Особенно часто отмечается значение пиратства, причем, в отличие от построений М.И. Ростовцева – «профессионального». Роль пиратов как социальной основы движения Секста Помпея подчеркивают Ж. Мерьен, Э. Мароти, Л. Перелли и другие. По мнению Ж. Мерьена, Секст просто нанимал на службу профессиональных пиратов-киликийцев³⁸. Э. Мароти считает, что пиратские эскадры «были присоединены к военно-морскому флоту Секста Помпея, их собственные цели, то есть разбой и добыча достигались лишь при случае и попутно, играя лишь подчиненную роль»³⁹. Впрочем, Э. Мароти считает социальной опорой Секста Помпея не только пиратов, но и другие слои римского общества, в частности — аристократов-республиканцев⁴⁰.

В настоящее время в западной исторической науке сложилось представление о движении Секста Помпея как о явлении сложном в социальном отношении. Уникальность его состоит в том, что в нем выступили под едиными знаменами, с равными правами аристократическая верхушка Рима и рабы, италики и провинциалы, бывшие солдаты Помпея Великого и пираты⁴¹.

Несмотря на результаты, достигнутые в исследовании социальной базы Секста Помпея Н.А. Машкиным, советская историческая наука не пошла по его стопам. Отказавшись от нежизнеспособной теории «двух-этапной революции рабов», исследователи эпохи гражданских войн по-прежнему называли рабов социальной опорой сицилийского государства Помпея.

А.И. Кубанова посвятила обоснованию этого заключения отдельную статью. Критикуя Н.А. Машкина, ставящего привлечение рабов Секстом Помпеем в один ряд с другими подобными случаями, автор резюмирует, что «участие рабов в сицилийской войне выходит за рамки обычного привлечения их в войско свободных, действительно часто практиковавшееся в ходе гражданских войн»⁴². В подтверждение этого тезиса А.И. Кубанова пишет, что участие рабов в движении Секста Помпея отличалось по своему характеру и значению. «Здесь мы имеем дело с массовым бегством рабов, которое нигде и никем не регулировалось». Рабы не получали свободу из рук привлекавших их партий, а сами добывали ее. Отмечая, что «это явление «принимало такие размеры, что становилось опасным для господствующего класса», автор сравнивает движение Секста Помпея с восстанием под руководством Спартака⁴³.

Рабский характер государства Помпея-младшего, по мнению А.И. Кубановой, стал причиной недолговечности Мизенского договора 39 г. до н.э. Прекращение войны означало для рабов репрессии и возвращение их

в неволю, так как их освобождение «с точки зрения итальянских и сицилийских рабовладельцев было незаконным». Несмотря на достигнутые договоренности Сицилия оставалась центром притяжения для беглых рабов. Секст Помпей мог препятствовать этому лишь силовыми методами, на что, учитывая социальную основу своего государства, он пойти не мог⁴⁴.

Противоречива оценка А.И. Кубановой отношения к Сексту Помпею сицилийцев. Отмечая, что жители острова были недовольны триумвирами и поддерживали Секста при захвате Сицилии, что остров достиг в это время небывалого экономического расцвета, она в то же время говорит о том, что «рабовладельцы Сицилии» поддерживали Октавиана в борьбе с Помпеем⁴⁵.

В 60 – 70-х гг. теория о преобладании рабов в лагере Секста Помпея доминировала в советской школе антиковедения, причем исследователи, повторяя путь, пройденный западной наукой в период между мировыми войнами, не выделяли это явление из череды ему подобных. Е.М. Штаерман считала, что в эпоху гражданских войн изменился характер классовой борьбы. Переходя на сторону тех или иных группировок (в первую очередь отмечается пример Секста Помпея – *В.Р.*), рабы стремились к личной свободе, «их действия не имели целью освобождения рабов как класса и переустройство чуждого им общества»⁴⁶.

Огромную роль рабов в движении Секста Помпея отмечают также С.Л. Утченко, А.В. Игнатенко и другие исследователи⁴⁷.

С.Л. Ким в ряде трудов высказал теорию о том, что привлечение рабов к участию в гражданских войнах на стороне партий носила не случайный, а исторически обусловленный характер, являясь свидетельством разложения антагонистических классов рабовладельческого общества. Вовлекая рабов в междоусобные гражданские войны, рабовладельцы сами расшатывали его устои, способствовали осознанию рабами себя как класса, росту их политического сознания. В то же время, в тактическом плане, по мнению автора, участие рабов в конфликтах свободных граждан носило пассивный характер. «Невольники оказывались только «пешками» в руках господствующих классов, ничего не выигрывая в этой борьбе»⁴⁸.

Начиная со второй половины 80-х гг. отечественная наука вновь обращается к тому направлению исследований, которое было намечено Н.А. Машкиным и развивалось в западной историографии с начала 60-х гг. В первую очередь это связано с появлением работ В.Н. Парфенова.

Посвятив изучению социальной базы Секста Помпея одну из глав своей монографии «Рим от Цезаря до Августа», В.Н. Парфенов отмечает ее сложность, выделяя в качестве социальных опор его движения не

только рабов, но и республиканскую аристократию, римский плебс, италиков, провинциальных жителей. Он убедительно доказывает, что распространенное мнение об абсолютном преобладании рабов в движении Секста Помпея сильно преувеличено, подчеркивает наличие у него значительного количества свободных сторонников. Полемизируя с Н.А. Машкиным, исследователь говорит о неизменно большом значении аристократов в государстве Секста. Опровергает В.Н. Парфенов и теорию о противостоянии в лагере Помпея аристократии и вольноотпущенников, постоянным итогом которого было превосходство последних. Опираясь на источники, автор доказывает, что знать и вольноотпущенники в большинстве случаев действовали в единстве, а мнение о доминировании либертинов сильно преувеличено современными, а не древними исследователями. В заключение автор делает вывод, что «личные цели Секста Помпея принципиально не отличались от тех, которые ставили перед собой триумвиры». Таким образом, окончательно опровергается теория о том, что Секст Помпей был лишь символом, вокруг которого объединялись рабы для достижения своих стремлений⁴⁹.

Вернувшись через несколько лет к рассматриваемой проблеме, В.Н. Парфенов пришел к выводу о том, что базовой социальной группой в движении Секста Помпея были сицилийцы. Финансовые, материальные и людские ресурсы Сицилии стали той основой, которая позволила ему почти десять лет вести на равных борьбу с триумвирами, на службе у которых были все богатства римского государства⁵⁰. Следует, однако, отметить, что эта работа В.Н. Парфенова в значительной степени опирается на выводы, сделанные в статье Ш. Стоуна⁵¹. При этом роль рабов в движении Секста Помпея признается автором ничтожной; даже значение пиратства, не говоря уже о римско-италийских слоях, ставится им выше⁵².

На сложность социального состава движения Секста Помпея обращают внимание также А.Б. Егоров, А.Б. Снисаренко и И.Ш. Шифман, отмечая, в первую очередь, роль в нем политических изгнанников и италиков, подвергнутых при выводе колоний конфискациям. При этом исследователи подчеркивают пиратский характер движения⁵³.

В середине 90-х гг. была выдвинута новая перспективная гипотеза о социальной сущности движения Секста Помпея. М.Г. Абрамзон предположил, что Секст в своей деятельности опирался, подобно триумвирам, на профессиональную армию⁵⁴. Таким образом, как представляется, говорить о взаимоотношениях аристократов, рабов, провинциалов, других социальных групп уже нет необходимости. Вступая в армию Секста или триумвиров, они отказывались от принадлежности к определенным клас-

сам, сословиям, от их интересов, защищая в качестве солдат-профессионалов дело своего вождя.

Однако, специфика работы М.Г. Абрамзона, исследующей связь монетной чеканки с пропагандой в Римской империи, не позволила ему подробнее остановиться на доказательстве своей гипотезы. По нашему мнению, она требует дополнительного исследования.

Изучение историографии вопроса о роли рабов в движении Секста Помпея позволяет выделить три этапа, различавшихся подходами к его решению. На первом этапе (конец XIX – начало XX вв.), общем для отечественной и зарубежной исторической науки, доминировала теория о том, что рабы являлись основной социальной составляющей государства Секста. Исследователи этого периода отмечали уникальность явления, считая его социальным конфликтом между классами римского общества. Секст Помпей определялся как покровитель обездоленных элементов.

В период между мировыми войнами пути отечественной и зарубежной исторической науки разошлись. Продолжая считать рабов основой сицилийского государства, западные ученые отметили, что практика привлечения рабов на сторону противоборствующих группировок была постоянной, а Секст Помпей только применял ее в больших размерах.

В отечественной науке этого периода под влиянием политической конъюнктуры доминировала выдвинутая И.В. Сталиным и подхваченная учеными теория о «двухэтапной революции рабов», уничтожившей рабовладельческий строй. Движение Секста Помпея определялось как завершающая фаза первого этапа революции, а его лидер как революционный вождь. В дальнейшем, обратив внимание на несоответствие этого реальному образу Секста, советские историки начали вообще замалчивать его деятельность.

На третьем этапе исследований (вторая половина XX века) ученые обратили внимание на сложность социального состава движения Секста Помпея. Впервые эта теория прозвучала в работе отечественного историка Н.А. Машкина, но разрабатываться стала зарубежной наукой с начала 60-х гг. Исследователи относили к социальной основе государства Секста различные слои римского общества, подчеркивая значение отдельных из них (аристократии, провинциалов, пиратов).

Отечественная наука не обратила внимание на достигнутые Н.А. Машкиным результаты в решении проблемы. Отказавшись от теории «революции рабов», советские историки сделали шаг назад, вернувшись к признанию рабов социальной основой движения Секста Помпея, то есть к выводам, сделанным еще в конце XIX – начале XX вв. Лишь в середине 80-х гг. отечественные ученые вернулись к наиболее современному направлению исследований, предложенному Н.А. Машкиным и продуктив-

но разрабатываемому западной наукой. Связано это в первую очередь с работами В.Н. Парфенова.

¹ Античные писатели. Словарь. СПб., 1999. С. 21-22.

² Межеричский Я. Ю. Клавдий: историк и император // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1991. С. 61.

³ RgDA, 25, 1.

⁴ Vell., II, 73, 1-3.

⁵ RgDA, 25, 1. Сравнить с: Flor., II, 7; Luc., I, 43.

⁶ Рабы называются основой социальной базы движения Секста Помпея у историков Веллея Патеркула, Флора, Диона Кассия, Аврелия Виктора, поэтов Горация и Лукана: Vell., II, 73, 1; Flor., II, 18, 1-2; Dio Cass., XLVIII, 19, 4; Vict. De vir ill., LXXXIV, 1; Hor. Ep., IX, 8-10; Luc., I, 43.

⁷ Tac. Hist., I, 1.

⁸ Рязанов В.В. Образ Секста Помпея в римской исторической традиции // Норция. Воронеж, 1999. Вып. 4-5. С. 137-138.

⁹ App. B. C., IV, 83-85.

¹⁰ App. B. C., V, 25.

¹¹ App. B. C., V, 17.

¹² Смотреть, например: Dio Cass., XLVIII, 19, 4.

¹³ Роллен Г. Римская история от создания Рима до битвы Актийской, то есть до окончания республики. СПб., 1766. Т. 15. С. 91.

¹⁴ Там же. С. 304.

¹⁵ Вебер Г. Курс всеобщей истории. История римского государства. М., 1860. Т. 1. Вып. 3. С. 585, 596.

¹⁶ Виппер Р.Ю. Очерки истории римской империи. Ростов н/Д., 1995. Т. 2. С. 98-100.

¹⁷ Ростовцев М. И. История римской империи. Курс лекций. СПб., 1913. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 25-28.

¹⁹ Виппер Р.Ю. Указ. соч., С. 98.

²⁰ Ростовцев М.И. Указ. соч., С. 23.

²¹ Там же. С. 29.

²² Там же. С. 45.

²³ Там же. С. 29.

²⁴ Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1916. Т. 3. С. 269.

²⁵ Валлон А. История рабов в античном мире. М., 1941. С. 428-429.

²⁶ Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 231, 238, 255.

²⁷ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 412.

²⁸ Ковалев С.И. Две проблемы римской истории // Вестник ЛГУ. Л., 1947. № 4. С. 92.

²⁹ Ковалев С.И. История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1939. С. 164.

³⁰ Мишулин А.В. История древнего Рима. М., 1946. С. 98, 103.

³¹ Ковалев С.И. История Рима. Л., 1948.

³² Машкин Н.А. Принципат Августа. М., 1949. С. 294-296.

³³ Там же. С. 296-298.

³⁴ Там же. С. 194-200, 254.

³⁵ Milthner F. Sex. Pompeius Magnus // RE. Hbd. 42. Sp. 2216.

³⁶ Stone Sh. C. Sextus Pompey, Octavian and Sicily // American Journal of Archeology. 1983. V. 87. № 1. P. 11ff.

³⁷ Gabba E. The Perusine War and Triumviral Italy // Classical Philology. 1971. V. 75. P. 148.

³⁸ Merrien J. Histoire mondiale des pirates, flibustiers et negriers. Paris, 1959. Цит. по русскому изданию: Мерьен Ж. Энциклопедия пиратства. М., 1999. С. 42-43.

- ³⁹ Maroti E. Die Rolle der Seerauber unter den Anhangern des Sextus Pompeius // Sozialökonomische Verhältnisse im alten Orient und im klassischen Altertum. Berlin, 1961. S. 209.
- ⁴⁰ Maroti E. Sklavenbewegungen zur Zeit des zweiten Triumvirats // Античное общество. М., 1967. С. 114.
- ⁴¹ Marsh F. B. A History of the Roman World 146 to 30 B. C., L. – NY. 1971. P. 290; Крист К. История времен римских императоров. Ростов н/Д., 1997. Т. 1. С. 91.
- ⁴² Кубанова А. И. Движение рабов в гражданской войне 43–36 гг. до н.э. в Сицилии // Ученые записки Тульского ГПИ. Тула, 1958. Вып. 5. С. 50.
- ⁴³ Там же. С. 56.
- ⁴⁴ Там же. С. 60, 66.
- ⁴⁵ Там же. С. 50-52, 69-71.
- ⁴⁶ Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 183. См. также: Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 154, 219-253.
- ⁴⁷ Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 143-145; Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики. Свердловск, 1976. С. 189.
- ⁴⁸ Ким С.Р. К вопросу о трансформации антагонистических классов в римском обществе. Поздняя республика // Проблема античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 1. С. 368. Ким С.Р. Участие рабов и либертинов в гражданских войнах поздней римской республики // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1996. С. 55, 60.
- ⁴⁹ Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987. С. 68-87.
- ⁵⁰ Парфенов В.Н. Секст Помпей и сицилийцы // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 10. С. 63-73.
- ⁵¹ Stone Sh. C. Sextus Pompey, Octavian and Sicily // American Journal of Archeology. 1983. V. 87. № 1. P. 11-22.
- ⁵² Парфенов В.Н. Секст Помпей и сицилийцы. С. 63.
- ⁵³ Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985, С. 82; Снисаренко А. Б, Властители античных морей. М., 1986. С. 170-173; Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 64.
- ⁵⁴ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 9.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

А.И. Сурков

ОТНОШЕНИЯ ГОСПОДСТВА–ПОДЧИНЕНИЯ В СИСТЕМЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В ПОЗДНЕСАКСОНСКОЙ БРИТАНИИ (X – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XI СТОЛЕТИЯ)

Большинство исследователей, изучающих историю англосаксонской Британии, сходятся во мнении, что дальнейшее развитие и усиление института королевской власти в позднеанглосаксонский период было во многом обусловлено сложностью процессов политической консолидации англосаксов. Однако вопрос об общей роли королевской власти в становлении государства и его административной системы остается дискуссионным. В англо-американской историографии наибольшее распростране-

ние получила так называемая теория “государства знати”, рассматривающая политику королей в качестве главного стимула оформления государства и его административной системы, а также возникновения широкого слоя служилой аристократии. Последняя, составлявшая основу государственного аппарата, по сути, явилась “детищем” целенаправленной королевской политики.

Именно от короля исходили политические функции знати¹. В работах отечественных исследователей приоритет отдается социально-экономическим факторам государственного развития, а западные концепции подвергаются критике за их “ярко выраженный этатизм”. Проблема возникновения служилого сословия анализируется в более тесной связи с процессами феодализации в англосаксонском социуме, а роли королевской власти в формировании широкого слоя министерялов придается не столь большое значение².

Нам представляется, что для решения проблемы о степени влияния и месте короны в складывании институтов раннесредневекового английского государства необходимо выделить те базовые принципы, которые лежали в основе функционирования самой королевской власти. Одним из таких принципов является система отношений господства-подчинения или принцип глафурдата (от др.-англ. “hlaford” — господин). Согласно ему король — это верховный господин всех людей своего королевства. Имеющий глубокие корни в англосаксонском социуме, глафурдат не утрачивает своей важности и в X – XI вв. и, по сути, становится краеугольным камнем концепции королевской власти в позднеанглосаксонской Британии.

В отечественной литературе советского периода отношениям господства-подчинения уделялось недостаточное внимание, хотя некоторые исследователи, в частности А.А. Корьев, и замечали, что «...в источниках исследуемого периода наблюдается свойственное раннему средневековью отсутствие четкого разграничения между повиновением королю как главе государства и частно-правовым подчинением»³. Зарубежные историки, к примеру, Р. Абельс, придавали гораздо большее значение фактору личных связей в системе королевской власти, иногда просто называя ее «...разновидностью отношений господства-подчинения»⁴.

Если обратиться к источникам, то станет очевидно, что в законодательстве изучаемого периода не существовало разницы между покушениями на жизнь короля и глафурда. Согласно законам Альфреда Великого за подобные преступления следовала одна мера наказания — смертная казнь с конфискацией имущества⁵. Короли сами нередко рассматривали себя в качестве глафурдов и требовали от каждого свободного англосакса столь же преданного повиновения, как если бы король являлся непосред-

ственным господином каждого конкретного человека⁶. Интересно отметить, что, начиная с правления Эдуарда Старшего, принесение клятвы верности королю со стороны могущественных людей державы становится обычным делом.

Наибольшее распространение эта практика получает на отвоеванных у скандинавов землях, когда от знатных датских эрлов требовалось присягнуть королю и признать его в качестве своего лорда (*gesohte him to hlaforde*). В частности, подобную клятву верности королю Эдуарду принесли эрлы Торкетел и Турферт после удачных военных кампаний англосаксов против датчан Бедфорда и Нортгемптона⁷. Как считает Р. Абельс, «завоевания Эдуарда и его преемников Этельстана и Эдмунда приняли форму установления персональных отношений господства-подчинения между королем и датскими землевладельцами... Нежели просто покориться королю англосаксов, они выбрали его в качестве своего господина и покровителя и скрепили эти отношения клятвой верности, которую потребовал от них завоеватель»⁸.

Примеры такого рода имели место и ранее. Именно принцип глафордата, а не наследственное право, лег в основу установления господства Альфреда над Мерсией в конце IX столетия⁹. На тех же основаниях после захвата Альфредом Лондона в 886 г. признали власть короля Уэссекса «все англы и саксы», проживавшие вне пределов Области датского права¹⁰. И это, как считают некоторые авторы, может рассматриваться в качестве некой точки отсчета, от которой ведет свое начало чувство этнического единства англосаксов, объединенных под властью одного вождя¹¹.

Свое окончательное юридическое оформление принцип глафордата получил в третьем кодексе законов короля Эдмунда, принятом в 943 г. в местечке Колитон-он-Ди в Девоншире. В этом юридическом сборнике был помещен текст клятвы верности, которую должен был принести каждый свободный англосакс своему королю: «В первую очередь все должны поклясться во имя Господа..., что они будут верны королю Эдмунду так же, как человек обязан хранить верность своему господину, без сомнений и колебаний, открыто или тайно, и благоволить тому, чему он благоволит, и не одобрять того, чего он не одобряет» (*“Imprimis ut omnes iurent in nomine Domini..., fidelitatem Eadmundo regi, sicut homo debet esse fidelis domino suo, sine controversia et seductione, in manifesto, in occulto, et in amando quod amabit, nolendo quod nolet...”*)¹².

Как свидетельствуют законы короля Этельстана, подобные клятвы приносились на собраниях сотни в присутствии королевского герефы¹³ и уже с этой точки зрения имели обязательный и общегосударственный характер. В случае нарушения клятвы человек с позором лишался своего

оружия и направлялся в заключение в одно из королевских поместий (tun), где в течение 40 дней должен был вынести любое наказание, наложенное на него епископом. Если же преступник отказывался подчиниться властям, то он объявлялся вне закона и тем самым терял статус полноправного члена общества¹⁴.

Важно отметить, что формула клятвы Эдмунда имела большое значение и с политической точки зрения, ибо распространялась не только на англосаксов, но и на принявших христианство скандинавов. По словам Р. Абельса, «это должно было усилить процесс объединения различных земель и народов, над которыми он (король — А.С.) правил, и привязать их к себе личными узами, во многом, как во времена Карла Великого принятие присяги верности лично королю франков способствовало объединению лоскутной империи Каролингов»¹⁵.

Обладая статусом верховного лорда, англосаксонские короли в рассматриваемый период пытались контролировать отношения глафурдата не только с непосредственно подвластными им людьми, но и в рамках всего королевства. В этой связи любой знатный англосакс попадал в поле действия королевских законов и на основе их предписаний должен был строить отношения со своими клиентами. Если в VII столетии в законах короля Инэ просто констатировалось, что человек, покинувший своего господина без разрешения, должен был быть возвращен и оштрафован в пользу лорда, то в законодательстве Альфреда особо подчеркивалось, что только с ведома королевского элдормена человек мог покинуть своего господина. Если же это происходило вопреки установленным правилам, то тот, кто принял перебежчика, обязан был уплатить королю 120-шиллинговый штраф¹⁶. Позже подобное преступление было квалифицировано как неповиновение королевской особе (cynges' oferhynes)¹⁷.

В 20-е гг. X в. в судебнике короля Этельстана появляется титул, содержащий категорическое требование каждому человеку иметь господина, ибо только находящийся под чьим-либо патронатом мог быть подвергнут судебному разбирательству. Человек без глафурда оказывался в положении изгоя и тем самым исключался из сферы действия королевского правосудия¹⁸. Видимо, наличие глафурда и возможность пользоваться его покровительством являлись важным признаком полноправия в англосаксонском социуме рассматриваемого периода.

Сам лорд нес полную ответственность за своего клиента, будучи обязанным не только быть справедливым по отношению к нему, но и отвечать за все его проступки перед самим королем. Так, например, если господин творил беззаконие и желал «извести своего человека», то тот имел право найти себе другого лорда¹⁹. Но если глафурд покрывал преступле-

ния патронируемого им человека и делал это неоднократно, то, как гласят законы, мог потерять «...все, чем владеет»²⁰.

Думается, что вмешательство королевской власти в отношения частного глаффордата свидетельствовало о стремлении государства усилить свой контроль над обществом. Возводя, по сути, частные взаимоотношения в силу закона, корона желала выдать их за некий образец, принцип, по которому должна была строиться вся вертикаль власти в стране. В X – середине XI столетия персональные связи между королем и всеми его подданными все больше начинают приобретать политическую окраску, что не могло не сказаться на укреплении самого института королевской власти.

На практике это сыграло значительную роль. Когда в 1051 г. эрл Годвин поднял мятеж против короля Эдуарда Исповедника, последний оказался в более выгодном положении, нежели его соперник. Воспользовавшись тем обстоятельством, что тэны Годвина, будучи обязаны хранить верность своему глафорду, были в равной степени верны и королю как верховному господину всех англосаксов, Эдуард сумел добиться от них присяги и привлечь мятежников на свою сторону²¹.

И пусть эта победа короля оказалась временной²², она все же свидетельствовала о реальной силе института личных связей в системе государственной власти и в политической жизни страны. Подтверждением этому являются слова известной проповеди «*Sermo Lupi ad Anglos*», вышедшей из-под пера архиепископа Кентерберийского Вульфстана приблизительно за треть века до вышеописанных событий: «...Величайшее предательство в мире заключается в том, что человек устраивает заговор против своего короля или изгоняет его...», и это равносильно тому, как если бы человек предал душу своего лорда²³.

Примерно с рубежа VIII – IX вв. корона предпринимает попытку дополнить уже сложившийся институт личных связей системой поземельных отношений. Являясь верховным распорядителем всех земель королевства и обладая правами территориального лорда, королевская власть инициирует процесс наделения земель служилой аристократии. В IX столетии служилое землевладение, бокленд, окончательно приобретает черты светского владения. Получивший землю дружинник наделяется правами податного иммунитета и возможностью творить правосудие на пожалованных землях. При этом он освобождается от уплаты различного рода податей в королевскую казну, будучи обязанным исполнять лишь так называемую “тройную повинность”, состоявшую в сооружении мостов, дорог, укрепленных пунктов в стране, а также в несении военной службы.

В X – середине XI в. права получателя бокленда значительно расширяются. Отныне дружинник мог не только воспользоваться податным иммунитетом, но и со временем начать феодальное освоение своего владения с возможностью эксплуатировать местное население. Однако при этом корона не теряет своего контроля над земельными пожалованиями, не только устанавливая тесную взаимосвязь между обладанием землей и дружинной службой, но и вмешиваясь, как уже упоминалось, в отношения частного глафрдата. Стремясь укрепить свои связи с министриалитетом, государственная власть в лице короля отнюдь не ставила перед собой задачи придать бокленду безусловный характер, ибо тем самым рисковала утратить возможность контроля как над служилой знатью, так и над земельным фондом королевства²⁴.

Итак, свободно распоряжаться землей дружинник мог лишь при условии надлежащего исполнения своих служебных обязанностей, важным элементом которых являлись верность и преданность королю как в делах государственного управления, так и на поле брани. Трусость и предательство в отношении королевской особы рассматривались как величайшее преступление и влекли за собой суровое наказание: предавший короля министриал рисковал потерять свой земельный надел²⁵.

А поскольку в это время важным показателем принадлежности к слою служилых людей становится определенный размер земельного пожалования и вообще обладание землей, то утрата последней лишала дружинника возможности сохранить свой высокий социальный статус и остаться в рядах служилой аристократии. Так, например, если потомки рядового свободного, кэрла, в течение трех поколений исполняли королевскую службу, имея одновременно пять гайд земли, они могли рассчитывать на вергельд министриала. Если же кто-либо из представителей этих трех поколений в силу различных обстоятельств терял землю, он навсегда лишался вергельда служилого человека и снова получал виру кэрла, а его потомкам путь в состав министриалитета закрывался²⁶.

Несомненно, что корона активно использовала свою прерогативу в распоряжении земельным фондом королевства, тем самым усиливая свое влияние как над служилыми людьми, так и над другими сословиями. Установление тесной взаимосвязи между земельным владением, дружинной службой и общественным статусом человека в дополнение к уже сложившимся отношениям господства-подчинения имело целью в еще большей степени привязать служилую аристократию к нуждам государственной власти, что являлось необходимым залогом создания действенного административного аппарата в стране.

Анализируя роль глафрдата в развитии института королевской власти, было бы уместным в нескольких словах остановиться на особенно-

стях взаимоотношений короны и церкви в исследуемый период. При непосредственном участии последней была фактически сформулирована христианская концепция монархической власти. Духовенство широко прокламировало формулу “король божьей милостью” (*gratia dei, providentia dei*), “помазанник божий, наделенный властью свыше”. Слова о божественном происхождении королевской власти включаются в официальные документы и хартии. Некоторые короли прямо именуют себя «временными держателями земной власти под верховной властью небесного владыки», а в законах появляется формула, что «король является наместником бога в своем королевстве»²⁷.

В трудах писателей-клириков X – первой половины XI столетия создается образ идеального монарха, главными достоинствами которого должны быть справедливость и забота обо всех слоях населения. По словам архиепископа Кентерберийского Одо, король обязан разбирать споры между людьми независимо от их общественного положения; быть защитником чужестранцев, вдов и сирот, запрещать воровство, сторониться злых людей, а неимущих наделять милостыней²⁸.

Таким королем для духовенства являлся Эдгар Миротлюбивый, реформатор церкви и защитник ее интересов, «мудрый пастырь своего племени, направлявший его в делах церкви и государства»²⁹. Не менее высокую оценку получил и Кнут Великий, бывший язычник и завоеватель Англии, сумевший при помощи щедрых пожалований в пользу церковных корпораций добиться расположения клира. Вот что писал о нем неизвестный монах-современник: «Он с усердием защищал вдов и сирот и помогал чужеземцам, отвергал несправедливые законы и наказывал тех, кто подчинялся им; он восхвалял справедливость и оберегал ее, строил церкви и возвеличивал их, осыпая титулами духовенство; он велел своим людям жить в мире и единогласии.... И показал своим потомкам добрый пример щедрости и великодушия, которому они, благодаря Господу, все еще следуют...»³⁰.

Особое место в укреплении церковного авторитета занимает введение церемонии “помазания” королей на царство, ставшей неотъемлемой частью светской процедуры восшествия на престол. Впервые этот религиозный элемент коронации появился в англосаксонских землях не ранее конца VIII столетия в Мерсии в правление короля Оффы. В 787 г. сын и соправитель Оффы Эгфрит был помазан елеем и фактически посвящен в королевский сан (*to cyninge gehalgod*)³¹. Произошло это событие на церковном соборе в Челси (*Sealchythe*) в присутствии папских легатов³². Повидимому, этот обряд был заимствован мерсийцами у франков, с которыми Оффа, как известно, поддерживал тесные связи³³. Впоследствии ритуал “помазания” перекочевал в Нортумбрию, а оттуда в Уэссекс в

начале IX в. В подробном виде он дошел до нас лишь в описании коронации Эдгара Миролюбивого в Бате в 973 г.

Суть церемонии “помазания” состояла в принесении королем клятвы, текст которой, видимо, был составлен архиепископом Кентерберийским Дунстаном³⁴, и вручении новоявленному монарху соответствующих атрибутов власти. В присутствии высшего англосаксонского клира король торжественно обещал поддерживать мир во всем королевстве, наказывать тех, кто совершил воровство и другие злодеяния, а также быть справедливым и милосердным в решении государственных дел. Затем архиепископ жаловал посвященному королю кольцо, опоясывал его мечом и увенчивал королевскую голову короной, после чего служилась торжественная месса и король возводился на трон³⁵.

В глазах церковников посвящение на царство выглядело как некий акт вручения земному королю божественной санкции на управление страной, что значительно укрепляло авторитет и незыблемость королевской власти. Как писал аббат Эльфрик в одной из своих проповедей, люди могут выбрать себе в качестве короля любого, кого пожелают; но как только он посвящен в королевский сан, никто не может скинуть бремя его власти со своих плеч³⁶. В судебных актах настоятельно подчеркивалось, что почитание единого бога неразрывно связано с повиновением королю³⁷. А, следовательно, преступление, совершенное против короля, столь же греховно, как и преступление против небесного владыки. Особый вес и значение придавались королевскому слову: оно приравнивалось к божьему закону³⁸.

Все эти проповеди, произносимые с церковных амвонов, способствовали укреплению союза государства и церкви и указывали на стремление духовенства упрочить власть единого короля на всей территории Англии³⁹. Огромное влияние клира в развитии церковной доктрины монархии позволило некоторым англо-американским историкам говорить о теократическом характере англосаксонского государства накануне Нормандского завоевания⁴⁰. По мнению одного из авторов этой теории, Ф. Барлоу, введение церемонии “помазания” способствовало превращению короля в члена церковного сословия, что отвечало исконным интересам церкви. Она желала видеть в короле своего лорда и защитника, который бы пользовался авторитетом в церковных делах⁴¹.

Среди отечественных медиевистов эта концепция не прижилась. Признавая за церковью немаловажную роль в развитии англосаксонской государственности, они лишь констатировали, что церковная идеология и привнесение религиозного элемента в восприятие власти короля способствовали укреплению представлений о короле-суверене и еще больше возвышали королевскую персону над соплеменниками. Принятие коро-

лями “помазания” рассматривалось как качественно новая ступень в развитии института королевской власти⁴².

При этом серьезной критике подвергались попытки некоторых зарубежных историков утверждать о полной преемственности власти древнегерманского языческого конунга и христианского короля⁴³. Возводя языческие представления о королевской власти ко времени, когда претензии конунгов на управление своими соплеменниками ограничивались органами родоплеменного самоуправления, отечественные исследователи подчеркивали, что с принятием христианства совпало развитие у англосаксов социально стратифицированного общества, в котором укрепились представления о короле-суверене, осуществляющим общегосударственное руководство своим народом⁴⁴.

Несомненно, придание религиозного авторитета королевской персоне явилось важным фактором в развитии англосаксонского государства. Однако говорить об этом как о “качественно новой ступени” в эволюции самого института королевской власти нам представляется не совсем корректным. В церковном обосновании верховенства короны над всеми ее подданными не было ничего принципиально нового, чего бы не содержалось в системе отношений господства-подчинения. Сами писатели-клирики, в частности, уже упомянутый Вульфстан, не видели существенной разницы между преступлениями против короля как наместника бога на земле и как верховного господина всех англосаксов. А значит, формулы “король – помазанник божий” и “король – глафторд” являлись отнюдь не взаимоисключающими понятиями. Поэтому мы вправе считать, что введение религиозных элементов в восприятие королевской власти лишь дополнило уже сложившуюся систему личных связей между королем и его подданными и тем самым способствовало дальнейшему укреплению позиций короны в обществе.

¹ Abels R.P. Lordship and military obligation in Anglo-Saxon England. Berkeley (Cal.), 1988. P. 64 ff.; Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon institutions. Cambridge, 1905. P. 96-99, 378-383; John E. Orbis Britanniae. Leicester, 1966. P. 23-24, 140-142; Loyn H.R. Anglo-Saxon England and the Norman Conquest. L., 1970. P. 213 ff.; Lyon B.A. Constitutional and legal history of medieval England. N.-Y., 1960. P. 67-82; Stenton F.M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971. P. 688 ff.

² Барг М.А. Проблемы социальной истории. М., 1973. С. 12-149; Гуревич А.Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М., 1953. Вып. 4. С. 49-73; Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 47-48, 52; Соколова М.Н. Возникновение феодального землевладения и класса феодалов в Англии VII-X вв. // Средние века. М., 1958. Вып. 12. С. 5-30.

³ Корьев А.А. Церковь и государство в Англии X – первой половины XI вв. / Дисс... к.и.н. Л., 1982. С. 33.

⁴ Abels R. Op. cit. P. 81.

- ⁵ Aelfred, 4, 4 § 2. Ссылки на законодательные памятники англосаксов даются по изданию: Die Gezetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. 1, с указанием титула, а при необходимости и параграфа законов соответствующего короля.
- ⁶ I Eadmund, 1.
- ⁷ The Anglo-Saxon chronicle, а. 914, 917. // English historical documents. L., 1955. Vol. 1. P. В дальнейшем цитируется по этому изданию с указанием года и страниц.
- ⁸ Abels R. Op. cit. P. 82.
- ⁹ Stenton F. Op. cit. P. 259-260; Wainwright F.T. Aethelfled, Lady of the Mercians // The Anglo-Saxons / Ed. by P. Clemoes. L., 1959. P. 53-69.
- ¹⁰ Keynes S., Lapidge M. Alfred the Great. Harmondsworth, 1983. P. 38.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² III Eadmund, 1.
- ¹³ VI Aethelstan, 10.
- ¹⁴ Aelfred, 1 § 1-8.
- ¹⁵ Abels R. Op. cit. P. 87.
- ¹⁶ Aelfred, 37 § 1,2.
- ¹⁷ II Aethelstan, 22.
- ¹⁸ Ibid., 2, 2 § 1.
- ¹⁹ V Aethelstan, 1 § 1.
- ²⁰ Ibid., 3, 3 § 1.
- ²¹ The Anglo-Saxon chronicle, а. 1051.
- ²² В 1052 г. эрл Годвин все же сумел одержать верх в борьбе с Эдуардом Исповедником. Подробнее об этом см.: The chronicle of John of Worcester. Oxford, 1995. Vol. II. P. 567-571.
- ²³ English historical documents. Vol. I. P. 856-857.
- ²⁴ Подробнее об эволюции бокленда см.: Глебов А.Г. Становление и развитие раннеклассового общества в англосаксонской Британии (V-IX вв.) / Дисс... д.и.н. Воронеж, 1999. С. 25; Сурков А.И. Служилое землевладение в раннесредневековой Англии: проблема бокленда // Новик. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 24-36.
- ²⁵ V Aelfred, 28.
- ²⁶ Northleoda laga, 11, 12.
- ²⁷ Cartularium Saxonicum: a collection of charters, relating to Anglo-Saxon history / Ed. W. de Birch. L., 1885-1893. Vol. II. N 872; VIII Aethelred, 2 § 1.
- ²⁸ Hook W.P. Lives of the archbishops of Canterbury: In 12 vols. L., 1860. Vol. 1. Anglo-Saxon period. P. 370.
- ²⁹ The Anglo-Saxon chronicle, а. 959. P. 205.
- ³⁰ Campbell A. Encomium Emmae Reginae. L., 1949. P. 37-38.
- ³¹ Как отмечает П. Блейр, слово "gehalgian" обычно обозначало посвящение в епископский сан. См.: Blair P.H. Op. cit. P. 205.
- ³² The Anglo-Saxon chronicle, а. 787. P. 166; English historical documents. P. 771.
- ³³ John E. Op. cit. P. 28-35; Schramm P.E. A history of English coronation. Oxford, 1937. P. 19. По словам М. Блока, впервые средневековый обряд помазания появился в вестготском королевстве в VII в. См.: Блок. М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 617-618.
- ³⁴ Так называемое Ordo St. Dunstan. См.: Ward P.L. The coronation ceremony in medieval England // Speculum. 1939. Vol. XIV, N. 2. P. 160-178.
- ³⁵ Blair. P.H. Op. cit. P. 207.
- ³⁶ English historical documents. Vol. I. P. 851.
- ³⁷ V Aethelred, 1; VIII Aethelred, 44, 44 § 1; I Cnut, 1.
- ³⁸ English historical documents. Vol. I. P. 852.
- ³⁹ Существует точка зрения, что церковь была крайне заинтересована в создании единого английского государства, ибо, являясь строго централизованной иерархической организа-

цией, могла развиваться только в условиях стабильности и политического единства страны. См.: Hines. J. Religion: the limits of knowledge // The Anglo-Saxons from the migration period to the eighth century: an ethnographic perspective / Ed. by J. Hines. Rochester, 1997. P. 394-395.

⁴⁰ См.: Barlow F. The English church, 1000-1066. A constitutional history. L., 1963; Godfrey J. The church in Anglo-Saxon England. Cambridge, 1962.

⁴¹ Barlow F. The English church... P. 158.

⁴² См.: Глебов А.Г. Указ. соч. С. 282-283; Савело К.Ф. Указ. соч. С. 50-51.

⁴³ Такой точки зрения, в частности, придерживался У. Чейни. См.: Chaney W. The cult of kingship in Anglo-Saxon England. The translation from paganism to christianity. Berkeley: Los Angeles, 1970. P. 55, 185.

⁴⁴ Глебов А.Г. Указ. соч. С. 282-283; Корьев А.А. Указ. соч. С. 155.

ИСТОРИЯ РОССИИ

Ю.В. Селезнёв

ПОЛИТИК И ПОЛКОВОДЕЦ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ЭМИР ИДИГУ (ЕДИГЕЙ) (ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ)

Посвящается моему отцу Василию Викторовичу Селезнёву

*Начал Идегей воевать,-
Мир такой войны не знавал!
Так отважно не воевал
Искандер, что Румом владел,
Так отважно не воевал
Сам Рустам – уж на что был смел!
Муж Чингиз, чей отец Юзекей,
Сказывают был таков:
Пламень высекал из камней,
Воду высекал из песков,
Высекал он кровь из мужей.
Но когда ударял Идегей,
Всех вместе взятых был он сильнее!
Татарский народный эпос «Идегей».*

Эмир Идигу (Едигей) в конце XIV – начале XV в. играл огромную политическую роль в Улусе Джучи. Он выдвигал на ордынский престол своих ставленников, активно влиял на внешнюю и внутреннюю политику Сарая.

Н.М. Карамзин называл эмира «князь всемогущий»¹. «Фактическим правителем» в Орде называет Едигея Л.В. Черепнин². Такое же определение эмиру дает А.А. Горский, который называет Едигея также узурпатором³. М.Г. Сафаргалиев отмечает, что Едигей представлял собой «сильно-

го временщика»⁴. Г.А. Федоров-Давыдов определял эмира как «последнего объединителя Орды». Однако, по мнению ученого, его «деятельность... свелась к тому, что Едигей систематически сажал на престол марионеток-царевичей»⁵. Близкой к перечисленным оценкам находятся определения Г.В. Вернадского – Едигей «управлял через марионеточных ханов»⁶; и Л.Н. Гумилева – «правитель Орды Едигей»⁷. Наиболее развернутая характеристика эмира содержится в совместном труде Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. Согласно ей, Едигей был человеком, «который обладал большой волей, энергией, личной храбростью, в еще большей мере хитростью и коварством, но совсем не возвышался над современниками, не разбирался в политической обстановке своего времени»⁸. Таким образом, в историографии Едигей выступает прежде всего как политик. Его деятельность как полководца фактически не рассмотрена. Исключение составляют битва на Ворскле и поход на Москву 1408 г., которые рассматривались в рамках истории Литвы и Руси.

Едигей (около 1357-1419 гг.) – старший эмир (великий князь) Джучиева Улуса (Золотой Орды). Он был сыном беклярибека Балтычака⁹.

Около 1375-1376 гг. прибыл в ставку Тимура (Тамерлана) в Бухару¹⁰. Он сообщил ему и находившемуся там Токтамышу, что войска Урус-хана движутся к Бухаре. С этого времени Едигей поступил на службу к Токтамышу. Вероятно, участвовал в походах царевича на Джучиев Улус в 1376 г., в 780 г. хиджры (30 апреля 1378 – 18 апреля 1379 гг.), в 1380 г. Показательным является тот факт, что в 780 г. хиджры (30 апреля 1378 – 18 апреля 1379 гг.), когда был разбит Тимур-Мелмк, сын Урус-хана, попал в плен Балтычака, отец Едигея. Известно, что "его верность и добросовестность славились". Токтамыш предложил Балтычаке служить ему. Однако эмир ответил: «Если бы руки мои не были связаны, я ответил бы тебе. Пусть ослепнет тот глаз, который может видеть тебя на месте своего государя. Если в твоих руках власть, то прикажи, чтобы меня также казнили, чтобы голову государя положили на мою голову и тело его на мое тело, дабы, если я не умер ранее его, то уж раньше его был предан праху»¹¹. Балтычака был казнен.

По данным арабского автора Ибн Арабшаха Едигей, «был у Токтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета»¹². Однако Токтамыш был «свирепного нрава» и «Идику стал бояться за себя». Однажды на пиру Токтамыш заявил эмиру: «(настанет) для меня и для тебя день, (когда) ввергнет тебя беда в нищету, придется тебе после трапез жизни поститься, и наполнится глаз существования твоего сном от действия гибели». На это Едигей возразил: «не дай Бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завять

деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил»¹³. Покинув пир, эмир направился в конюшню и, оседлав коня, ускакал из ставки хана. Позже он прибыл ко двору Тимура (Тамерлана).

Татарский народный эпос «Идегей» также связывает переход эмира к среднеазиатскому полководцу с прямой угрозой его жизни со стороны хана Токтамыша¹⁴.

М.Г. Сафаргалиев относит побег Едигея к 1388 г. Основываясь на данных ярлыка Токтамыша Витовту (1393 г.), он установил, что в этом году царевицы Бек-Булат, Ходжам-ад-Дин, князья Бакши, Турджак-берди и Давуд организовали заговор с целью свержения Токтамыша. Едигей выступил как гонец данной группировки к Тимуру (Тамерлану) с миссией привлечь его на сторону заговорщиков¹⁵. По данным Низами-ад-Дина Шахи Едигей прибыл ко двору самаркандского правителя в сопровождении чингизидов – Кунче-оглана и Тимур-Кутлуга¹⁶.

Указанные царевицы (Кунче-оглан и Тимур-Кутлуг), а также эмир Едигей «состояли в качестве вожатых» при войске Тимура (Тамерлана) и сопровождали его в походе на Джучиев Улус (Золотую Орду) в 1391 г.¹⁷ Возможно, они участвовали и в битве на Кундурче 18 июня 1391 г. В этом случае Едигей выступил против своего родного старшего брата, сражавшегося на стороне Токтамыша¹⁸.

По сведениям «Книги побед» Шериф-ад-Дина Йезди, Кунче-оглан, Тимур-Кутлуг и Едигей после победы Тимура (Тамерлана) над Токтамышем заявили: «Если последует высочайший указ, то мы, рабы, отправимся и каждый, склонив своих людей (иль), соберем и приведем их»¹⁹. Тимур (Тамерлан) позволил им отправиться для сбора войск, однако вернулся к нему лишь Кунче-оглан. По данным Ибн Арабшаха, самаркандский правитель «отправил к нему гонца (с приказанием) вернуться к нему по одному делу, которое случилось, и для совещания, которое подвернулось». Однако Едигей ответил: «сроку нашего общения тут конец ... я (далее) непричастен ему, ибо страшусь Аллаха»²⁰.

После этого имя Едигея исчезает со страниц источников до 1396-1397 гг. По данным М.Г. Сафаргалиева, после второго похода Тимура на Орду в степи появилось несколько ханов, разделивших между собой Джучиев улус. На левом берегу Волги, в районе Сарая, правил ставленник Тимура Корейчак; в Нижнем Поволжье, в районе Астрахани, – Тимур-Кутлуг; на Яике – поддерживающий его Идигу; в Крыму, после длительной борьбы закрепился Токтамыш²¹. Однако, по данным жития Стефана Пермского, уже к апрелю 1396 г. власть в степи разделили Токтамыш («иже обладающе ему Мамаевою Ордою») и Тимур-Кутлуг («Заволжское царство обдержашю»)²².

По сведениям Никоновской летописи, в 1398 г. «в радости велице бывшу царю Тохтамышу Большая Орда, от супротивных свободошуся, и послы своя посылающе по всем странам»²³. В то же время выяснилось, что Тохтамыш преждевременно праздновал победу, так как «прииде на него ин некий царь, именем Темир-Кутлуй». В битве последний одержал победу, а Тохтамыш бежал в Литву к великому князю Витовту²⁴. Тимур-Кутлуг отправил посольство к Витовту с требованием выдать ему беглого хана. Литовский князь ответил: «Яз царя Тохтамыша не выдам, а со царем Темир-Кутлуем хошу видети сам»²⁵. По правилам средневековой дипломатии этот ответ означал объявление войны.

Летом 1399 г. великий князь литовский Витовт в союзе с Тохтамышем организовал большой поход в степь с целью восстановить власть хана в Орде. По данным русских источников, «бысть их сила ратная велика зело»²⁶.

Литовские и ордынские войска сошлись у реки Ворсклы. Татар возглавлял Тимур-Кутлуг. Он завязал переговоры с литовским князем. Ордынский хан потребовал объяснений военного вторжения литовских войск. Витовт ответил, что он покорил много земель и Тимур-Кутлуг должен покориться и выплачивать Литве ежегодную дань, «аще же не хощеш... яз Орду твою всю мечу предам»²⁷. Тимур-Кутлуг, видя, что не может противостоять литовским войскам и, затягивая время, согласился на все требования Витовта. Однако великий князь Литовский выдвинул новые требования. В частности – чеканка в Орде монет с именем Витовта. Ордынский хан попросил трехдневный срок на обдумывание. За это время к нему подошли татарские силы во главе с Едигеем.

По сведениям русских источников, Едигей при личной встрече с Витовтом (князья находились по разным берегам Ворсклы и вели переговоры) заявил, что он одобряет признание Тимур-Кутлугом зависимости от литовского князя, поскольку тот старше его годами. Но сам Едигей оказался старше по возрасту Витовта, поэтому ему (Едигею) «подобает... отцом быти... и дани и оброки на всяко лето... имати со всего твоего княжения, и во всем твоим княжении на твоих денгах литовских моему ордынскому знамени быти»²⁸. Переговоры зашли в тупик, сражение стало неизбежным.

12 августа около часа дня ордынские войска под командованием Едигея начали атаку войск Витовта по всему фронту. Литовские войска ответили пушечным и ружейным огнем. Однако татарам был нанесен незначительный урон, поскольку «в поле чисте пушки и пищали недействени бываху». В то же время Едигей начал медленное отступление. Витовт принял это за признак приближающейся победы. Но вскоре литовцы и их татарский союзник Тохтамыш оказались под ударами с флангов. Войска

Тимур-Кутлуга произвели стремительную атаку на противника и сумели прорваться в тыл Витовта. Войска последнего оказались под угрозой полного окружения и уничтожения. В этих условиях Токтамыш покинул поле боя и прорвался сквозь строй противника. Литовцы понесли огромные потери. В числе других погибли князья Андрей Ольгердович Полоцкий и его брат Дмитрий Ольгердович Брянский, участники Куликовской битвы. Сам великий князь литовский Витовт сумел спастись случайно²⁹.

Ордынские войска двинулись на Киев и разорили южные территории литовского государства. Татары дошли до Луцка. Однако городов войска Едигея и Тимур-Кутлуга не брали. С них взималась контрибуция. В частности, с Киева было взято три тысячи рублей³⁰ (см. карту № 1).

Летом 1400 г. хан Тимур-Кутлуг умер. При активной и непосредственной помощи эмира Едигея трон занял Шадибек. По сведениям Ибн Арабшаха, Токтамыш пытался вернуть контроль на Джучиевым Улусом. Причем «дошло до того, что они (Едигей и Токтамыш – Ю.С.) сразились между собою 15 раз». В пятнадцатый раз Едигей потерпел поражение. Токтамыш около полугода собирал сведения об эмире. Но никаких известий не было. В то же время, «убедившись, что Токтамыш отчаивается в нем и уверен, что растерзал “лев смерти” он (Идику) стал допытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из (собранных) сведений не удостоверился в том, что он (Токтамыш) один без войска (находится) в загородной резиденции. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночью ездой и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Токтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смерти схватили его и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько (времени) обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый»³¹.

Источники отмечают гибель Токтамыша в 1405 г.³² В частности, в Архангелогородской летописи записано: «тое же зимы царь Женибек (Шадибек – Ю.С.) уби Тохтамыша в Сибирской земли близ Тюмени, а сам седе на Орде».

Зимой 1405-1406 гг. (23 декабря - 21 января) эмир Едигей отвоевал у тимуридов Хорезм. Затем он «двинулся... с конницей своей к Бухаре, опустошил окрестности ея, но затем вернулся в» Хорезм³³ (см. карту №1).

Осенью 1406 г. войска ордынского хана Шадибека были отправлены на р. Плаву для поддержки московских сил в военных действиях против Литвы. По сведениям "Анонима Искандера", Шадибек составил заговор с целью отстранения от власти эмира Едигея. Вызвано это было тем, что

могущественный темник «установил тонкие обычаи и великие законы и люди попали в стеснение». Однако Едигею стало известно об этих планах хана. Летом 1407 г. Шадибек вынужден был бежать³⁴. Он укрылся в Дербенте у ставленника Тимура и тимуридов Шейх-Ибрахима. В Дербенте он и скончался. Его смерть персидские историки относят к 811 г. хиджры (27 мая 1408 - 15 мая 1409 гг.)³⁵.

Новгородская первая летопись младшего извода называет эмира Идигу тестем Шадибека. Таким образом, хан был женат на дочери эмира³⁶.

Осенью 1407 г. ордынские войска совершили набег на Литву. В сентябре 1408 г. отряд татар выступил как союзник московского князя против литовских войск. Тогда русские и литовские войска сошлись у р. Угры. Осенью 1408 г. Едигей принял решение о походе на Русь. Причины военного вторжения подробно изложены в ярлыке Едигея Василию Дмитриевичу, который был прислан уже после похода.

По мнению А.П. Григорьева, "ярлык Едигея" правильнее называть "письмом Едигея". Оно написано не эмиром и не по его распоряжению. «Письмо сочинил русский автор к моменту или во время составления, не дошедшего до нас летописного "свода 1448 г."» Данный памятник необходимо определить как «русский политический памфлет середины XV в.» А «его прямые показания о событиях ордынского нашествия 1408 г. весьма скудны и в высшей степени сомнительны. Во всяком случае, то небольшое, что уже почерпнули отечественные историки из "Письма Едигея" подлежит полному пересмотру»³⁷.

Однако А.А. Горский в своей новейшей работе по московско-ордынским отношениям подверг критике аргументацию А.П. Григорьева. Автор пришел к выводу, «что серьезных аргументов против подлинности послания Едигея не выдвинуто» и «дошедшие до нас тексты являют собой его варианты, подвергшиеся редактированию»³⁸. На наш взгляд, следует согласиться с выводами А.А. Горского. Кроме того, даже если послание Едигея – памятник середины XV в., несомненно, в нем отразились, в той или иной степени, реальные события русско-ордынских отношений на рубеже XIV-XV вв.

Первой причиной похода названо истинное или мнимое пребывание на Руси сыновей Тохтамыша. Дело в том, что в 1407 году на ордынском престоле на короткое время оказался сын Тохтамыша Джелаль-ад-Дин. Однако Едигей сумел вытеснить его в Булгар, а затем разгромить там его войска³⁹. Двое из сыновей Тохтамыша: Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди (по данным арабских источников) ушли на Русь⁴⁰. Однако русские источники не сохранили никаких следов пребывания царевичей в Москве или в других княжествах. Возможно, пройдя окраинами русских земель, Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди ушли в Литву (по данным С.В. Морозовой

Витовт оказывал постоянную поддержку Тохтамышу и его сыновьям)⁴¹. Не исключено также и то, что пребывание тохтамышевичей на Руси держалось в строжайшем секрете. Так или иначе, сведения о поддержке Московской оппозиции Едигею послужили одной из причин похода.

Следующий пункт в ярлыке занимает обвинение московского князя в прекращении им всяческих отношений с правительством Едигея («А Тимур-Кутлуй сел на царство, а ты улусу государь учинился, и от тех мест у царя еси во Орде не бывал, царя еси во очи не видал, ни князей нм старейших бояр, ни меньших, ни иного еси никого не присылывал, ни сына, ни брата ни с которым словом не посылавал. И потом Шадибек осмь лет царствовал, и у того еси такоже не бывал и ни кого еси ни с которым же словом не посылавал. И Шадибеково царство такоже ся минуло, и ныне царь Булат-Салтан сел на царстве и уже 3-тий год царствует, такоже еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшиаго боярина не присылывал»). Следствием такого положения дел явилось притеснение в Московском княжестве ордынских послов и купцов⁴².

Далее Едигей упрекает Василия в приостановке великим князем Московским выплаты в Орду дани («...а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся деваеете?»)⁴³.

Таким образом, обвинения, которые Едигей предъявлял Василию, были достаточно серьезны. Ранее по обвинению в подобных преступлениях русских князей казнили (например, Михаила Тверского)⁴⁴.

Поход был назначен на зиму 1408-1409 гг. Здесь необходимо указать, что еще в августе в Москву прибыл ордынский посол, а в сентябре 1408 года татарский отряд участвовал в походе московских войск на Литву.

Осенью в Москву прибыл посол Едигея «к Василиеву сице река: ведьи буди Василие, се идет царь на Витовта»⁴⁵. В Орду было направлено ответное посольство во главе с неким Юрием, в том числе и с разведывательными целями. Московские послы были задержаны, а движение войск ускорилось.

В ноябре 1408 года, непосредственно перед вторжением, до Москвы добрался татарский перебежчик, «поведаа великому князю Василию Дмитриевичу, яко князь великий ордынский Едигей хощет воевати землю твою»⁴⁶. Княжество оказалось неподготовлено к вторжению. Поэтому великий князь Василий с семьей был вынужден в срочном порядке эвакуироваться в Кострому. Стратегическое значение Костромы при монголо-татарских нашествиях подробно рассмотрел К.А. Булдаков. Этот город занимал удобное положение, с точки зрения безопасности, место. Прикрытый реками Волгой, Костромой и непроходимыми лесами, он представлял надежную и естественную защиту от неожиданных вторжений. Отсюда было удобно проводить меры по мобилизации сил северных го-

родов Руси. Из этой области великий князь мог угрожать тылу и флангам противника в районах столицы. Кострома находилась сравнительно недалеко от Москвы, поэтому столице могла быть оказана быстрая реальная помощь⁴⁷.

Оборону Москвы возглавили Владимир Серпуховской и братья великого князя – Андрей и Петр. Первым мероприятием русских войск по обороне было сожжение московского посада.

Тридцатого ноября 1408 года ордынские войска, взяв предварительно Переяславль – Рязанский и Коломну, появились у стен Москвы. Татарские войска возглавляли четыре царевича (Бучак, Тегри-Берди, Алтамир, Булат), великий князь Едигей, девять князей (Мухаммед, Юсуп, Тегиня, Сарай, Ибрагим, Акшибей, Сеитялибей, Бурнак, Ерикли-Берди). Общее командование осуществлял⁴⁸.

Поскольку данный порядок перечисления татарских военачальников полностью соответствует ордынской социально-политической иерархии, существует возможность определить численность осадивших Москву войск. Царевичами на Руси называли принцев-чингизидов, которые в военном плане представляли собой темников – командующих десяти тысячным корпусом. Под великими князьями в русской письменной традиции подразумевались старейшие (великие) эмиры, которые также являлись темниками. Князьями назывались эмиры-тысячники.⁴⁹ В связи с тем, что князей, включая великого князя Едигея, в летописях названо ровно десять, необходимо рассматривать войска, возглавляемые ими, как единую войсковую единицу – тумен. Темник, если он не чингизид, в социально – политическом плане является первым среди равных, то есть он такой же тысячник, как и другие. Указанный порядок перечисления ордынских военачальников отражает именно социально-политическую иерархию Орды (то, что это именно так подтверждается тем, что Едигей назван на пятом месте, тогда как ранее главнокомандующий войсками всегда назывался первым). Следовательно, летописцы назвали всех тех, кто имеет одинаковый статус, то есть всех тысячников.

Таким образом, общую численность "Едигеевой рати" необходимо определить в пятьдесят тысяч человек (четыре царевича - темника плюс десять тысячников). Показательно, что в татарском народном эпосе «Идегей» в «Песне одиннадцатой» численность сопровождавших в тот момент эмира войск определяется в пятьдесят тысяч человек⁵⁰. Конечно, сведения эпического произведения нельзя рассматривать как безоговорочно достоверные. Однако и игнорировать их также было бы не целесообразно.

Одновременно с главными силами в пределы московского государства вторглась и другая группировка татарских войск. Отряды Булгарского и Мордовского улусов осадил, а затем взяли штурмом Нижний Новгород

и начали развивать наступление вверх по течению Волги на Кинешму, Галич Мерской и Соль Галицкую⁵¹. Поскольку и Булгар, и Мордва являлись улусами – туменами⁵², то численность этой группировки необходимо определить в двадцать тысяч человек. В этом случае, общее число татарских войск, совершивших вторжение в Московское княжество, составляло около семидесяти тысяч человек (см. карту № 1).

Первого декабря татарские войска завершили блокирование Москвы. Руководство войск, возглавляемое Едигеем, расположилось в Коломенском. По сведениям летописей, ордынцы не предпринимали попыток штурма города, но «распущенное воинство татарское, воеваша и плениша много». Были взяты города: Серпухов, Можайск, Звенигород, Верея, Переяславль, Ростов. Восточная группировка татарских войск взяла штурмом Нижний Новгород и Городец⁵³. Таким образом, ордынцы уничтожили возможные опорные пункты для сбора русских войск.

Татары также организовали погоню за великим князем Василием. Отряд «избранные рати» во главе с царевичем Тенгри-Берди (Тегри-Бердием), сыном Едигея Акшибеем и князем Сеитялибеем, оставляя в стороне населенные пункты, совершил рейд в направлении Костромы. Однако, потеряв след княжеской дружины, татары вернулись к основным силам⁵⁴.

Поскольку в войсках Едигея не имелось сложной осадной техники, необходимой для штурма Москвы, ордынский полководец «посылает послы своя... на Тферь ко князю великому Ивану Михайловичу Тферскому, веля ему быти у Москвы часа того со всею ратью Тферскою и с пушками и с тюфяками и с самострелы и со всеми сосуды градобитными, хотя разбивать град Москву»⁵⁵. Таким образом, Едигей попытался использовать ресурсы одного из русских княжеств, на помощь князя которого он мог рассчитывать, оказывая последнему постоянную поддержку в споре за тверской стол. Однако великий князь Иван Тверской, затягивая время, вышел из Твери в сопровождении небольшой дружины и, дойдя до города Клина, вернулся. Известие о неповиновении великого князя Ивана достигло Едигея на третьей неделе декабря, то есть к моменту завершения похода. В этой ситуации татары ограничились лишь разорением сельской округи города Клина⁵⁶.

Едигей, таким образом, не получил сложной осадной техники. Поэтому татары начали готовиться к длительной осаде. В условиях суровой зимы (в период похода ордынцев ударили сильные морозы) оборона Москвы могла не выдержать длительной блокады.

Однако к Едигею из Орды прибыли гонцы. Пулад-хан срочно вызывал войска в степь. Повеление хана было вызвано тем, что «некий царевич... царя хоте изгнати или убити»⁵⁷. М.Г. Сафаргалиев по косвенным данным

установил, что это был ни кто иной, как сын Тохтамыша Джелаль-ад-Дин⁵⁸.

В этих условиях Едигей завязал переговоры с руководителями обороны Москвы. Причем до этого татары не вступали ни в какие контакты с москвичами, то есть ордынцы не намеривались завершить поход миром. После коротких переговоров Едигей «взя окупа 3000 рублей». Татарские войска сняли осаду и начали отходить в степь (20-21 декабря 1408 года)⁵⁹. Была отозвана и поволжская группировка татар. Ордынцы с Белогородья «поидоша взад к Городцу и к Нижнему Новгороду, воюючи и секучи остатка людей». Затем татары вышли к реке Суре и взяли штурмом города Курмыш и Сару – форпосты русских княжеств на юго-востоке, после чего ушли в степь.⁶⁰

Крупные военные силы во главе с Едигеем смогли упрочить власть Пулад-хана. Однако цели, которые преследовало ордынское правительство походом на Русь, не были достигнуты. Великий князь Василий Дмитриевич Московский продолжал не выплату дани, никаких посещений Орды в период правления Едигея так и не было предпринято. Великий князь поехал в степь лишь в 1412 году, когда там воцарились, один за другим, Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди (братья тохтамышевичи). Тогда и возобновлась выплата дани и вассальные отношения Руси и Орды. Это событие является косвенным подтверждением существования союза между московским правительством и братьями тохтамышевичами против Едигея.

В тоже время, последствия похода татар на Русь в 1408 году оказались тяжелыми для населения Московского княжества. Ордынцами были разорены города: Переяславль-Рязанский, Коломна, Серпухов, Верея, Можайск, Дмитров, Переяславль-Залесский, Ростов, Городец, Нижний Новгород, Курмыш, Сара и земли вокруг них. Русь понесла тяжелые людские потери: множество человек погибло в боях, часть уведено в плен (источники сообщают, что «един татарин ведоша сорок христиан»⁶¹), «а иное многое множество христиан от зимы измороса»⁶². Особо летописцы отметили людские потери в сельском населении страны. Результатом этих потерь явилось то, что зимой и весной 1409 года в городах сложилась тяжелая ситуация с продовольствием. К испытаниям военного времени и суровой зимы прибавился голод. Цены на продовольственные товары значительно выросли. В результате, «множество христиан измороса от глада, а житопродавцы обоготеша»⁶³.

Необходимо отметить, что стратегические и тактические действия Едигея требуют более подробного комментария. Подготовка к походу и первый его этап проводились в строгой секретности. Уже начав поход, Едигей направляет в Москву посла, который распространил дезинформацию о походе Орды на великое княжество Литовское. Все попытки рус-

ской стороны выяснить истинные намерения пресекались. В Москве получили сведения о нашествии лишь непосредственно перед вторжением (поэтому подготовка к обороне города проводилась в спешке).

Численность вторгшихся войск составляла, в общей сложности, семьдесят тысяч человек. Если учитывать, что общая численность войск подчиненных в этот период Едигею составляло около двухсот тысяч воинов⁶⁴, то на Русь совершало нашествие около одной трети всех наличных сил. Таким образом, походу на Москву придавалось ордынским правительством большое значение.

Стратегический замысел ордынского полководца отличался оригинальностью. Татарские войска вторглись в пределы Московского княжества двумя фронтами. Основные силы, во главе с самим Едигеем, вторглись в пределы Руси традиционным маршрутом: Переяславль-Рязанский – Коломна – Москва. Второй фронт составили войска Булгарского и Мордовского улусов, которые действовали по побережью Волге в направлении Нижний Новгород – Городец – Кинешма – Соль Галицкая.

Блокировав Москву, ордынские войска взяли ряд крупных городов княжества, уничтожив тем самым возможные опорные пункты русских войск. Едигей попытался использовать воинские ресурсы одного из русских княжеств – Тверского. Однако Иван Михайлович Тверской не выполнил приказа ордынского полководца, что сорвало штурм Москвы. Видимо, планировалась карательная экспедиция татар на Тверское княжество, но в силу сложной политической обстановки в Орде была разорена лишь сельская округа города Клин. Эти же обстоятельства внутривнутриполитической ситуации в степи привели к необходимости снятия осады города Москвы.

Декабрь 1408 г. надолго врезался в память русских людей. Последствия данного ордынского похода на Русь сказывались вплоть до 1430-х годов. Например, упоминание о взятых в плен русских в результате "Едигеевой рати" встречается в договоре великого князя Московского Юрия Дмитриевича с великим князем Рязанским Иваном Федоровичем от 1434-го года⁶⁵. Через 50, 60 и 70 лет русские крестьяне, давая показания в суде и желая определить время событий, начинали отсчет с "Едигеевой рати"⁶⁶.

По данным М.Г. Сафаргалиева, в 1410 г. сын Токтамыша Джелаль-ад-Дин совершил очередную попытку захватить ордынский престол. Ему удалось закрепиться в Крыму, а затем он начал наступление на Азак. В 1411 г. у указанного города между Булатом и Джелаль-ад-Дином произошло сражение, в котором первый погиб. На трон был возведен сын Тимур-Кутлуга Тимур. Его войска захватили венецианскую колонию Тана и разграбили ее⁶⁷.

Эмир Едигей для упрочения своего влияния на ставленника выдал за него свою дочь⁶⁸. Однако, по данным "Анонима Искандера", «протекло некоторое время, и Тимур-султан совсем понравился людям, они склонились к тому, чтобы уничтожить Идигу»⁶⁹. Ибн Арабшах сообщает, что «он (Тимур – Ю.С.) не вручил своих бразд (эмиру) Идику, сказав: «нет за ним ни славы, ни почета; я передовой баран (т.е. глава), которому повинуются, как же я стану подчиняться (другому); я бык (то есть вождь), за которым следуют, так как же я стану сам идти за другим?» Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастья, войны и враждебные действия»⁷⁰. "Аноним Искандера" продолжает: «Между ними (Тимуром и Идигу – Ю.С.) возникла вражда и озлобление, так что они один-два раза сражались (друг с другом). Так как у узбеков всегда было стремление к проявлению державы потомков Чингиз-хана, то они, кто из подражания, а кто из почтения, направились служить двору Тимур-султана, и он стал сильным»⁷¹. Едигей был вынужден бежать и укрылся в Хорезме.

Около полугода войска Тимура во главе с эмирами Газаном и Декной осаждали г. Хорезм. Однако захватить его им не удалось. Вскоре было получено известие о гибели Тимура и воцарении Джелаль-ад-Дина.

Новый хан также не желал оставлять живым и на свободе такого опасного противника как эмир Идигу (Едигей). В 814 г. хиджры (25 апреля 1411 – 12 апреля 1412 гг.) Джелаль-эд-Дин направил (около ноября-декабря 1411 г.) эмира Каджулай-бахадра на помощь войскам, осаждавшим эмира Едигея в Хорезме. Однако тот встретил эмиров, командовавших осадой, в «местности Белукия». Каджулай-бахадур «с упреком сказал им: «Почему вы вернулись, не взяв Хорезм?» Эмиры ответили: «Мы целых семь месяцев воевали и осаждали и с 10 000 человек не смогли взять его; у тебя же не более 3-4 тысяч человек, лучше вернуться, так как мы заключили мир»». Однако Каджулай-бахадур ответил: «Против Идигу достаточно меня одного» и в таком самомнении отправился в Хорезм»⁷². При этом у него было численное превосходство над силами противника.

Эмир Едигейполучил известия о намерениях Каджулай-бахадра. Ночными переходами ему удалось сблизиться с противником и навязать бой. Причем Едигей разделил силы на две части. Авангард войск должен был совершить нападение на отряд Каджулай-бахадра и заманить его в ловушку. Основные силы, возглавляемые самим Едигеем, составили стратегический резерв и расположились в засаде. Авангард, напав на противника, обратился в притворное беспорядочное бегство, разбрасывая на пути «старые войлоки, конские попоны и торбы». Основные войска Каджулай-бахадра бросились в погоню, нарушив боевой порядок. В это время из засады выдвинулся резерв Едигея «со сверкающими мечами и

блистающими копьями» и совершил нападение на ставку противника. Каджулай-бахадур был вынужден принять бой. «Сделав геройские усилия и храбрые нападения, он был... убит». Едигей приказал поднять знамя Каджулай-бахадура и «барабанщикам его бить в литавры». Войска, отправившиеся в погоню за авангардом сил Едигея, возвращались к своей ставке и попадали в плен. Было захвачено около тысячи человек. Едигей приказал отрубить голову Каджулай-бахадура и отправить ее в Хорезм. Туда же были доставлены пленные.

Дальнейшую судьбу эмира проследить достаточно трудно. Второе десятилетие XV столетия оставило довольно скудные известия о делах в Орде. По данным М.Г. Сафаргалиева, на протяжении 1414-1416 гг. Едигей поддерживал хана Чекри (Чингиз-оглана)⁷³. В 1417 г. на трон был возведен Дервиш. По данным Эль-Айни, «при нем (Едигее – Ю.С.) находился человек из рода Чингиз-хана, по имени Дервиш-хан, которого Идики поставил (над ними) в виде хана, но (на самом деле) власть да право приказывать и запрещать принадлежали ему (Идики), за Дервиш-ханом же было только имя»⁷⁴. Монеты Дервиш-хана содержат наряду с его именем и имя «эмира Идеку бека». Чеканились они в Сарайчике (1417-1418 гг.), Сарае, Астрахани и Дербенте (1419 г.)⁷⁵.

В 1419 г. Едигей заключил договор с Витовтом. Однако летом того же 1419 г. против эмира выступил сын Токтамыша Кадыр-Берди, которого поддерживал великий князь литовский. Форсировав Волгу, войска чингизидов напали на армию Идигу (Едигея) и прижали ее к реке Яик. В ожесточенном сражении «с обеих сторон было убито много народу; Кадыр-Берди (сам) был убит во время схватки, и соратники его бежали. Идекей также был поражен множеством ран, и войско его также обратилось в бегство. Идекей бежал, предполагая, что Кадыр-Берди победил. Покрытый ранами, он прибыл в одно (отдаленное) место, спешился там и сказал одному из бывших с ним лиц: «Ступай и разведай, в чем дело; если найдешь кого-либо из нашего войска, укажи ему (путь) сюда». Тот отправился и, произведя разведку, встретился с одним из эмиров татарских. Это был один из сторонников Токтамыша, хана, у которого он был старшим (эмиром). Поведал ему тот человек про дела Идики, тогда он (эмир Токтамыша) спросил: "Где Он?" Тот указал ему (путь) и он пришел к нему (Идики). Увидев его, Идека стал поносить и страшить его. Тогда тот сказал ему: «День был в нашу пользу, и мы сделали свое дело, (теперь) ты все, что можешь». Затем он приказал бывшим при нем людям своим напасть на него (Идеку) с мечами, и они разрубили его на куски», - повествует Эль-Айни⁷⁶. Ибн Арабшах сообщает, что тело эмира было выловлено из Яика у Сарайчика⁷⁷.

Событийный ряд битвы подтверждают и сведения татарского эпоса «Идегей». «Песня восемнадцатая» полностью посвящена войне Кадыр-Берди и Едигея. Отмечена в эпосе и смерть царевича-чингизида, и поиски Едигея его противниками. Названо имя эмира, нашедшего и убившего Едигея – Барын. Особое место занимает в эпосе оценка последствий для Джучиева Улуса гибели беклярибека. Согласно автору эпоса после смерти Едигея:

«Смута настала в Идиль-стране
Гибли в междоусобной войне
Множество отцов и детей,
Как предсказал муж Идегей,
Темный день на землю пришел.
Сотворенный Чингизом престол
Стал престолом, где кровь лилась.
Ханский дворец исчез из глаз.
Край разоренный стал пустым.
Отошли друг от друга тогда
Аждаркан, Казань и Крым
Золотая распалась Орда»⁷⁸.

Погиб Едигей на 63-м году жизни⁷⁹. О возрасте эмира на момент гибели более шестидесяти лет говорится в эпосе «Идегей»⁸⁰. Таким образом, Едигей родился около 1357 г.

Политическое значение Едигея наиболее подробно охарактеризовано Ибн Арабшахом: «Устраивалось дело людское по указаниям Идику: он водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет и (никто) не переступит этой черты»⁸¹. По смыслу то же самое отмечают русские летописи: «...баше некто в них (у татар – *Ю.С.*) Едегеи именем, князь сыи Измалтеск, преболи всех князи Ординских, иже все царство един держаше и по своей воли царя поставляше»⁸².

Также русские источники дают личностные характеристики эмира: «Сей убо князь великий бе во всей Орде, и мужествен, и крепок, и храбр зело»⁸³. Ибн Арабшах также выделяет ряд особенностей его характера: «Был он... отважен, ...высокого ума, щедр, ...меткой проницательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочистивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намеках, постился и вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и Сунну да изучения мудрецов посредниками между собою и Аллахом всевышним»⁸⁴.

1399	- битва на Ворскле 1399 г.
1405	- битва под Тюменью и гибель Токтамыша (Тохтамыша) 1405 г.
1405-1406	- поход на Хорезм и Бухару в декабре 1405 – январе 1406 г.
1408	- поход на Русь в ноябре-декабре 1408 г.
1419	- приблизительное место гибели Идигу (Едигея) в 1419 г.
	- направления походов
	- граница Золотой Орды в XIII – XIV вв.

Смелость Едигея отмечается в эпосе «Идегей» в следующих выражениях:

«Идегей был мужем таким:
Если смерть приближалась к нему
И в лицо дышала ему
Мертвоносным дыханьем своим,-
Идегей не кидался вспять,
Если смерть начинала гулять,
И сто тысяч сильных мужей,
Как рабы, склонялись пред ней,-
Не склонялся один Идегей»⁸⁵.

Особо выделяет народный эпос полководческие таланты Идигу (Едигея):

«Начал Идегей воевать,-
Мир такой войны не знал!
Так отважно не воевал
Искандер, что Румом владел,
Так отважно не воевал
Сам Рустам – уж на что был смел!
Муж Чингиз, чей отец Юзекей,
Сказывают был таков:
Пламень высекал из камней,
Воду высекал из песков,
Высекал он кровь из мужей.
Но когда ударял Идегей,
Всех вместе взятых был он сильней!»⁸⁶.

То есть ордынский эмир сравнивается с Александром Македонским (Искандером), героем поэмы Фирдоуси «Шах-намэ» Рустамом. Немаловажным является сравнение Едигея с Чингиз-ханом, личность которого для монголо-татар была священной и несравнимой (в том же эпосе личностью равной основателю монгольского государства признан, кроме Едигея лишь хана Узбек⁸⁷). Более того, автор эпоса считает, что эмир превосходит всех вышеперечисленных полководцев, в том числе и Чингиз-хана.

Описание внешности эмира Едигея, вероятно, на склоне лет сохранилось у Ибн Арабшаха. Согласно арабскому автору: «Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, ...страшен на вид, ...с приятной улыбкой»⁸⁸.

Таким образом, личность эмира Едигея необходимо рассматривать как одну из выдающихся фигур своего времени. Нельзя, на наш взгляд, согласиться с мнением А.Ю. Якубовского и Б.Д. Грекова о том, что Едигей «совсем не возвышался над современниками, не разбирался в политической обстановке своего времени». Эмир явно обладал политическими, дипломатическими и военными талантами. Недаром современники и потомки сравнивали его с выдающимися полководцами мировой истории. Признанием заслуг героя нашего очерка является сочинение и бытование у народов, проживавших на осколках Джучиева Улуса, эпоса, посвященного жизни и деятельности эмира. Показательно, что эпическое произведение подобного рода – «Сокровенное сказание» – сохранилось только в отношении основателя Монгольской державы – Чингиз-хана.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Калуга, 1993. Т. 5-8. С. 78.

² Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1965. С. 715.

³ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 125, 188.

⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций...(из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М., 1996. С. 447.

⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 162-165.

⁶ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, М., 1997. С. 290.

⁷ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1994. С. 178.

⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 405.

⁹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. (Далее – Тизенгаузен В.Г. Т. 2) С. 133.

¹⁰ Тизенгаузен В.Г. Т. 2. С.107, 148.

¹¹ Там же. С. 132.

¹² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. (Далее – Тизенгаузен В.Г. Т. 1). С. 457.

¹³ Там же. С. 458.

¹⁴ Идегей: Татарский народный эпос. Казань, 1990. (Далее – Идегей) С. 65.

¹⁵ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С.409.

¹⁶ Тизенгаузен В.Г. Т. 2. С. 118.

¹⁷ Там же. С. 159.

¹⁸ Там же. С. 168.

¹⁹ Там же. С. 171-172.

²⁰ Тизенгаузен В.Г. Т. 1. С. 468-469.

²¹ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 174-176.

²² Повесть о Стефане, епископе Пермском // Древнерусские предания (XI - XVI вв.). М., 1982. С. 187.

²³ Полное собрание русских летописей (Далее - ПСРЛ). М., 1965. Т. XI-XII. С. 167.

²⁴ Там же. С.167; Тизенгаузен В.Г. Т. 2. С. 133.

- ²⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 172.
- ²⁶ Там же. С. 172.
- ²⁷ Там же. С. 173.
- ²⁸ Там же. С. 173.
- ²⁹ Там же. С. 173-174.
- ³⁰ Там же. С. 174.
- ³¹ Тизенгаузен В.Г. Т.1. С. 471.
- ³² Тизенгаузен В.Г. Т. 2. С. 214; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С.236; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 70.
- ³³ Тизенгаузен В.Г. Т. 1. С. 472.
- ³⁴ Русские летописи. Рязань, 1997. Т.1. Симеоновская летопись. С. 221.
- ³⁵ Тизенгаузен В.Г. Т. 2. С. 133-134, 193, 212, 214.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 400.
- ³⁷ Григорьев А.П. "Ярлык Едигея": анализ текста и реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 11. 1988. С. 92-93.
- ³⁸ Горский А.А. Указ. соч. С. 131.
- ³⁹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 184.
- ⁴⁰ Тизенгаузен В.Г. Т. 1. С. 471-472.
- ⁴¹ Морозова С.В. Золотая Орда в московской политике Витовта // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998. С. 93.
- ⁴² ПСРЛ. Пг., 1917. Т. IV. Вып. 1. С. 406-407; Т. XI. С. 211.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. С. 406-407; Т. XI. С. 211.
- ⁴⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. IX-X. С.183.
- ⁴⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. С. 178.
- ⁴⁶ Там же. С. 205.
- ⁴⁷ Булдаков К.А. Кострома в борьбе с монголо-татарскими вторжениями на Русь (XIII-XVI вв.) // Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Ярославль, 1981. С. 20-34.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 295; Т. XXV. С. 238.
- ⁴⁹ Подробнее см.: Селезнев Ю.В. Титулатура русских князей ... С. 126.
- ⁵⁰ Идегей. С. 147.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. XV. С. 482 .
- ⁵² Подробнее см.: Селезнев Ю.В. Административно-территориальное деление Золотой Орды в XIII-XIV вв. // Новик. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 66.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. XI. С. 207-208; Т. XXV. С. 238-239.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 207-208; Т. XXV. С. 238-239.
- ⁵⁵ Т. XXV. С. 238.
- ⁵⁶ ПСРЛ. Т. XV. С. 186.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 210.
- ⁵⁸ Сафаргалиев М.Г. Указ. Соч. С. 184.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 210.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. XV. С. 482 .
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 175.
- ⁶² ПСРЛ. Т. XI. С. 210-211.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. XV. С. 186.
- ⁶⁴ Руи Гансалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990. С. 144.
- ⁶⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950. С. 82.
- ⁶⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Конец XIV – начало XVI вв. М., 1952. Т. 1. С. 248.
- ⁶⁷ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 439.

- ⁶⁸ Тизенгаузен В.Г. Т. 2. С. 134.
⁶⁹ Там же. С. 134.
⁷⁰ Тизенгаузен В.Г. Т. 1. С. 472-473.
⁷¹ Тизенгаузен В.Г. Т. 2. С. 134.
⁷² Тизенгаузен В.Г. Т.2. С. 194.
⁷³ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 444.
⁷⁴ Цит. по: Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 445.
⁷⁵ Там же. С. 445-446.
⁷⁶ Цит.по: Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 446.
⁷⁷ Тизенгаузен В.Г. Т. 1. С. 473.
⁷⁸ Идегей. С. 239-240.
⁷⁹ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 447.
⁸⁰ Идегей. С. 229.
⁸¹ Тизенгаузен М.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 472.
⁸² Русские летописи. Рязань, 2000. Т.6. Рогожский летописец. Тверская летопись. С. 142.
⁸³ ПСРЛ. Т. XI. С. 173.
⁸⁴ Тизенгаузен В.Г. Т. 1. С. 473-474.
⁸⁵ Идегей. С. 232.
⁸⁶ Там же. С. 148.
⁸⁷ Там же. С. 175.
⁸⁸ Тизенгаузен В.Г. Т. 1. С. 473.

Д.В. Ливенцев

“ТАКТИКА ТАРАНА” В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОРСКОГО УЧЁНОГО КОМИТЕТА (60 – 70-е гг. XIX в.)

Одним из наиболее простых и древних видов корабельного оружия является таран. Во второй половине XIX в. началось возрождение данного тактического приёма. Произошло это вследствие того, что средства защиты кораблей (броня) временно стали сильнее средств наступления (артиллерии). Гладкоствольные пушки, а также минное оружие были бессильны против бронированных панцирей кораблей. Вместе с тем появление брони обеспечило значительное повышение прочности корпуса, а паровая машина позволяла увеличить силу таранного удара¹.

О возрождении тактики тарана свидетельствует австро-итальянское морское сражение при Лиссе (20 июля 1866 г.). Австрийская эскадра под командованием адмирала Тегеттхоффа располагалась в порту Пола, который покинула, чтобы вступить в бой с неприятелем. Основным оружием Лисского сражения стал таран, т. к. дальность орудий стрелявших ядрами была невелика. Во время боя флагманский корабль австрийцев «Фердинанд Макс» нанёс таранный удар итальянскому броненосцу «Ре д’ Италия» и потопил его. Австрийский броненосец «Кайзер» тоже пытался протаранить «Ре ди Портогалло», но безуспешно. В боевых действиях принимал участие первый в мире корабль, который класси-

фицировался как броненосное таранное судно — итальянский «Аффондаторе».

Реакцией на этот факт стало создание флотами мира особого класса судов, получившего название «броненосный таран». Например, в 1866 г. во Франции были построены пять броненосных таранов типа «Торо». Вооружение кораблей состояло только из одного 240-мм. орудия, их деревянные корпуса были защищены слабой 150-мм. бронёй. Зато каждое судно оснастили мощным бронированным тараном, а два гребных винта позволяли повысить маневренность и развить скорость до 12,5 узлов². Основной задачей такого корабля в морском бою являлся сокрушительный таранный удар по противнику.

Проблемы применения тарана в морском бою интересовали экспертов Морского учёного комитета. Сначала члены комитета рассмотрели проект «взрывно-действующего тарана» (автор — статский советник Арнольдов), который был ими отвергнут из-за технического несовершенства³.

Затем учёный комитет издал крупнейшую научную работу контр-адмирала Г.И. Бутакова по военно-морской тактике в XIX в. «Новые основания паровой тактики» (СПб., 1864.). Важное значение имели рекомендации автора, относящиеся к способам маневрирования соединения кораблей в различных боевых строях с целью занятия выгодной позиции для выполнения атаки или отражения её с использованием артиллерийского оружия или тарана. Для выработки этих рекомендаций Г.И. Бутаков проделал огромное количество опытов и математических расчётов. Поэтому выработанные им правила маневрирования паровых кораблей в бою и использование ими своего оружия были научно обоснованы и всесторонне проверены на практике боевой подготовки практической эскадры Балтийского флота, которой он командовал с 1860 года.

В 60 – 70-х гг. XIX в. в военно-теоретических работах западноевропейских специалистов упор делался на таран как главное средство нанесения удара, и этому подчинялось все маневрирование одиночных кораблей и соединений в бою. Г.И. Бутаков придерживался несколько иной точки зрения. Он считал, что основой паровой тактики должно являться сочетание артиллерийского огня и таранного удара. По его мнению, артиллерия должна подготавливать условия для нанесения завершающего удара тараном. Наиболее выгодными строями для применения тарана в бою Г.И. Бутаков считал строй фронта или клина, а сам удар по кораблю противника рекомендовал наносить под углом 90 градусов или близким к нему⁴.

Однако главным делом Морского учёного комитета по внедрению таранной тактики в практику русского флота. При участии ученого комитета в 1861г. в Англии был заказан броненосец береговой обороны «Перве-

нец». Он имел водоизмещение около 3300 т. и развивал скорость до 8 узлов. По бортам было установлено 26 гладкоствольных 68- и 24-фунтовых орудий. Корабль был защищен 112 мм. броневым поясом. В носовой части корабля располагался таран⁵.

В 1862–1864 гг. на верфях Санкт-Петербурга по чертежам «Первенца» построили ещё два броненосца береговой обороны: «Не тронь меня» и «Кремль».

Надо отметить, что первые русские броненосцы береговой обороны, пришедшие на смену парусным кораблям, продолжали сохранять парусное вооружение. Кроме того, учёный комитет должен был дать экспертную оценку тактико-технических данных новых кораблей русского флота. Специалисты комитета указали на то, что броненосцы береговой обороны типа «Первенец» не отвечают требованиям нанесения тактики таранного удара, господствовавшей в то время во всех флотах мира, и недостаточно мореходны и маневренны⁶.

Несмотря на такую объективную оценку тактико-технических качеств броненосцев береговой обороны типа «Первенец», командующий практической эскадрой Г.И. Бутаков благодаря глубоко продуманной организации артиллерийских стрельб и их хорошему обеспечению добивался от данных кораблей довольно высоких результатов. Например, в 1876 г. во время учебных стрельб на дистанции 7 кабельтовых броненосец береговой обороны «Кремль» дал с якоря 73% попаданий в плавучий щит⁷. Командир отряда учебных кораблей капитан 1-го ранга Селиванов, присутствовавший на учебных стрельбах английского флота того времени, отмечал, что русские моряки стреляют несравненно лучше английских.

Под руководством учёного комитета журнал «Морской сборник» подробно освещал деятельность практической эскадры Балтийского флота. Г.И. Бутаков уделял большое внимание обучению командиров кораблей искусству нанесения таранного удара. Таранные учения обычно проводились на транзундском рейде. Для этой цели использовались специально оборудованные винтовые корабли и быстроходные паровые баркасы, на которых командиры тренировались в маневрировании и нанесении таранных ударов⁸.

¹ Алексеев В. П. Из истории морского тарана // Военно-исторический журнал. М., 1987. № 7. С. 78.

² Боевые корабли мира. СПб., 1995. С. 156.

³ Отчёт о действиях Морского учёного комитета за 1891 г. СПб., 1892. С. 30–31.

⁴ Бутаков Г. Новые основания паровой тактики. СПб., 1863. С. 42.

⁵ Павлович Н. Б. Развитие тактики Военно-Морского Флота. М., 1979. Ч. 1. С. 14.

⁶ Шершов А. П. К истории военного кораблестроения. М., 1952. С. 302.

⁷ Российский Государственный архив Военно-Морского Флота. (РГА ВМФ). Ф. 162. Оп. 1. Д. 2305. Л. 21.

⁸ Исторический журнал эскадры броненосных судов в кампанию 1872 г. // Морской сборник. 1873. № 5. С. 65.

Ю.В. Власова

РОССИЙСКАЯ ПРЕССА ОБ ОСВЕЩЕНИИ СЕРБО–ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1876 г. ГЕРМАНСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТЬЮ

Восточный кризис семидесятых годов XIX в., связанный с судьбой Османской империи и национально-освободительным движением населения империи народов, позволяет наиболее ярко очертить политику европейских держав в этом регионе. Сербо-турецкую войну 1876 г. можно считать одним из проявлений обострения Балканского кризиса.

Однако проблема освещения в российской прессе германской консервативной печатью Сербо-турецкой войны 1876 г. не получила должного исследования. Единственным автором, затронувшем заявленную в заглавии тему, является М.П. Драгоманов. В своей работе «Политические сочинения» он отметил: «...в либеральной среде не было полного единства; издания, положительно относившиеся к Пруссии и русскому союзу с ней, видя в ней просвещенную западную страну, более демократичную, чем Россия, такие, как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Вестник Европы», держались на старых позициях. Однако и в этом лагере проглядывалось известное примирение с возможностью русской акции на Востоке... Отмечавшиеся уже нами тенденции идеологического сближения либеральной и консервативной печати обнаружили в начале 70-х гг., основой для такового сближения был национальный вопрос и вопрос о национальном государстве»¹. С начала XX века ситуация в отечественной историографии по рассмотрению вопроса отношения российской прессы к освещению Сербо-турецкой войны 1876 г. германской консервативной печатью практически не изменилась.

Сербо-турецкая война 1876 г. нашла свое отражение во всех периодических и публицистических изданиях России того времени. Большое место в них отводилось позиции Германии по поводу урегулирования конфликта на Балканах.

Стремясь проанализировать политику Германии, российская пресса главный акцент делала на консервативную печать, отражавшую точку зрения правительства по этой проблеме. Ведь еще русский посол в Берлине Убри 20 апреля 1875 г. писал: «Журналистика — излюбленное политическое оружие князя Бисмарка, становится одним из самых главных его занятий»².

Интересной в данном случае является и подборка статей из германской печати в российских газетах и журналах, что позволяет проследить заинтересованность России в том или ином вопросе.

Российская печать семидесятых годов постоянно касалась этих вопросов, сообщала о появлении новых брошюр и журналах, интересен в данном случае акцент, который делался при анализе многочисленных германских публикаций.

Так, в Пеште появился новый журнал «Die Deutsche Wacht an der Donau», в программе которого говорилось: «В союзе Германии и Австро-Венгрии мы видим единственную гарантию европейского мира, твердую защиту против угрожающей на востоке Европы опасности, против возрастания панславизма — этого опаснейшего, смертельного врага свободы и культуры»³.

«Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Берлинский листок «Tribune», журнал «Magazin für die Literatur des Auslandes» заявили, что славяне — полуобразованные народы, недостойные развязать ремень на ноге немцев. Пусть же им покажут немецкий кулак, и чем скорее, тем лучше»⁴.

Число такого рода сообщений можно было бы легко умножить. Некоторые из этих произведений в силу своей яркой антирусской направленности привлекли особое внимание. Появившаяся в Берлине брошюра «Russland und Deutschland» вызвала ряд газетных откликов в России. В ней автор высказывал надежду, что Россия не будет протестовать против распространения Германии до Зунда. Со своей стороны, Германия не будет возражать, если Россия станет твердо на Черном море, разгромит Турцию, завладеет не только Малой Азией, но и частью европейской Турции. Брошюра заканчивалась предупреждениями, что вопрос о панславизме может вызвать столкновение России и Германии. Это произведение вызвало ряд газетных откликов в России. По этому поводу «Голос» писал: «Россия предпочитает нравственное влияние на Востоке — фактическому господству. Восточный вопрос есть вопрос, прежде всего, славянский. Россия не может пожертвовать ни одной славянской группой»⁵.

Всем известные и заметные факты усиления Германии не могли не приковывать внимания российской общественности и побуждали обсуждать проблемы отношений с Германией в связи со славянским вопросом.

«Вестник Европы» по этому поводу писал: «Нет никакой необходимости ненавидеть ли презирать немцев, чтобы заботиться об обеспечении интересов России, и, отдавая дань справедливого уважения германской нации, мы должны только последовать ее примеру, заранее отдав себе ясный отчет в том, что нам предстоит делать, и заблаговременно приняв все те меры, которые необходимы для охранения наших интересов. Нынешняя Германия с Пруссией во главе — уже не прежняя Германия, а государство самое могущественное в мире»⁶.

Что касается непосредственного освещения событий Сербо-турецкой войны 1876 г., то, начиная с апреля месяца, после подавления Болгарского восстания, российская периодическая печать регулярно помещала на своих страницах обзоры германской публицистики. Делая главный акцент на той ее части, чье мнение совпадало с точкой зрения правительственных кругов России.

Так, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 21 апреля 1876 г., обсуждая предстоящую встречу "трех канцлеров" в Берлине, считает это событие столь важным, что оно должно иметь определяющие влияние на судьбы Востока. Несостоятельность существующего в Турции порядка вещей, рассуждала эта газета, была признана всеми европейскими государствами. Между тем, хотя турецкое правительство и провозгласило реформы, указанные в ноте Андраши, ничего не было сделано для их осуществления. «Всеобщие европейские интересы, — так оканчивает свое повествование официальный орган прусского правительства, — не должны далее страдать под влиянием маразма». Та же газета продолжает приводить известия о предполагаемом будто бы занятии восставших провинций австрийскими войсками, находя со своей стороны это средство наиболее действенным для прекращения восстания⁷.

Важно отметить, что эта статья «наделала много шума в венской печати», и особенно в той ее части, которая старалась выставить в сомнительном свете прочность "Союза трех императоров". В российской же печати по этому поводу писали: «угрожающий относительно Турции тон берлинской официозной газеты выставлен был означенными органами как доказательство соглашения между Россией и Германией насчет насильственных действий против Турции — соглашения, состоявшегося помимо Австрии»⁸.

Столь пристальное внимание к этой публикации в России было вызвано несколькими причинами. С одной стороны, Россия поддерживала точку зрения германской консервативной печати о негативном отношении к восстанию на Балканах, стремясь действовать в рамках "Союза трех императоров". С другой, российская пресса всячески старалась обойти молчанием уже наметившиеся противоречия между Германией и

Россией, останавливаясь лишь на моментах, показывающих дружественность и общность интересов между двумя странами.

Консервативная печать Германии на своих страницах старалась подробно освещать события на Балканах, что видно из анализа российской прессы. «National-Zeitung» от 14 июня писал: «Вся Сербия превратилась в военный лагерь; артиллерия северных крепостей снята и перевезена на юг. Князь Милан знает, что если он откажется от войны, то рискует не только престолом, но и своей жизнью». Статья заканчивалась довольно смелым предположением, что «...Россия гарантировала Сербии неприкосновенность ее территории»⁹.

Как мы знаем, российское правительство до последнего момента было против разрешения сербо-турецкого конфликта военным путем, и подобная трактовка вопроса обсуждалась только на высшем уровне. Это позволяет высказать предположение о заинтересованности консервативной печати Германии вопросом о возможности перераспределения влияния в Европе.

Наиболее ярко эту точку зрения можно проследить в статье «National-Zeitung» о последнем министерском кризисе в Константинополе. В частности, эта газета писала: «Интересы Европейского мира вовсе не требуют того, чтобы предотвратить всякие естественные перевороты на Балканском полуострове и искусственно поддержать бытие отжившего государства. Все дело лишь в том, чтобы предупредить столкновение между европейскими державами по поводу внутренних переворотов в Турции»¹⁰.

После начала Сербо-турецкой войны 1876 г. журнал «Вестник Европы» начинает регулярно помещать на своих страницах «корреспонденцию из Берлина» в разделе Иностранная политика. Например, 24 июня 1876 г. мы находим следующее сообщение из Германии: «6 июля прошлого года вспыхнула первая искорка восстания в Герцеговине и никто не хотел верить, чтобы это было нечто более серьезное обычных летних возмущений. Князь Бисмарк еще 9 февраля шутил над крошкой Герцеговиной, с тех пор восстание разрослось, Черногория и Сербия втянуты в войну». Статья заканчивалась интересным, на наш взгляд, высказыванием, — «В России чувствуют живейшую симпатию к единоплеменным и единоверным христианам Балканского полуострова. Но и Западная Европа, а именно Германия, не остается равнодушной, « — что свидетельствует об изменении взглядов на проблему разрешения Восточного кризиса. Так как: «Воззрение, что status quo далее невозможно в Турции, с каждым днем все более и более распространяется», — напишут впоследствии.

Что касается освещения темы взаимоотношений России и Германии, то, по этому поводу, мы находим следующие сообщения из Берлина от 24

июля 1876 г.: «Какие бы затруднения не предстояли нам впереди, в одном мы должны быть уверены, что дружба между Пруссией и Россией удержится, несмотря ни на какие обстоятельства, и это служит ручательством в том, что даже большая война не произведет пертурбации в Европе»¹¹.

Пройдет совсем немного времени, и Берлинский конгресс станет поворотным пунктом в политике Германской империи на юго-востоке Европы. Но во время Сербо-турецкой войны 1876 г. интересы германской дипломатии на Балканах определялись преимущественно соображениями общего порядка, что видно из анализа германской консервативной печати, опубликованной в российских изданиях. С одной стороны, это австро-русские противоречия и необходимость для Германии занимать в отношении них свою позицию в рамках "Союза трех императоров", с другой — попытки использовать заинтересованность России на Балканах с целью получения от нее свободы рук в отношении Франции. Кроме того, Германия занимала в рассматриваемом вопросе позицию, во многом противоположную позиции Англии. Дипломатия Бисмарка в 1876 г., как правило, становилась на сторону России, интересы которой были в отношении Сербо-турецкой войны диаметрально противоположными Британским. Кабинет Дизраэли безуспешно пытался повлиять на Берлин в том смысле, чтобы последний охладил агрессивные намерения Александра II по отношению к Турции.

Таким образом, в 1876 г. у Германии были причины поддерживать до некоторой степени российские интересы на Балканах. Немецкое правительство должно было приветствовать всякое ослабление Англии в Балканско-Средиземноморском регионе, поскольку уже в рассматриваемый период выявляется различие геополитических интересов двух этих государств.

В свете указанных политических и дипломатических обстоятельств, период Сербо-турецкой войны можно считать временем единства оценок и мнений в консервативных периодических изданиях двух Великих держав той эпохи — России и Германии.

¹ Драгоманов М.П. Политические сочинения. М., 1908. Т. 1. С. 293.

² Красный архив. 1938. Т. 6. С. 122.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 3 марта 1871 г.

⁴ Там же. 2 июля 1871 г.

⁵ Цит. по: Никитин С.А. Очерки по истории Южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в. М., 1957. С. 282.

⁶ Вестник Европы. 1870. Книга 10. С. 904-905.

⁷ Московские ведомости. 25 апреля 1876 г.

⁸ Там же. 30 апреля 1876 г.

⁹ National-Zeitung. 14 juni 1876.

¹⁰ Московские ведомости. 5 мая 1876 г.

¹¹ Вестник Европы. 1876. № 8. Август. С. 832.

В.В. Макаров

УБИЙСТВО А.И. ШИНГАРЕВА И Ф.Ф. КОКОШКИНА: КТО ВИНОВАТ? (О НЕОКОНЧЕННОМ СПОРЕ)

Андрей Иванович Шингарев (1869-1918) – известный и яркий политический деятель начала XX века. В его жизни и смерти ярко отразилась трагедия лучших представителей российского либерализма. Самоотверженный земский врач и активист земского движения; член ЦК конституционно-демократической партии, «правая рука» П.Н. Милюкова; популярнейший депутат Государственной Думы II – IV созывов (прославившийся своими оппозиционными речами по земельному и бюджетному вопросам); яркий публицист и оратор, известный всей читающей публике, объездивший с лекциями пол страны; один из основателей и лидеров Прогрессивного блока и верный кандидат на пост министра «общественного доверия», министр земледелия, а потом финансов Временного правительства, депутат Всероссийского Учредительного собрания от кадетской партии. Все это подтверждает исключительную популярность Шингарева как политика.

Но из-за исключительно сложной экономической и социально-политической ситуации в стране, сложившейся в 1917 году, Шингарев за 10 революционных месяцев не только растерял практически всю свою популярность в стремительно левевших «массах», но и был физически уничтожен через «самосуд» этими же самыми массами. Была ли в этом его вина? Обострение политической борьбы вызвало в тех условиях такой взрыв насилия, что кто-то обязательно должен был стать жертвой.

Как же могло произойти, что популярнейший общественный деятель, «народолюбец», постоянно защищавший интересы «простого народа» в Думе, был зверски убит в больнице представителями «народа», которых не смутил не только его статус депутата Учредительного собрания («все-народно избранного»), но и состояние его здоровья после полуторамесячного тюремного заключения в тяжелых условиях? Данный вопрос напрямую связан с перипетиями политической борьбы второй половины 1917 года, проблемой становления новой власти – «диктатуры пролетариата» и

началом гражданской войны в России. Не вдаваясь в глобальные рассуждения о судьбах России на переломе, попытаемся разобраться всего лишь в одной, но показательной и значимой трагедии.

Эта трагедия, произошедшая в ночь с 6 на 7 января¹ 1918 года в Мариинской больнице для бедных Петрограда, явилась знаковым событием для судеб русской революции и интеллигенции. Дело не только в том, что были убиты два члена ЦК конституционно-демократической партии (третьей после эсеров и большевиков по популярности партии в стране), программа которой отражала интересы самой образованной и богатой части населения России. И даже не в том, что в больничных палатах выстрелами в упор и штыковыми ударами были убиты два больных и беспомощных общественных деятеля. На тот момент важнее было то, что произошло зверское убийство двух бывших министров Временного правительства и членов Учредительного собрания², разогнанного за день перед этим вооруженной силой. Было разогнано то самое Учредительное собрание – «хозяин земли русской», которого так долго (чуть ли не с 60-х гг. XIX века) ждала вся российская «прогрессивная общественность».

Убийство Шингарева и Кокошкина, которое многие современники связывали с разгоном Учредительного собрания и расстрелом демонстрации в его поддержку, для либеральных кругов означало убийство всех «чистых» идеалов Февральской революции, окончательное падение веры в «обновленную и свободную Россию». А.С. Изгоев (член ЦК кадетской партии) отмечал впоследствии: «Это убийство двух членов Учредительного собрания довершило картину убийства самого учреждения, долженствовавшего воплощать народную волю»³.

Трагедия в Мариинской больнице имела большой общественный резонанс. Практически все столичные и многие провинциальные газеты поместили подробные развернутые статьи, репортажи, некрологи и заявления по поводу убийства и похорон, а впоследствии довольно подробно информировали читателей о ходе следствия вплоть до начала февраля 1918 г. Даже центральной большевистской печати (и прежде всего «Правде») пришлось оправдываться под напором негодующего общественного мнения. «Самосуды» и «убийства из-за угла» были официально осуждены, их место должна была занять «революционная законность».

Многие общественные организации различной политической направленности также выразили свой решительный протест и негодование по поводу «зверского самосуда». Пришлось это сделать и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, но примечательно *как* это было сделано. Сам факт убийства, конечно, был осужден, но Шингарев и Кокошкин тут же назывались вождями контрреволюции, преступниками против народа и революции, «пленниками» и т.п.⁴ Немного позже была

выдвинута идея косвенной виновности самих жертв в собственном убийстве. Утверждалось, что проведением «буржуазной» политики относительно «войны» и «земли» Шингарев и Кокошкин сами навлекли на себя «народный гнев». Это до некоторой степени перекликается с критикой либерализма «справа», заключающейся в том, что либералы сами вызвали революцию и закономерно были уничтожены ее стихийными силами.

Но насколько верны эти лозунги – «горе побежденным» – в данном конкретном случае? Шингарев и Кокошкин менее всего заслужили подобные обвинения, как справа, так и слева (они не были бы либералами, если бы до последнего не пытались смягчить классовый конфликт). На наш взгляд, они просто «подвернулись» (или были «подставлены») толпе для выплеска недовольства, разрядки очередной «напряженной ситуации», которых так много было в России после февраля 1917 года.

Официальные власти давали прессе минимум информации по ходу следствия, хотя поначалу оно шло довольно быстро (имена некоторых участников расправы стали известны уже 11 января). Тем не менее, с конца января уже практически никакой новой информации в прессу не поступало, и многое журналистам (а потом и историкам) пришлось домысливать самим.

Убийство породило множество вопросов, постепенно перешедших из периодической печати тех дней в мемуарную, а потом и в историческую литературу (русскую и зарубежную). Но эта проблема часто поднималась совсем не ради достижения истины, а потому, что с ее помощью можно было, с одной стороны, легко вести критику советской власти, используя факт, который уже нельзя было скрыть или опровергнуть или, с другой стороны, до конца отстаивать правоту большевиков. К сожалению, ответов на многие важные вопросы, касавшиеся убийства и расследования, по разным причинам так и не было найдено. Это было напрямую связано со сложным и запутанным характером данного дела, а не только с конъюнктурными спорами западной и советской историографии, как это хотелось бы представить советским исследователям 1960-х – 80-х годов, не устававшим обвинять в некомпетентности своих западных коллег⁵.

Интересующие нас события происходили в Петрограде 1917 года, который к тому времени уже 10 месяцев являлся бурлящим революционным котлом. Любое сколько-нибудь значимое событие здесь тут же обрастало огромным количеством слухов, домыслов, рассказов и т.д. Фактическое безначалие и анархия приводили к тому, что «спрятать концы» любого преступления не составляли никакого труда, а полное раскрытие становилось непосильной задачей. Убийство Шингарева и Кокошкина не стало исключением. В результате выяснить, что же действительно происходило тогда в Мариинской больнице, а главное, кто истинный виновник и вдох-

новитель убийства, довольно трудно (несмотря на все, неоднократно подтвержденные, усилия официальных следственных органов).

Что в таком случае должен сделать историк? Во-первых, четко очертить круг проблемных, т.е. вызывающих споры, вопросов. Эти вопросы, по нашему мнению, таковы:

1. Что конкретно происходило в Мариинской больнице и вокруг нее 6-7 января 1918 г., т.е. как произошло убийство и, главное, как шла подготовка к нему?

2. Какое отношение убийство имело к разгону Учредительного собрания 6 января 1918 г. Насколько был значим в данном случае статус жертв, как бывших министров Временного правительства и депутатов Учредительного собрания?

3. Кто виноват в этом преступлении? Кто его непосредственный исполнитель, а кто – вдохновитель («заказчик»)? Или это одни и те же лица?

4. Какие цели преследовали убийцы и их вдохновители? Каковы были мотивы преступления?

5. Была ли повинна в убийстве «новая» большевистская власть? Если да, то какова степень вины большевиков? Отдавал ли Ленин или другие вожди большевиков приказ – убить лидеров кадетов? Замешаны ли в этом деле ВЧК, аппарат СНК, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов или другие большевистские (или «сочувствующие») организации?

6. С чем связано «вялое» ведение следствия, замедленный и неэффективный поиск непосредственных убийц, уход от ответственности должностных лиц и не доведение дела до суда?

Во-вторых, необходимо выявить все возможные источники по данному делу и определить степень достоверности каждого из них. По мнению современной отечественной историографии⁶, основные из этих источников таковы: материалы следствия, проведенного специальной комиссией по расследованию убийства во главе с наркомом юстиции И.З. Штейнбергом, а также телефонограмма В.И. Ленина в Народный комиссариат юстиции⁷; обвинительный акт по делу об убийстве, опубликованный в двух редакциях⁸; дневник самого Шингарева и воспоминания его сестры А.И. Шингаревой⁹; дневник супруги Кокошкина М.Ф. Кокошкиной¹⁰; воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича, Р.П. Аврамова, П.Д. Долгорукова, А.С. Изгоева¹¹ и других современников, имевших то или иное отношение к данному делу; многочисленные материалы петроградской и провинциальной прессы.

Достоверность всех вышеперечисленных источников можно смело подвергать сомнению в той или иной степени. Опубликованные материа-

лы следствия, судя по всему, прошли через плотное сито цензуры, а большинство мемуаров и сообщений в прессе сами основывались на сведениях из вторых и третьих рук (а иногда и на заведомо ложных слухах). В отечественной историографии установилось мнение, что других – более значимых и достоверных – источников по делу (или хотя бы оригинала известного следственного дела) просто не сохранилось. Но, на наш взгляд, пока нельзя ничего утверждать категорически – вполне возможно, что документы просто не найдены.

В-третьих, нужно хотя бы вкратце ознакомиться с наследием отечественной и зарубежной историографии по данному вопросу и выделить основные точки зрения и мнения, к которым пришли те или иные группы исследователей. История формирования и борьбы мнений по данному делу вполне достойна особого изучения.

В результате длительных споров, начавшихся вскоре после 1918 года и продолжающихся чуть ли не по сей день, сформировалось несколько точек зрения на проблему. Но основных из них существует всего две (все остальные – лишь компромиссные или более жесткие вариации двух базовых версий). Мы не будем останавливаться на различных публицистических точках зрения (которых было особенно много в прессе в 1918 году и потом в некоторых так называемых «белоэмигрантских» мемуарах), а рассмотрим только гипотезы, высказанные профессиональными историками и авторитетными современниками событий. Перед нами две главные гипотезы, претендующие на раскрытие истинных мотивов и истоков преступления и отражающие противоположные точки зрения на события трагической ночи.

Первая – официальная версия советских властей, которая постоянно выдвигалась и отстаивалась советскими историками и публицистами, начиная с ее окончательного оформления в 1930-е годы¹² и вплоть до середины 1980-х гг.¹³ Она берет начало от официального обвинения убийц, основанного на материалах следствия, проведенного по горячим следам зимой-весной 1918 г. специальной комиссией СНК при поддержке Комитета по борьбе с погромами. Результаты расследования были одобрены советскими властями (и, прежде всего, самим Лениным) и были направлены в Наркомат юстиции для проведения суда, но суд не состоялся. По утверждению В.Д. Бонч-Бруевича, результаты расследования были также одобрены П.М. Могиланским – представителем, избранным в следственную комиссию по делу об убийстве, от Центрального петроградского городского комитета общественной безопасности. Эта организация была довольно враждебно настроена по отношению к большевикам, и одобрение ее представителя должно было свидетельствовать о непогрешимости следствия, хотя это и не подтверждается другими источниками.

Основными материалами, на которые опирается эта точка зрения, являются: «выбранные места» из следственного дела и обвинительного акта по делу об убийстве Шингарева и Кокошкина, пробольшевистская периодическая печать того времени, мемуары большевистских партийных деятелей, имевших отношение к данному делу, официальная хроника действий советских властей по ведению следствия и «наказанию» убийц.

Суть этой изначальной официальной версии¹⁴ такова: «пробуржуазная» политика Временного правительства (всех составов), а особенно введение смертной казни на фронте, продолжение войны, отказ от радикального решения аграрного вопроса – вызвали гнев рабочих, солдат и крестьян, который был непосредственно направлен на министров Временного правительства, а потом еще и на депутатов Учредительного собрания от оппозиционных большевикам партий. А уж если бывшие министры Временного правительства являлись еще и депутатами, то гнев возрастал вдвойне.

По отношению к Шингареву это проявилось в полной мере. В период его работы в Петроградской городской думе летом-осенью 1917 г. в ответ на его протесты против анархии и разрушительной политики советских властей, со стороны большевистских депутатов неоднократно звучали призывы к расправе над ним¹⁵. К тому же активная борьба некоторых лидеров кадетов, меньшевиков и эсеров с диктатурой большевиков еще более подогрела страсти и «народное возмущение». Тем не менее, большевики твердо решили придерживаться новой революционной законности и не допускать самосудов. Это «подтверждалось» многочисленными и пафосными заявлениями на данную тему в большевистской прессе того времени.

28 ноября 1917 г. на заседании СНК был принят «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции»¹⁶, объявлявший кадетскую партию партией «врагов народа», подлежащих суду революционных трибуналов по всей стране. Якобы на основании этого декрета те лидеры кадетской партии, которых удалось найти, были арестованы. Но арест А.И. Шингарева, Ф.Ф. Кокошкина, П.Д. Долгорукова и С.В. Паниной был произведен утром 28 января и не имел к принятому в тот же день, но позже декрету прямого отношения. Скорее наоборот – декрет был издан в том числе и для того, чтобы иметь формальное основание для задержания арестованных. Обыск и арест всех находившихся в квартире Паниной был связан с «делом Паниной» (о «растрате» казенных денег в Министерстве народного просвещения Временного правительства, а фактически – об отказе сдать деньги органам советской власти). Чисто формально большевики имели право на эти казенные средства в качестве новых властей, но в глазах либеральных кругов аресты их лидеров выглядели тер-

рором и произволом. Вскоре выяснилось, что Шингарев, Кокошкин и Долгоруков не имеют никакого отношения к «делу Паниной». Тогда против них был выдвинут целый ряд новых обвинений от пособничества Корнилову и Каледину в подготовке свержения диктатуры большевиков до попытки осуществить «контрреволюционный переворот», открыв явочным порядком Учредительное собрание 28 ноября 1917 г.

Но Шингарев и Кокошкин всегда боролись со своими политическими противниками только парламентскими методами, и у обвинения не было никаких доказательств их вины, что впоследствии и подтвердилось. Если бы не убийство, то их вынуждены были бы выпустить уже в феврале-марте 1918 г. как и других бывших министров Временного правительства¹⁷. Мы считаем, что одной из реальных причин ареста этих известных общественных деятелей был их статус депутатов Учредительного собрания, причем депутатов, активно выступавших против большевиков.

Продолжим изложение историографической версии: с течением времени гнев «трудового народа» по отношению к лидерам контрреволюции только усиливался. Состояние здоровья арестованных кадетских лидеров несколько ухудшилось, и их родственники стали ходатайствовать о переводе узников в больницу. После двух медицинских освидетельствований СНК признал возможным перевод заключенных в Мариинскую больницу для бедных (Литейный проспект, 56) с постоянной охраной Красной Гвардии. В связи с созывом и «ропуском» Учредительного собрания обстановка в Петрограде была накалена до предела. И поскольку состояние здоровья заключенных не было угрожающим, управделами СНК В.Д. Бонч-Бруевич советовал родным Шингарева и Кокошкина подождать с переводом их в больницу из-за угрозы их жизни со стороны озлобленного народа. Однако данный факт не подтверждается ничем, кроме воспоминаний самого Бонч-Бруевича и поэтому не может считаться полностью достоверным.

Но родные заключенных настояли на переводе. Группа матросов-анархистов с военных транспортных судов «Чайка» и «Ярославец» (а, по некоторым данным, еще и с крейсера «Республика») и двое красногвардейцев Литейного (Первого городского) района Петрограда (ответственного за охрану заключенных в больнице) договорились расправиться с бывшими министрами после перевода их в больницу. Эти планы встретили сочувственное отношение некоторых солдат Петропавловской крепости и красногвардейцев Литейного района. Всю операцию организовали начальник отряда бомбометчиков красной гвардии Литейного района П. Куликов и солдат-инструктор при штабе красной гвардии того же района С. Басов.

Басов и группа из 10-12 матросов около первого часа ночи 7 января 1918 г. под предлогом смены караула проникла в Мариинскую больницу и совершила самосуд над лидерами кадетов, убив их револьверными выстрелами и штыковыми ударами. Еще около 20 матросов поджидало их у входа в больницу и в патрулях на соседних улицах. Как только об убийстве стало известно, сразу была учреждена следственная комиссия при СНК и несколько вспомогательных комиссий, а Ленин взял расследование под личный контроль. Благодаря энергичному вмешательству Ленина¹⁸, следствие было проведено быстро, все участники этого дела со стороны Красной Гвардии были арестованы, а матросы (имена непосредственных убийц и также были установлены¹⁹) скрылись от следствия из-за затягивания дела наркомом юстиции И.З. Штейнбергом (членом партии левых эсеров). Дело не было доведено до суда из-за саботажа левых эсеров (при выходе их из состава СНК) и последующих событий революции и гражданской войны.

В 1970-х – 80-х гг. данная точка зрения была несколько «смягчена» советскими историками и стала выглядеть следующим образом. Несколько матросов и красногвардейцев, являвшихся приверженцами анархических взглядов, потеряли самоконтроль и в порыве «революционного энтузиазма» и негодования по поводу мягкого режима содержания в тюрьме бывших «министров-капиталистов» и «врагов народа» направились в Мариинскую больницу и учинили над ними самосуд. Советское правительство, естественно, не могло нести никакой ответственности за эти действия анархистов и сурово осудило их действия, т.к. всегда боролось против самосудов и «подлых убийств из-за угла». Было создано несколько комиссий, следствие было проведено быстро и успешно, убийц вскоре нашли, арестовали и подвергли «заслуженному наказанию»²⁰.

Что такое «заслуженное наказание» с точки зрения советских историков, так и остается загадкой, а вот столь внимательное отношение Ленина к данному делу необходимо прокомментировать. Хотя Ленин и был озабочен данным актом самосуда, но судьба Шингарева и Кокошкина его мало интересовала. Его беспокоил сам прецедент, произошедший, скорее всего, без его ведома и указывавший на откровенную слабость «диктатуры пролетариата» в «колыбели революции» — Петрограде. А это не придавало большевикам популярности ни в столицах, ни в стране в целом.

Данная точка зрения изображает события довольно однобоко и о многом умалчивает. В частности, в ней идет речь о «гневе народа», но не упоминается о масштабной (часто клеветнической) антикадетской кампании в пробольшевистской печати, которая была связана с оппозиционной новым властям политикой кадетов и бывших министров Временного правительства, покушением на Ленина²¹, стремлением большевиков дискре-

дитировать Учредительное собрание и свалить на кадетов вину за разруху и анархию, которые новые власти не могли остановить. Большевики выпустили декрет, объявляющий партию кадетов партией «врагов народа» и таким образом фактически объявляющий их лидеров вне закона. Все это могло спровоцировать убийство, и тогда вместо «анархического гнева» здесь явно присутствует сознательное науськивание толпы на «врагов народа» со стороны властей.

Виновные в убийстве Шингарева и Кокошкина матросы так и не были найдены и арестованы (их не выдали экипажи своих судов). Это подтверждает неспособность большевиков на том этапе контролировать не только действия анархистов-бандитов в Петрограде, но и многие части армии и флота, виновность солдат которых в различных преступлениях была доказана²². Суда над арестованными не было, и не только потому, что левые эсеры вышли из правительства, а потому что дело нужно было замять, и его замаяли (о причинах этого мы поговорим ниже). «Заслуженное наказание» для части арестованных убийц составило только около двух с половиной месяцев тюремного заключения, и это для организаторов и непосредственных участников расправы! Кроме того, нельзя пройти мимо того факта, что смерть лидеров кадетов – непримиримых врагов диктатуры СНК – была выгодна большевистским властям. Все вышесказанное указывает на явную тенденциозность официальной советской версии событий, хотя, конечно, нельзя полностью исключить элемент случайности и «собственной инициативы» анархистствующих матросов-убийц.

Вторая точка зрения на истинные причины убийства Шингарева и Кокошкина разделяется большинством «белоземigrants»²³ и западных историков русского или иностранного происхождения²⁴, а также некоторыми современными российскими публицистами. Основными источниками для нее являются: все те же материалы следственного дела, предварительная редакция обвинительного акта по делу об убийстве и воспоминания современников, сочувственно относившихся к партии кадетов и ее лидерам или просто отрицавших большевистский переворот. Эта гипотеза основана на том, что вина большевиков в убийстве очевидна, и она не только косвенная, но и самая прямая. То есть, если не непосредственно Ленин или Троцкий, то самые высокие официальные лица из аппарата СНК или ВЧК отдавали приказ красногвардейцам убить бывших министров Временного правительства, а красногвардейцы в свою очередь уже подключили к этому делу матросов Балтфлота. В.Н. Коковцов вспоминает: «Носителем кадетского вероучения... был мой бессмысленный оппонент Андрей Иванович Шингарев, в таких ужасных условиях погибший вместе с Кокошкиным от руки *советских агентов-матросов* (курсив наш – В.М.)... Об ужасном конце его жизни я узнал в самом начале 1918 года

в бытность мою в Кисловодске и невольно перенесся тогда мыслью ко всем его пламенным речам в пользу охранения народа от гнета и злоупотреблений власти...»²⁵

Многие западные и некоторые отечественные историки²⁶ напрямую связывают убийство Шингарева и Кокошкина с разгоном Учредительного собрания и арестом некоторых его членов от оппозиционных большевикам партий. Часть русских эмигрантов подтверждает это, другие указывают на то, что убийство произошло из-за стремления большевиков уничтожить саму партию кадетов, а убитые ее лидеры никогда не скрывали своего отношения к «диктатуре пролетариата».

У сторонников второй версии нет прямых доказательств своих обвинений, но есть своя система аргументации.

Она такова: доказательств какой бы то ни было вины Шингарева и Кокошкина у властей не было, их пришлось бы вскоре отпустить (как отпустили потом П.Д. Долгорукова и некоторых бывших членов Временного правительства). Авторитет депутатов в среде образованного общества оставался высоким, и не приходилось сомневаться, что они направят все силы на борьбу с большевистской диктатурой. Большевики должны были попытаться их нейтрализовать. Особо следует отметить угрожающее поведение красногвардейцев, конвоировавших узников в больницу, неоднократные угрозы большевистских депутатов Петроградской городской думы и некоторых солдат гарнизона Петропавловской крепости расправиться с узниками, а также остервенелую клеветническую кампанию против кадетов в большевистской прессе (а ведь подобные прецеденты в виде самосудов над офицерами и штатскими в Петрограде были). Свертывание активных следственных действий практически сразу после создания нескольких специальных комиссий и явное нежелание властей довести дело до суда свидетельствовали, что в нем не все гладко.

Данная трактовка событий отражает взгляд людей «по другую сторону баррикад», которые потеряли своих единомышленников.

По нашему мнению, данная точка зрения справедлива только отчасти. Петроград в те тяжелые месяцы жил в основном слухами, любой факт раздувался до невероятных размеров. Так считалось, что вместе с Шингаревым и Кокошкиным убито еще несколько членов Учредительного собрания (И.Г. Церетели, Ф.И. Родичев, В.М. Чернов и др.), и сделали это именно большевики. Но это был всего лишь слух. Вожди большевиков прекрасно понимали последствия подобных шагов для себя, ведь страна и так уже вступала в гражданскую войну. В Петрограде в то время действовал целый ряд вооруженных бандитских и анархических групп (особенно были «активны» команды некоторых боевых кораблей, находившиеся на

берегу), и новая власть, действительно, далеко не всегда могла контролировать их действия.

По некоторым данным, после убийства Шингарева и Кокошкина Ленин настоятельно советовал И.Г. Церетели уехать в Грузию (и Церетели согласился и уехал!). Ленин боялся, что его старого партийного товарища (стоявшего, правда, на гораздо более «правых» позициях) постигнет та же печальная участь, и не считал для себя возможным гарантировать его безопасность в Петрограде. Поэтому винить высшее партийное руководство большевиков в убийстве кадетских лидеров не следует, а вот в попустительстве бандитам в столице и неспособности с ними справиться, — безусловно.

Конечно, вождям большевиков было выгодно «нейтрализовать» популярных общественных деятелей, постоянно боровшихся с ними, но только не таким путем, подрывавшим доверие к новой власти у значительного числа «обывателей». Убийство Шингарева и Кокошкина, безусловно, было так или иначе связано с их статусом депутатов ненавистного большевикам Учредительного собрания, но эту связь не стоит преувеличивать. Учредительное собрание к тому моменту уже было разогнано, а его члены (именно в качестве отдельных депутатов) никакой угрозы для большевиков не представляли, по крайней мере, до их первых организованных собраний в Самаре в июне 1918 года и в Уфе в сентябре того же года.

Изложенные выше точки зрения и аргументы сторон, в целом стоят друг друга, т.к. строятся фактически на одних предположениях и показывают неспособность или нежелание найти истину. Для большевиков Шингарев и Кокошкин и после смерти остались врагами и «вождями буржуазии», а для кадетов убийство дало просто лишнюю возможность обвинить большевиков в построении террористического диктаторского режима. Политические страсти так и не дали разобраться в этом деле до конца. Но пока остается хоть малейшая возможность прояснить ситуацию, рано ставить точку в споре, прочно утвердившись на той или иной точке зрения, или опускать руки.

Историк должен всегда пытаться искать свое объяснение спорных проблем. Возможно, истина лежит где-то посередине между двумя изложенными точками зрения. События, происходившие в ту трагическую ночь в Мариинской больнице, основательно и точно восстановил В.В. Шелохаев, последним касавшийся данной темы в отечественной историографии²⁷. Но он сознательно дистанцировался от решения проблемы поисков истинных виновников убийства кадетских лидеров из-за отсутствия какой бы то ни было определенности в этом деле.

Тем не менее, мы считаем, что официальная версия советской историографии является менее достоверной. Часть солдат гарнизона Петро-

павловской крепости сочувственно относилась к узникам и неоднократно предупреждала их об опасности, грозившей им за пределами крепости от *красногвардейцев*²⁸ (а не от каких-то «неизвестных бандитов»). Караульная команда даже писала протест против предполагаемых над ними самосудов и, следовательно, знала о настроениях, господствовавших в Красной Гвардии, и опасалась за жизнь заключенных вне стен Петропавловской крепости. Из материалов следствия видно, что при переводе заключенных в больницу вопрос об их убийстве неоднократно поднимался и некоторыми солдатами Петропавловской крепости и красногвардейцами Литейного района. Это было связано с общей атмосферой борьбы с «классовыми врагами», а возможно и с чьей-то направленной агитацией. Оставалось только от слов перейти к делу, и возможность для этого представлялась вполне подходящая.

Мы знаем из материалов следствия и показаний очевидцев, что неоднократно приказ убить заключенных и привлечь к этому делу матросов давал некто П. Куликов – командир отряда бомбометчиков красной гвардии Первого городского района Петрограда. По своим служебным обязанностям, он, видимо, был ближайшим помощником комиссара данного района П.В. Михайлова. Последний был полностью в курсе данного дела с самого начала его подготовки и чуть ли не выдавал револьверные патроны Куликову и матросам перед убийством. Куликов действовал непосредственно с его санкции. Куликов и Басов договаривались с матросами об этом деле (в здании Армии и флота, бывшем здании Дворянского Соборания) за несколько дней до убийства и действовали с ведома Михайлова. Поэтому можно утверждать, что перед нами не «стихийный всплеск» «народного гнева», а заранее спланированная акция. После совершения убийства матросы отчитывались перед Михайловым.

Несмотря на этот вопиющий факт, следственные органы даже не попытались выяснить, с чьей санкции так «смело» действовал Михайлов. А ведь это самое главное! Да, вполне можно допустить, что комиссар городского района был и сам достаточно весомой фигурой и действовал «на свой страх и риск», а точнее с полным сознанием «революционного долга». Вполне мог он состоять и в заговоре с подчиненными. Но в любом случае, он был ответственным лицом и не мог не знать о значимости и общественном статусе тех, кого ему было поручено охранять. Мы можем с уверенностью утверждать, что Михайлов, по крайней мере, не мешал убийству, но знал о нем все. Он мог бы очень сильно «помочь» следствию, если бы оно само этого хотело.

Вместо широкого использования показаний этого важнейшего свидетеля Бонч-Бруевич просто игнорирует совершенно невнятные, отрывочные и явно ложные показания Михайлова и отпускает его²⁹. Отсюда мож-

но сделать только один вывод: следственные органы сознательно повернули следствие на поиски непосредственных исполнителей убийства, а его вдохновители остались безнаказанными. На это указывали и многие современники событий. Если следствие решило прикрыть Михайлова, а не выставить его к «позорному столбу» и вытянуть на его безответственности все данное дело, вряд ли это произошло «случайно». Остается предположить только одно – вдохновители у преступления были. Либо это был сам Михайлов, либо кто-то стоящий за ним. В любом случае, «заслуженного наказания» не понес никто.

Отметим важную деталь: в показаниях очевидцев и конвоиров-красногвардейцев несколько раз упоминается некто «в мягкой шляпе с большими полями», которого они *не видели* в больнице³⁰. Бонч-Бруевич никак не комментирует эти заявления. Но откуда вообще взялся этот человек в материалах следствия? Был ли это непроверенный слух или все же в больнице в момент убийства действительно находился некто, контролировавший действия матросов? Загадка, но характерная загадка. Еще один аргумент: в материалах дела зафиксировано, что после совершения убийства матросы требовали от Басова вести их в Петропавловскую крепость и частную лечебницу Герзони, где они намеревались убить содержащихся там нескольких членов Временного правительства и бывших правых депутатов Государственной Думы. Но Басов не повел их туда и даже воспрепятствовал этому «походу за головами», т.к. боялся, что ему «за это попадет». От себя добавим, что это могло привести к столкновениям с усиленным охранным постом «сознательных» красногвардейцев в лечебнице Герзони и охранной командой Петропавловской крепости. Во время убийства в Мариинской больнице таких опасений у Басова не было, он даже забрал кожаную куртку из комнаты Шингарева, т.е. был полностью уверен в своей безнаказанности. Как можно объяснить эти сменяющие друг друга приступы страха и наглости? Только ли психологией «бандита и анархиста»?

Советские власти обвинили наркома юстиции Штейнберга в том, что он не довел дело до суда и не выполнил прямое предписание Ленина. Это стало одной из инвектив к партии левых эсеров в противодействии большевикам в рамках компании по их дискредитации после выхода министров-левых эсеров из состава СНК. Но начинать нужно с того, что нарком по морским делам П.Е. Дыбенко («сто процентный» большевик) еще раньше не выполнил приказа Ленина и не арестовал непосредственных убийц Шингарева и Кокошкина (матросов Крейса и Матвеева), вина которых была доказана следствием. Штейнберг же бездействовал, скорее всего, потому, что на него давили те же силы, которые, с нашей точки зрения, являлись реальными «вдохновителями» убийства.

С какой целью действовали неизвестные вдохновители убийства, существование которых нам кажется вполне допустимым? Выяснить это теперь очень трудно, если вообще возможно. Это могло быть и стремление обезглавить одну из ведущих оппозиционных партий, запугать интеллигенцию и обывателей, нанести превентивный удар по «контрреволюции». Это могла быть и часть какой-то многоходовой комбинации, связанной с Учредительным собранием. Вполне возможно и стремление таким своеобразным способом «успокоить» толпу, разрядить напряжение, удовлетворить «жажду крови» распропагандированных масс. В конце концов, с равной долей вероятности это могло являться попыткой сотрудников новоявленной политической полиции выслужиться перед начальством. Реакция Смольного оказалась неодобрительной, но дело все равно удалось замять через два месяца после убийства. Вина была свалена на анархистов и бандитов, а само дело повисло в воздухе.

Данные замечания естественно не могут претендовать на окончательный ответ на сакраментальный вопрос: «кто виноват?», но они пытаются объяснить те многочисленные странности, которые постоянно выявляются при попытках разобраться в этих трагических событиях. В любом случае, ставить точку в историческом расследовании данного дела пока рано. Спор действительно не окончен и имеет все шансы продолжиться.

Закончить статью хотелось бы отрывком из воспоминаний А.С. Изгоева, друга и товарища по партии Шингарева и Кокошкина, проводившего их в последний путь: «Часов с девяти (утра 7 января 1918 г. – *В.М.*) в часовне и около больницы (Мариинской – *В.М.*) толпился народ. Тут же шныряли разные подозрительные субъекты, подслушивавшие разговоры и агитировавшие в кучках: «Чего жалеть! Двух буржуев убили. Всех бы их так. Помогали Керенскому воровать и Россию вместе продавали. Шингарев, министр финансов, один 12 миллионов взял...» Когда матросу стали возражать, что все эти рассказы лживы, что убитые были бедные труженики... агитатор, точно одержимый, стал кричать: «Известно, прикидывался бедным, чтобы людей морочить. Знаем мы вас. И вы такие же, капиталиста-министра защищаете... Объявлены вне закона пролетарской власти, значит, есть за что. Тоже у нас наверху не глупее вас люди сидят...» Он находил в кучках сочувствующих. Спорить с ним становилось небезопасно. Всмотривался я в эти горящие ненавистью глаза... Вспоминал мягкий образ покойника, типично русского земского врача-бессребренника и народника, воистину жизнь и душу свою полагававшего за темный народ, который за это платил ему ненавистью и бессмысленной клеветой»³¹.

³¹ Все даты по старому стилю.

² Из-за недостатка достоверных документов и сведений членство А.И. Шингарева в Учредительном собрании вызвало определенные сомнения в современной отечественной историографии (см.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 272). Этот вопрос выходит за рамки данной статьи, но мы придерживаемся господствующей в советской и российской историографии точки зрения, утверждающей, что А.И. Шингарев был членом Учредительного собрания от конституционно-демократической партии.

³ Изгоев А.С. Пять лет в советской России // Архив русской революции. М., 1991. Т. 5(10). С. 25.

⁴ Подробнее см.: Новая Петроградская газета. 1918. 9 янв.

⁵ Имеется ввиду длительная тяжба советских и «буржуазных» историков по поводу виновности партии большевиков в убийстве Шингарева и Кокошкина, протекавшая особенно бурно в 1970-х - начале 80-х гг. Советские историки обвиняли своих оппонентов в том, что они «высасывают проблему из пальца» и пытаются совершенно бездоказательно обвинить советскую власть в различных преступлениях. Подробнее см.: Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917-1970-е гг. Л., 1979 и др.

⁶ См.: Шелохаев В.В. Судьба русского парламентария. (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. №5. С. 44-73.

⁷ Часть этих материалов была опубликована В.Д. Бонч-Бруевичем в его воспоминаниях: «Об убийстве Кокошкина и Шингарева» в журнале «Каторга и ссылка» (1934. № 1, 2). Оригиналы большинства из этих документов не сохранились. См. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 50. С. 26.

⁸ Предварительная редакция: Первая редакция обвинительного акта по делу об убийстве А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина // Пути революции. Статьи, материалы, воспоминания. Берлин, 1923. С. 350-356. Официальная редакция: Бонч-Бруевич В.Д. Об убийстве Кокошкина и Шингарева // Каторга и ссылка. 1934. № 2. С. 75-79. Подлинники пока не найдены.

⁹ Частично они были опубликованы в книге: Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918. С. 61-67. О существовании или местонахождении полного варианта воспоминаний А.И. Шингаревой ничего неизвестно.

¹⁰ См.: ГАРФ, ф. 1190, д. 21.

¹¹ Бонч-Бруевич В.Д. Об убийстве Кокошкина и Шингарева // Каторга и ссылка. 1934. № 1. С. 184-199, № 2. С. 49-80; Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969; Аврамов Р.П. Три встречи с Лениным // Вопросы истории КПСС. 1965. № 10. С. 99-101; Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964; Изгоев А.С. Пять лет в советской России // Архив русской революции. М., 1991. Т. 5(10). С. 5-55.

¹² Оформление официальной точки зрения проходило при непосредственном участии одного из главных действующих лиц расследования дела об убийстве Шингарева и Кокошкина - управляющего делами СНК и председателя Комитета по борьбе с погромами при СНК В.Д. Бонч-Бруевича.

¹³ За этот длительный период см. работы Е.Д. Черменского, А.Я. Авреха, К.Ф. Шацилло, Н.Г. Думовой, О.Н. Знаменского, Е.А. Скрипилева, А.Г. Слонимского, Л.М. Спирина и др.

¹⁴ Позже, в 1970-х – 80-х гг. советские историки (в результате вынужденной полемики с западными коллегами) довольно сильно исказили первоначальную официальную версию с целью снять с советской власти даже тень вины за данное преступление. В результате появился новый вариант официальной версии. Активизация данной полемики происходила на фоне общих «историко-идеологических» дебатов, усилившихся на очередном витке «холодной войны». Основными «горячими» темами для дискуссий стали, в том числе, и такие как судьба Учредительного собрания, красный террор, поиск виновников начала гражданской войны в России и др.

¹⁵ См.: Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 546.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 35. С. 126.

¹⁷ Подробнее см.: Измозик В.С. Временное правительство. Люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 165-166.

¹⁸ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924. М., 1974. Т. 5. С. 186-190, 250.

¹⁹ См.: Бонч-Бруевич В.Д. Об убийстве Кокошкина и Шингарева // Каторга и ссылка. 1934. №2. С. 78-79.

²⁰ См.: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 66-67.

²¹ Обстрел автомобиля Ленина боевиками смешанной (от монархистов до эсеров) террористической группы 1 января 1918 г. Ленин не пострадал.

²² Красноречивое свидетельство об этом см. в кн.: Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 171-198.

²³ См. воспоминания П.Д. Долгорукова, А.С. Изгоева, В.Н. Коковцова, П.Н. Милокова, А.В. Тырковой-Вильямс, М.В. Родзянко, В.А. Оболенского и др.

²⁴ См.: Abramovitch R. The Soviet Revolution, 1917-1939. L., 1962; Florinsky M. Russia: A History and an Interpretation. N.Y., 1953; Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. N.Y., 1935; Carr E.H. The Bolshevik Revolution, 1917-1923. L., 1950; Brown D. Doomsday 1917. The Distraction of Russia's Ruling Class. L., 1975 и др.

²⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 257.

²⁶ См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание... С. 318.

²⁷ См.: Шелохаев В.В. Судьба русского парламентария... С. 68-70.

²⁸ Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918. С. 58-61.

²⁹ См.: Бонч-Бруевич В.Д. Об убийстве Кокошкина и Шингарева // Каторга и ссылка. 1934. № 2. С. 54-55.

³⁰ Там же. С. 63.

³¹ Изгоев А.С. Пять лет в советской России... С. 25-26.

И.В. Иноземцев

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1906-1915 гг.

Воронежская губерния в начале XX века представляла собой аграрный регион со слабой промышленностью, неразвитой системой транспортных коммуникаций, низким уровнем урбанизации, слабой социальной мобильностью, плачевным состоянием материального обеспечения крестьянского населения. При этом, по признанию многих историков, главной чертой периода был демографический взрыв, который неоднозначно сказался на состоянии экономического потенциала региона, главной составляющей которого была крестьянская экономика (относительная численность крестьян достигала 93%¹. Обострились проблемы оскудения деревни. Их проявлениями стали сокращение земельного обеспечения крестьян, ухудшение способности крестьянского хозяйства к достаточному экономическому воспроизводству, консервация архаичного состояния сельскохозяйственных орудий (особенно крестьянских), сохранение низкой урожайности основных возделываемых культур и многое другое. Следует учесть и фактор активности общины, чья энергия

была направлена на деструкцию (лозунг “отнять и разделить”, так или иначе, вошел в программу всех революционных движений)².

Правительство П.А. Столыпина предприняло серьезную попытку по выводу страны из кризисного состояния. Эти преобразования были продолжением Великих реформ 60-70-х годов, “второй модернизацией”, как отмечал Б.Н. Миронов³. Воронежская губерния представляла собой широкое поле для деятельности реформаторов. Поэтому представляется интересным, какие изменения произошли в системе аграрных отношений, какова была динамика демографических, урбанизационных процессов, какие формы приняло решение проблем, связанных с раскрестьяниванием, приняли ли сдвиги в сфере внедрения начального образования качественный характер, повысился ли уровень жизни средней крестьянской семьи, решалась ли, в конечном счете, задача модернизации на региональном уровне.

Как было указано выше, важным фактором, воздействующим на все стороны развития Воронежского региона, да и всей России, был быстрый рост населения. Если в 1898 году в Воронежской губернии по данным земских статистиков проживало 2 766 947 человек, то всего через пятнадцать лет уже 3 610 526⁴, т.е. примерно на 0,85 миллиона больше.

Качественных сдвигов в процессе урбанизации в Воронежской губернии не произошло. Не было структурных изменений и в хозяйственном распределении населения. Иными словами, не прослеживается перехода значительного числа сельского населения к занятию промышленностью или другим формам экономической деятельности. Если в 1898 году на всех «фабриках, заводах, промышленных заведениях», которых насчитывалось 5 405, работало 16 050 человек, то в 1912 году 22 630 рабочих было занято на 6 074 промышленных заведениях различного уровня. Это было связано в основном с естественным приростом населения (40% роста численности занятых в сфере промышленности почти полностью покрывается 30%-м приростом населения).

Следует констатировать тот факт, что демографический взрыв не способствовал переходу населения в Воронежской губернии к модели высокой социальной мобильности. Сохранение примерно одинаковой численности сословий дворянства (13-14 тысяч человек), духовенства (15-16 тысяч), незначительный численный рост торговых слоев (купцов в 1898-1906 на 1000 человек, т.е. на 27%), в среде мещанства и “цеховых” рабочих (с 81 092 до 91 352 человек за тот же период) и, особенно, бурный демографический рост крестьянства (с 2 362 673 до 2 838 588 человек) при явно небольших городских центрах губернии (в 1912 году в городах проживало всего 162 986 человек, т.е. всего 4,5% населения) свидетельствуют о низкой социальной мобильности⁵. С течением времени это ста-

новилось серьезной проблемой, т.к. низкая социальная мобильность препятствовала конструктивному решению проблемы раскрестьянивания.

Необходимо принять в расчет, что для обработки 12 десятин земли при уровне техники того времени было достаточно физических возможностей одного трудоспособного мужчины и одной трудоспособной женщины⁶. Поэтому при 3,7 дес. удобной земли в Воронежской губернии необходимо считать удовлетворительным наличие 616 тысяч крестьян. Следовательно, аграрное перенаселение к 1914 году составило (дети, старики, другие нетрудоспособные и занятые в сфере торговли и ремесла, численность которых достигала 40%, не учитывались в расчете) более 1 700 тыс. человек, т.е. около 60%.

К одной из важнейших задач аграрного реформирования следует отнести формирование в среде крестьянства значительного количества собственников земли. Они, как полагали столыпинские реформаторы, могли бы стать опорой обновленного режима. Для Воронежской губернии результаты укрепления земли в собственность выглядят следующим образом: всего на 1 февраля 1915 года из общины вышло 78 630 (20,1%) домохозяев на площади в 461 тыс. десятин (для сравнения в соседних губерниях, в Курской – 43%, Орловской – 39%, Тамбовской – 24%)⁷. При этих явно небольших пропорциях необходимо еще учесть 24 тыс. (23%) тех, которые продали землю (это почти 94 тыс. дес.). Обратим также внимание на то, что из оставшейся части укрепивших землю лишь для 35 044 домохозяев землеустройство достигло своей цели: выдел произошел на отруба и хутора, поэтому только 9% крестьян Воронежской губернии в принципе могут быть отнесены к так называемому “консервативному слою”⁸. Впрочем, земельное обеспечение этой группы крестьян их положению “облагодетельствованных реформой” – 11 дес. к 8 дес. в среднем по губернии (опять таки для сравнения приведем данные соседей: Орловская губерния – 10,7 дес., Тамбовская – 10 дес., Курская – 7,2)⁹.

Эти цифры весьма показательны. Они могут свидетельствовать о том, что столыпинским законодательством была охвачена относительно небольшая группа крестьянского населения. Однако существует и другая сторона рассматриваемой проблемы: подверглось ли сельское хозяйство интенсификации в значительных размерах или оно осталось по-прежнему экстенсивным? Для прояснения этого вопроса приведем следующие факты: с 1912 года отрубники и хуторяне начинают активно применять сложные сельскохозяйственные машины (сеялки, веялки, молотилки). Всего за два года стоимость инвентаря и семян, проданных только земскими сельскохозяйственными складами, выросла с 260 до 384 тыс. руб., и с 27 до 55 тыс. руб. соответственно; а в 1914 году совокупность доходов этих складов достигла 600 тыс. руб. В дополнение к земским складам

продажей сельскохозяйственных машин занимались кредитные товарищества. За 1907-1912 годы ими было реализовано 8 182 единицы, а за 1913-1915 – почти вдвое больше¹⁰. Все это не могло не сказаться на состоянии аграрного сектора экономики. Если к этому добавить, что машины, изготовленные по лицензиям иностранных фирм стали использовать не только хуторяне или отрубники, но и некоторые общинники, обычно из богатых, то становится очевидной тенденция на закрепление линии правительства на усиленную интенсификацию сельского хозяйства.

К позитивным тенденциям в области крестьянского землепользования можно отнести и подъем как валового сбора, так и урожайности основных сельскохозяйственных культур, возделываемых на крестьянских полях. Сравнив итоговые показатели трех десятилетий (1884-1894 гг.; 1895-1905 гг.; 1906-1915 гг.), мы пришли к следующим выводам. Важнейший показатель эффективности сельского хозяйства – урожайность – заметно вырос. По озимым (рожь, пшеница) – на 40% и 25% соответственно (пшеница с сам-4,4 в 1884-1905 годах до сам-5,5 в 1911-1915, рожь с сам-5 до сам-7 в те же годы). Данные по картофелю тоже показывают объективный рост 1907-1915 годы относительно 1884-1905: на 13% по размерам посевной площади (с 54,5 тыс. дес. до 67,4 тыс. дес.), на 12% по урожайности (с сам-5,2 до сам-5,8) и на 185% по сборам (с 15 млн. пуд. до 27 млн. пуд.). Данные по торгово-промышленным культурам только дополняют ощущение общего подъема сельского хозяйства (особенно по подсолнуху, свекле).

Народному образованию, как одному из главных инструментов формирования в обществе гражданственности, а значит и порядка, столыпинское правительство уделяло большое внимание. Динамика его распространения в изучаемый период представлена в Таблице 1:

Таблица 1*
Распространение образования в 1897-1913 гг.

	Учебных заведений	Число учащихся (тыс.)	% учащихся к населению	Прирост относительно предыдущего года (%)
1897-1905	1736	114,4	4	6,5
1906-1914	2193	162,9	5,5	7,9

При сохранении средних темпов распространения начального образования среди населения Воронежской губернии, особенно крестьянства,

* Таблицы №1-4 составлены по Памятным книжкам Воронежской губернии за 1899–1915 гг.

процент обучающихся в регионе к 1924 мог бы составить 11,8, а общее количество грамотных не менее 68,6%.

Вкратце охарактеризуем еще одну составляющую политики правительства П.А. Столыпина в деревне – переселенческое движение. За 1905-1915 годы из губернии в Азиатскую часть России выехало 166 625 человек, что почти в четыре раза выше уровня предыдущего десятилетия (46.439 человек)¹¹. Из них на Воронежскую землю вернулось 47 855 (28,7%) крестьян, и поэтому количество окончательно убывших составило 118 800 человек (причем 6 тыс. из них были владельцами 1/3 проданной укрепленной земли). Такие показатели были высоки даже для активного в переселенческом движении ЦЧР (Орловская губ. – 103 722, Тамбовская – 106 212, Курская – 165 378 чел., не считая возвратившихся)¹². Все эти данные приводятся в силу необходимости соотнести масштабы усилий по стимулированию “разрядки” земельного голода в Центральной России, и особенно в Воронежской губернии, и полученные результаты. Несмотря на то, что 120 тыс. чел. покинуло губернию, естественный прирост далеко покрыл убыль населения. Если в 1905 году на Воронежской земле жило 3 024 тыс. чел., то в 1917 году – уже 3 776 тыс. (или на 25% больше). Поэтому проблема земельного голода для тех крестьян, которые вели свое хозяйство экстенсивными методами (а их было, как мы знаем, до 90%), все более обострялась. Если в 1877 году на одно крестьянское хозяйство приходилось 12,7 дес., в 1905 – 9,5, то в 1915 – уже менее 8 дес¹³. А этот факт говорит о явном провале планов реформаторов.

Также отметим, что Воронежская губерния, имея свои особенности, развивалась все же в стезе общих для всей России тенденций. Следует повторить, что все рассмотренные выше параметры имели как положительные, так и отрицательные стороны. Так, например, появление слоя крестьян-собственников земли (в Воронежской губернии – 20%, по 47 губерниям Центральной России – 25%) могло служить укреплению режима и политической стабильности в стране в целом. Но небольшой охват землеустройством крестьянского населения мешал этому.

Среди важнейших причин указанного положения в Воронежской губернии нужно отметить весьма низкую стартовую площадку: 98,6% крестьян находилось на общинном праве, тогда как в Тамбовской губернии их было 97%, в Орловской – 89,8%, а в Курской – 69,8%¹⁴. Несмотря на указанные выше темпы внедрения сельхоз машин и усовершенствованного инвентаря, к 1914 году основная масса крестьянства по-прежнему пользовалась архаичными орудиями труда. Внедрение же современной техники происходило на владельческих и хуторских полях, да и то далеко не везде. Даже произошедший подъем урожайности и особенно валового сбора основных культур следует воспринимать условно. Если взять толь-

ко данные по пшенице, то на уровне России Воронежская губерния смотрелась весьма достойно (53 пудов с дес. в среднем по Центральной России, 57 пудов с дес. по Воронежской губернии), однако в сравнении с европейскими странами она оставалась далеко позади (Австрия – 85, Германия – 130, Англия – 149¹⁵).

И все же именно во время Столыпина в аграрный сектор впервые стали вкладывать значительные средства: на примере Воронежской губернии можно представить размеры кредитования хуторян, отрубников и общин Крестьянским поземельным банком и частными предпринимателями, кредитными товариществами (1906 год – 1.552 тыс. руб. ссуд Крестьянского банка; 1906-1916 годы – 2,9 млн. руб. сумма ссуд кредитных товариществ для 70,4 тыс. домохозяев)¹⁶. Этот примечательный факт может доказывать следующий тезис: общее направление реформирования деревни было выбрано правильно.

В подтверждение этого приведем следующий факт: около 40% крестьян (133 тыс. из 378 тыс. домохозяев) Воронежской губернии изъявили желание хозяйствовать по-новому, то есть освободиться из под ярма мелочной опеки общины, но из-за многих обстоятельств, препятствующих это сделать, лишь 58% из них достигли определенного экономического успеха.

Следует проследить, насколько устойчивой была столыпинская модернизация. Рассмотрим вкратце несколько параметров экономической состоятельности крестьян. Очевидно, платежеспособность населения, а значит, и его экономическая состоятельность напрямую связаны с торговлей. При изучении динамики торговых операций в Воронежской губернии особую значимость приобретает рассмотрение ярмарочной торговли. Вот каковы итоги проведенного анализа ее динамики ярмарочной торговли за указанные ниже периоды (см. Таблицу 2).

Таблица 2
Ярмарочная торговля в 1897-1913 гг.

	1897-1905	1906-1913	Рост в % относительно 1897-1905
Число ярмарок	570	717	25,8%
Привезено товара (млн. руб.)	15	16,1	7,3 %
Продано товара (млн. руб.)	5,75	7,3	26,8%

Очень важными являются показатели развития скотоводства. Это связано с тем, что в то время животноводство считалось более продуктив-

ным, чем земледелие, т.к. позволяло при меньших трудовых затратах обеспечить население необходимым калорийным рационом (см. Таблицу 3).

Таблица 3
Поголовье скота в 1897-1913 гг.

	1897-1905	1906-1913	Рост в % относительно 1897-1905
Голов скота (тыс.)	3 415	2 724	- 22,4%

Сокращение поголовья скота, видимо, было связано с последствиями революции 1905-1907 гг. и перестройкой хозяйств выделенцев на новый лад на начальном этапе проведения аграрной реформы.

В течение 1906-1915 гг. прослеживается устойчивый рост как излишков хлеба в крестьянских хозяйствах, так и его запасов в магазинах, о чем свидетельствует Таблица 4.

Таблица 4
Хлебные запасы в 1897-1913 гг.

	Излишек (млн. п.)	Запасы (млн. п.)	Наличность в магазинах (млн. п.)
1897-1905	41,7	8,73	0,676
1906-1913	49,4	9,68	0,724

Учитывая приведенные выше данные, отметим некоторое повышение уровня жизни средней крестьянской семьи. Очевидно, столыпинская модель модернизации носила относительно мягкие формы (конечно, если сравнивать с петровской или сталинской типами модернизаций). Впрочем, появление социально ущемленных слоев деревни (общинники, неудачливые выделенцы) почти нивелировало успехи реформаторов по стабилизации положения в России, и в том числе в Воронежской губернии

Таким образом, статистические данные, цифры и другие сведения дают основания говорить о том что, *во-первых*, демографический взрыв слабо и скорее отрицательно сказывался на экономическом и социальном развитии деревни; а значительных изменений в социальной структуре общества в этот период не произошло; *во-вторых*, изменения в экономическом и социальном развитии региона 1906-1915 гг. были существенными, но не качественными; *в-третьих* модернизация в предвоенные годы была связана с некоторым повышением благосостояния населения

губернии *в-четвертых*, столыпинская реформа в Воронежской губернии стремилась создать условия для конструктивного решения задач урбанизации, оптимизации численности населения, занятого в аграрном секторе экономики, освобождения большей части населения для перехода его в другие сферы хозяйственной деятельности (промышленность, ремесло, торговля, сфера обслуживания); и, наконец, *в-пятых*, ускорение модернизации требовало качественно новой политической системы или последовательной трансформации старой.

¹ Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа // История СССР. 1991. №2. С. 52-72; Филд Д. Расслоение в русской крестьянской общине: статистическое исследование // Россия и США на рубеже XIX - XX вв. М., 1992. С. 323-348; Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России 1861-1914 // Отечественная история. 1996. №2. С. 28-54.

² Проблема русской общины затронута практически во всех работах, посвященных периоду. Отметим следующие работы: Кауфман А.А. Сборник статей: Община. Переселение. Статистика. СПб., 1906. 192 с.; Его же. Аграрный вопрос в России. М., 1907. 167 с.; Першин П.Н. Земельное устройство дореволюционной деревни. Воронеж, 1928. Т.1. 470 с.; Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. 753 с.; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. М., 1992. 394 с.; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империализма. СПб., 2000. С.424-487.

³ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 487.

⁴ Данные приводятся по Памятным книжкам Воронежской губернии за 1900-1915 гг.

⁵ Посчитано нами по Памятным книжкам Воронежской губернии за 1899-1914 гг.

⁶ Иванов А.А. Аграрное перенаселение в Центрально-Черноземном регионе России начала XX века и его последствия // Проблема исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 114-117.

⁷ Гульцев Н.Н. Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Л., 1952. С. 162.

⁸ Першин П.Н. Землеустройство и агрономия. Воронеж, 1928. С. 11-12.

⁹ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1910-1913 гг. Воронеж, 1916. С. 22-23.

¹⁰ Отчеты о деятельности правительственной агрономической организации за 1912-1913 гг. Воронеж, 1914. С.126-129; Отчеты о деятельности правительственной агрономической организации за 1914. Воронеж, 1915. С. 156-159.

¹¹ Население и хозяйство Воронежской губернии. Сводный статистический сборник. Воронеж, 1928. С. 10-13.

¹² Хозяйственные районы Российской империи / под ред. Скворцова Н.В. СПб., 1913. Вып. 2. С. 293.

¹³ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Статистические материалы подворной переписи по губернии. Воронеж, 1897. С. 22-24; Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1906. Вып.5. Воронежская губерния. С. 58.

¹⁴ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 102.

¹⁵ Дубровский С.М. Сельское хозяйство в империалистический период дореволюционной России. М., 1967. С. 87.

¹⁶ Гульцев Н.Н. Указ. соч. С. 193-195.

А.В. Колмаков

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И БАЛТИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Данная статья ставит своей целью анализ ситуации, связанной со вступлением трех бывших союзных республик — Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО. Актуальность изучения данной проблемы не вызывает сомнений. Она обусловлена, прежде всего, изменением положения России в пост-советском пространстве, а также необходимостью выработки адекватных реакций со стороны Российской Федерации по отношению к новым политическим вызовам конца XX — начала XXI вв.

Говорить о государственной независимости (о смене статуса) Латвии, Литвы и Эстонии можно, начиная с последних месяцев 1991 года, а конкретно — с 26 декабря 1991 года, когда прекратил свое существование СССР. Государства Балтии вышли из-под управления союзного центра в административном и экономическом плане. Однако, разделяя с Россией одно геополитическое пространство, они уже тогда были обречены на решение совместных с Россией государственно-правовых, экономических, социальных и других проблем. К сожалению, укрепление государственности стран Балтии по своему содержанию стало своеобразным аналогом пресловутой «советизации» 1940-41 и 1946-54 годов, но уже с национальным оттенком. Демократические институты стран Балтии, столь ярко проявившие себя в «поющей революции» конца 80-х гг., приняли устойчивый крен в сторону этнократий, практически во всем ориентированных на Запад. Комплекс проблем, заслуживающих в этой ситуации самого пристального внимания со стороны российских политологов и дипломатов, как представляется, включает в себя следующие конкретные вопросы:

1. Положение русскоязычного населения в странах Балтии. Этническая политика Латвии, Литвы и Эстонии в 1991-99 годах.
2. Территориальные споры. Правовая база мирных договоров 1920-х годов.
3. Проблема российского транзита через страны Балтии. Оценка его важности для экономики России и прибалтийских стран.
4. Вступление стран Балтии в НАТО, а также Калининградская область и ее особый статус в регионе Балтийского моря.

К сожалению, следует отметить, что в силу целого ряда вышеупомянутых причин ни по одному из этих вопросов, за исключением второго, дипломатия России не достигла весомых успехов. Несмотря на достаточ-

но непростую политическую ситуацию для России на Балтике, на данный момент денежные поступления от транзита российских товаров через территории Латвии и Эстонии составляют соответственно 42 и 36% бюджета этих государств, в то время как правящие элиты двух стран зачастую практикуют откровенно недружественные заявления и действия в адрес России, заявляя при этом Западу, что именно она является для стран Балтии потенциальным врагом на востоке.

Одной из основных причин, по которой Россия не может выработать необходимый подход по вопросу вступления Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО, является явное непонимание причин возникновения подобного желания у прибалтов. Их вступление в НАТО неприемлемо для РФ, но в связи с этим надо четко представлять причины, заставляющие политиков Латвии, Литвы и Эстонии мыслить именно так, а не иначе. Необходимо также представлять, какую цену НАТО, как военная организация, готова заплатить за принятие прибалтов в свои ряды, какие факторы могут вынудить главную экономическую и военную составляющую альянса — США, ответить на этот вопрос положительно.

В связи с этим представляется целесообразным выделить следующие факторы, которые являются составляющими общей тенденции движения стран Балтии в НАТО.

Во-первых, пристальное изучение истории региона, населяющих его этносов и их культурных традиций позволяет сказать, что латыши, литовцы и эстонцы всегда были чем-то наподобие буфера, или, вернее сказать, «буферной зоны». Существовая на стыке цивилизаций, при этом явно культурно и экономически тяготея к западной, три этноса зачастую оказывались между «молотом и наковальней» истории. Территория их проживания стала ареной столкновений средневековой Руси, впоследствии России и целого ряда европейских государств.

Во многом благодаря этому постоянно шло взаимопроникновение в сфере культуры. В летописях и хрониках XIII – XVI вв. можно встретить упоминания о том, что русский язык занимал в Великом княжестве Литовском положение наряду с литовским, и что южная часть Латвии была одной из областей Прибалтики, где наиболее широко было распространено православие. Постоянная смена имени современного эстонского города Тарту с Дерпта на Юрьев и обратно говорит о том, что именно здесь шло столкновение цивилизаций и их борьба, шедшая с переменным успехом на «нейтральной территории».

Историко-культурное наследие Великого княжества Литовского было, во многом, сформировано благодаря влиянию католической Польши и включению в состав княжества западнорусских земель. Если внимательно изучать эпос трех стран, то мы найдем очень много сюжетов, где ге-

рои, закладывающие основы будущей государственности и культуры, стремятся утвердить их на пути движения других народов, соприкосновение с которыми означало скорее борьбу не на жизнь, а на смерть, чем добровольную ассимиляцию. Таким образом, национальный характер, национальное самосознание и другие ценности, присущие лишь этим трем этносам, вынуждены были не просто развиваться под давлением внешних сил, а доказывать свое право на существование. Не случайно именно в странах Балтии можно наблюдать чрезвычайно внимательное и трепетное отношение ко всему «своему», национальному, стремление к своеобразной «самости» и принимающий иногда невообразимые размеры страх эту «самость» утратить, опять же под воздействием внешних сил.

Пребывая в составе Российской империи, три этноса были поставлены в довольно сложное положение, обусловленное двойным управлением ими как со стороны остзейского (немецкого) и польского дворянства, так и царской администрации. Именно отсутствие собственной знати (а это прослеживается по ходу истории) объясняет поздний национальный подъем трех этносов и их позднее формирование как наций.

Образование в 1920 г. новых независимых государств рассматривалось не только как простое обретение независимости, но и как победа в борьбе с захватчиками, ставившими своей задачей повторное завоевание государств Балтии. Здесь впервые можно говорить о «балтийском братстве», так неординарно проявившем себя во время «поющей революции» конца 80-х гг., когда три государства выступили единым фронтом, против общего врага — СССР, обладая при этом единой целью: закрепить за собой определенное политико-экономическое, географическое и культурное пространство. По словам Дж. Нурта, «1930-е годы будут помниться прибалтами даже больше, чем полвека спустя как краткий, но яркий момент. Это была целая эра, в которой они были нациями»¹. Подобные высказывания лишний раз показывают, как дорог для прибалтов «первый период независимости».

Последовавшая в 1940-е гг. аннексия стран Балтии, безусловно, имела свои резоны с точки зрения внешней политики предвоенного периода. Как отмечал Н.С. Хрущев, «тут и расширение территории, и рост населения и общее усиление СССР. Мы получили довольно длинную береговую границу на Балтике. Раньше у нас имелся только узкий вход в Финский залив, а теперь существует настоящая морская граница. Кроме того, рассуждали мы тогда, территория Латвии, Литвы и Эстонии, если разрастется «большая война», стала бы плацдармом для иностранных войск»². Это высказывание не лишено смысла и сейчас, особенно если страны Балтии все-таки войдут в НАТО.

К сожалению, методы «добровольного присоединения» оставляли желать лучшего (при том, что юридическая сторона вопроса — «народное» волеизъявление от 21-22 июля 1940 г. трех парламентов — была в порядке): массовые депортации, усиленная и ускоренная русификация, преследование инакомыслия, разрушение важной экономической составляющей стран Балтии путем уничтожения единоличных крестьянских хозяйств. За этим последовала необходимая, но далеко не безболезненная индустриализация региона вкупе с постепенным уменьшением доли коренного населения (по разным данным, процент коренного населения в Латвии на 1989 г составлял 52,5-54%, в Эстонии — 60-61,5%, в Литве — 79,6-80%)³. Все это привело к тому, что в общественном сознании понятие «русский», «Россия» воспринимаются как нечто, могущее иметь образ врага и наверняка имеющее негативную окраску. Как отмечает А. Буза, «даже если официальные лица Российской Федерации заявляют о военной слабости своей страны и утверждают, что не имеют намерения атаковать страны Балтии, как могут быть латыши уверены, что однажды Россия не изменит свою позицию, особенно в случае установления в ней авторитарного режима»?⁴

Правящие элиты стран Балтии составляют политики, сформировавшиеся именно в первый период независимости. После выхода из СССР они заработали политический капитал на откровенно антироссийском курсе внутренней и внешней политики. Этот слой людей является движущей политической силой Латвии, Литвы и Эстонии в вопросе вступления этих стран в военную организацию альянса. По их мнению, совершенно недопустимо, чтобы Латвия, Литва и Эстония были нейтральными государствами. С их точки зрения, только Запад может и должен выступить гарантом их безопасности через принятие их в НАТО. Стоит упомянуть и долго находившееся под гнетом национальное самосознание латышей, литовцев и эстонцев. Стремление показать свою уникальность по отношению к России еще долго будет превалировать во многих политических действиях стран Балтии.

Во-вторых, в сфере экономики Латвия, Литва и Эстония рассчитывают на скорейшее вступление в Европейский Союз, что, по их мнению, существенно поднимет жизненный уровень населения в целом, обеспечит приток в страну западных инвестиций и окончательно переориентирует экономические системы трех стран на Запад. Кроме этого, вступление в ЕС предусматривает включение стран Балтии в так называемую «мягкую» систему безопасности, страхующую, по мнению прибалтов, их страны от возможных экономических и финансовых кризисов в России.

В настоящее время в странах Балтии на государственном и других уровнях проводится кампания по разъяснению населению «видимых»

выгод от вступления в Европейский союз. Зачастую это приносит прямо противоположные плоды. Например, в Эстонии население «русской» части страны, менее всего адаптировавшееся к условиям жизни после распада СССР, выступает за вступление в Европейский Союз, в то время как часть населения южной, юго-западной и западной Эстонии, занятая в с\х секторе, производстве иных товаров и услуг утверждает обратное, ссылаясь на возможное повышение цен, наводнение потребительского рынка более дешевыми импортными товарами, повышение тарифов на коммунальные услуги и возможную безработицу.

При этом упоминаются государственные затраты, т.е. деньги налогоплательщиков, которые будут истрачены на создание необходимой инфраструктуры, переоснащение производства, переподготовку кадров. Таким образом, если затраты можно выразить во вполне конкретных цифрах и представить, как именно они повлияют на социальную и экономическую сферы жизни общества, то плюсы от вступления в ЕС выглядят несколько туманно.

Немаловажную роль для трех стран играет позиция фермеров, важнейшей экономической составляющей стран Балтии. Она состоит в том, что в случае вхождения в ЕС фермеры Латвии, Литвы и Эстонии не выдержат прямой конкуренции со своими европейскими коллегами и не смогут предложить свои товары на рынки РФ по причине неразвитости экономических связей, крайне невыгодного налогообложения (в 1998 году ставка было повышена в 2,8 раза) на ввоз продукции из-за рубежа и экономических санкций. Таким образом, произойдет сокращение обрабатываемой площади земель, отход от привычных форм хозяйствования, в результате чего возможно исчезновение прибалтийских фермеров как класса.

Вступление стран Балтии в ЕС выгодно, прежде всего, ведущим политическим и финансовым кругам этих стран. Здесь преследуются не только экономические цели. Членство в ЕС автоматически сделает Латвию, Литву и Эстонию частью не только европейского экономического, но и политического пространства.

Таким образом, любой шаг России, направленный, по мнению прибалтов, против их стран, будет и шагом против европейского экономического пространства, которое тогда, несомненно, будет нуждаться в защите. Здесь важно заметить, что в данном случае стратегия некоторых членов НАТО совпадает с этими высказываниями. По их мнению, вступление в ЕС должно стабилизировать эти страны в экономическом плане, снизить социальную напряженность и подготовить общественное мнение Европы к тому, чтобы окончательно интегрировать эти государства в систему европейской экономики и европейские военные структуры.

Другой способ, предложенный западными аналитиками и имеющей своей целью вхождение в НАТО, также довольно интересен. Согласно ему, прибалты должны вступить в ЕС и добиться частичного членства в WEU (Western European Union), в уставе которой есть статья, позволяющая оказывать военную помощь в случае военной агрессии в отношении государства, являющегося членом этой организации⁵. Учитывая сходство этой статьи с аналогичной в уставе НАТО и тесные связи двух организаций, можно говорить о своеобразной попытке решить данную проблему в обход российских интересов, так сказать с «черного хода».

Экономическая (а с ней и последующая военная) интеграция прибалтов довольно активно поддерживается рядом европейских стран. Эстония постепенно становится чем-то вроде южной Финляндии. Туда идет большой приток финских товаров, инвестиций, туристов. Финляндия предлагает Эстонии свою собственную модель экономического развития, в то время как в области военного сотрудничества первую скрипку стремится играть Дания.

Что касается Латвии, то она экономически тяготеет к Германии. Инвестиции, туризм и торговля через балтийские порты представляют для немцев определенный интерес. Имеется соответствующая программа Neue Hansa, ставящая своей целью более глубокое вовлечение стран Балтии в орбиту внешней торговли Германии. В свою очередь Литва, углубляет свои традиционно сильные связи с Польшей и, опираясь на значительную поддержку своей диаспоры, проживающей в США, получает, таким образом, возможность прямого государственного инвестирования из-за рубежа.

В-третьих, одним из главных факторов, в котором страны Балтии усматривают угрозу своей государственности, является русскоязычное население, оказавшееся на территории этих стран в основном из-за индустриализации региона, миграции населения и ротации кадров бывшего **ПРИБОВО**. Согласно переписи населения, в 1989 году в Эстонии проживало 1 565 662 человека (1 126 900 в городах). 61,5% (963 269) составляли эстонцы. Численность русских составляла 30,3% (474 815). В основном русские составляли число жителей Таллинна (53,2%), северо-восточной и юго-восточной Эстонии. К 1994 году по причине проведения откровенно антирусской этнической политики, направленной на постепенное вытеснение русскоязычного населения в Россию, численность русских в Прибалтике несколько сократилась. Среди оставшихся в Эстонии насчитывается около 11 000 тыс. бывших кадровых военных Советской армии и около 30 000 их родственников. По мнению западных политологов, «значительная по величине община русских в Эстонии может представлять собой в недалеком будущем угрозу эстонской государственности»⁶.

Население Латвии составляет 2 680 000 (71% в городах). Численность собственно латышей — 52% (1 388 000 человек), а число русских не превышает 34% (906 000). Районами их проживания являются Рига, район Даугавпилса и Латгалия. На момент распада СССР в Латвии проживало около 60 000 бывших и действующих офицеров Советской армии.

В отличие от Эстонии и Латвии, Литва может быть названа этнически однородным государством. Численность ее населения равна 3 670 000 (68% в городах). Литовцы и русские составляют 81% (3 000 000) и 9,2% (340 000) соответственно от общей численности населения. Причина такой этнической однородности заключается в том, что регион в 1960-70 гг. не был так широко подвергнут процессам индустриализации, как Латвия и Эстония.

Наличие больших русских общин воспринимается властями стран Балтии как своеобразная козырная карта, которую они периодически разыгрывают на переговорах с Западом. По их мнению, в случае вторжения российских войск многие из русских, особенно бывшие кадровые военные, способны составить «пятую колонну» и тем самым облегчить захват Прибалтики. Например, простые представители русскоязычного населения могут рассчитывать на получение гражданства («Закон о гражданстве Латвии» ред. 1994 года, «Закон о гражданстве Эстонии», ред. 1992 г.), но бывшие военнослужащие и члены их семей не могут претендовать на получение гражданства ни в коем случае. Подобным образом нарушается ряд положений международного права, где не упоминается о возможности выделения бывших кадровых военных (не «военных пенсионеров») в отдельную социальную группу.

Действительно, среди русских, живущих в Прибалтике, самый большой процент безработных, высока степень маргинализации и как следствие — озлобленности на нынешние политические режимы, в чем во многом в этом виноваты сами представители властных институтов стран Балтии. Как отметил А. Буза, «так как Латвия на данный момент считает Россию своим единственным потенциальным врагом, то условия безопасности Латвии не могут обсуждаться без учета контекста латвийско-российских отношений ... одним из способов причинения Россией вреда государственной безопасности Латвии может быть подъем этнических русских на восстание против политической системы Латвии»⁷.

Иными словами, учитывая сложную этнополитическую ситуацию в странах Балтии, могущую перерасти в ряде случаев в национальный конфликт, Западу необходимо осуществить принятие Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО, дав им, таким образом, гарантии их территориальной целостности и нерушимости демократическо-этнократических институтов этих стран.

Итак, перспективы вступления стран Балтии в НАТО вполне отчетливы и определены. Они подкрепляются историческими условиями развития этого региона, этнополитической ситуацией, геополитическим положением, а также уровнем экономического развития. Какие выводы может сделать Россия как государство, претендующее на роль одной из определяющих сил на европейской и мировой арене, в связи с наличием подобной тенденции? Начиная с 1991 г. и почти до настоящего времени внешняя политика России страдала серьезным изъяном: в ней отсутствовали сформулированные должным образом интересы государства. Так называемый «лейтмотив супердержавы» был явно утерян, а создание принципиально новых ориентиров, и, как следствие, выработка государственных интересов Российской Федерации откладывалось на будущее в силу определенных внутривнутриполитических факторов, неспособности или неумения российского политического истеблишмента вовремя адаптироваться к происходящему и переменам, боязнью обвинений в пресловутом «имперском мышлении» и ряда других причин.

Для того, чтобы успешно решать геополитические вопросы применительно к странам Балтии, необходимо соблюсти ряд условий, вытекающих из контекста данной проблемы. Прежде всего, следует обрести четкое, адекватное понимание сущности происходящих процессов, их движущих сил и причин, обуславливающих их появление. Слабость современной российской позиции может быть преодолена выработкой ясно сформулированного (хотя бы на обозримую перспективу) понятия государственного интереса. Это, в свою очередь позволило бы выработать стратегию и тактику действий в отношении данного геополитического вызова. Наконец, речь идет и о том, чтобы создать действенный механизм перевода данной стратегии и тактики в практические действия.

Для успешного решения подобной проблемы было бы предпочтительно добиться изменения способа их понимания и осмысления, что предполагает отказ от применения устаревших понятий и категорий. Их доминирование в сознании, как правило, дает абсолютно неверное понимание происходящего и лишает возможности получить достоверное представление о ряде аспектов данной проблемы. На сложности подобной трансформации в свое время указывал К. Манхейм: «Даже постепенное изменение в способе мышления (если оно все-таки возникает) не осознается членами группы, пребывающей в стабильной ситуации, пока процесс адаптации мышления идет несколько поколений. В подобном случае одно поколение на протяжении своей жизни едва замечает, что происходит изменение»⁸.

¹ Nurth J. To sing a different Song // Journal of International Affairs. 1999. Summer. P. 81.

² Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1996. С. 99.

³ Kirch A. Russians in the Baltic States // Journal of Baltic Studies. 1997. № 2. P. 174.

⁴ Busa A. The Nationalities Issue // Baltic Studies Newsletter. 1999. September. № 91. P. 4.

⁵ Asmus R., Nuric C.R. NATO Enlargement and the Baltic States. London, 1998. P. 134.

⁶ Volumes of Finnish Defense College. 1994. P. 142.

⁷ Busa A. Op. cit. P. 5.

⁸ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 12.

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

М.В. Кирчанов

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ: СУЩНОСТЬ, ТИПОЛОГИЯ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Под религиозным экспансионизмом следует понимать расширение сферы господства или влияния определенной религиозной конфессии мирными (просветительская деятельность миссий, бесплатное распространение литературы пропагандистского характера) или агрессивными (насильственное обращение, разрушение храмов и других культовых сооружений) методами¹.

В данной статье мы рассмотрим религиозный экспансионизм Римско-католической Церкви. Отметим, что это явление получило достаточное изучение в отечественной исторической науке. В связи с этим мы можем упомянуть работы таких исследователей, как Н.А. Ковальский, Я.Н. Мараш, К. Койта, Е.С. Прокошина, И.Ф. Макарова, Ю. Куракин, Л.А. Софронова и многих других². Укажем, что большинство из них страдает одним недостатком. Им является – излишнее преобладание какой-либо идеологии – православной до 1917 года или атеистической до 1991 года. Их авторы демонстрируют либо излишнюю преданность православию и впадают в крайнюю критику католичества, разоблачая идеи «папистов», либо, руководствуясь мировоззрением «научного атеизма», критикуют католический экспансионизм в связи с его попытками помешать классовой борьбе или строительству социализма.

В целом историографию по этой тематике можно разделить на три группы: православно-традиционалистскую (Ф. Михайловский, Н. Лопухин), марксистскую (М. Шейнман, Н. Ковальский) и умеренную. Традиционалисты критикуют католический экспансионизм с православных позиций, смотря на него как на ересь, опасную и вредную, стремящуюся к уничтожению православной России – особенно это проявилось в сборнике «Папство и его борьба с православием». Историки умеренного направления сочетают в своих исследованиях критику католической анти-

православной экспансии с резкими выпадами в адрес сопутствующих ей, на их взгляд, капиталистических отношений.

Как видим, эти подходы далеки от научной объективности и не могут устраивать нас. Вот почему, нам не следует склоняться в сторону какого-либо из них. При этом не стоит игнорировать научные достижения наших предшественников вовсе. Поэтому, нами будет предпринята попытка дать краткий анализ сущности, проявлениям и тенденциям в развитии католического экспансионизма.

Во-первых, определим, что такое католический экспансионизм. Под ним, на наш взгляд, следует понимать идеологию римско-католической церкви, которая ставит своей целью распространение своего учения на традиционно некатолические районы Европы – на православные: Россию, Украину, Белоруссию, Румынию, Грецию и другие государства, путем создания в них массовых общин прозелитов, то есть новообращенных. Такая экспансия отличается тем, что ее носителями являются различные католические организации, например, «Международная конфедерация христианских профсоюзов», желающая «сделать учение христианства (католического образца) господствующим в мире», «Пакс Кристи», «Всемирный Союз Женских католических организаций», «Международная конфедерация мужчин – католиков», «Международная служба католического обучения» и другие³.

Во-вторых, религиозный экспансионизм католиков не является однородным феноменом. В его рамках возможно выделение четырех основных тенденций. Первая из них состоит в мировоззренческой экспансии, при которой предпринимается попытка навязать Восточным Церквам католическое богословие и римскую догматику. Одним из наиболее ярких представителей этого направления мы можем назвать французского богослова Анри де Любака – видного критика православия и автора таких книг как «Католичество. Социальные аспекты догмата» и ряда других работ по истории и богословию католичества⁴.

Вторая является особой формой экспансионизма, состоящей в исторической ревизии прошлого церкви. В ее рамках предпринимаются попытки доказать, что православные не имеют собственной истории, которая является на самом деле историей не православной церкви, а историей католической вселенской церкви. Одним из самых известных апологетов этой точки зрения является историк Ги Бедуелл, написавший «Историю Церкви», изданную в 1996 году на русском языке⁵.

Третья разновидность католического экспансионизма состоит в таком явлении, как распространение прокатолической литературы в православных странах. Она имеет две формы – бесплатную раздачу книг и брошюр католического толка на улицах православных городов (например, от

Туринской Епархии бесплатно распространялись «Чины Мессы»), и опубликование произведений католических идеологов на национальных языках православных народов и их всестороннее внедрение в читающую, интеллектуальную среду. В связи с этим архиепископ Тадеуш Кондрусевич, апостольский администратор католиков Европейской России, пишет: «невозможно представить возрождение Церкви без религиозной и литургической литературы». Именно под влиянием такого процесса в России наблюдается тенденция к увеличению численности католиков: если в СССР существовало 1066 католических общин, то в РФ их численность определить сложно, единых данных нет – отмечу, что лишь в Калининградской области действует более 20 групп⁶.

Четвертый род экспансионизма наиболее опасен. Он включает в себя навязывание католичества открытым путем через насилие, репрессии, массовый террор, преследование национальных культур, языков и традиций. Именно он изучен в отечественной исторической науке наиболее хорошо. Поэтому мы сосредоточим наше внимание на трех первых. Этот выбор объяснить достаточно просто. Во-первых, в настоящее время наблюдается тенденция к активизации трех первых проявлений экспансионизма, особенно на территории России, во-вторых, означенные выше работы А. де Любака и Г. Бедуелла практически не исследованы в отечественной исторической науке, в то время как на Западе им уделяется значительное внимание; в-третьих, сейчас Россия переживает рост интереса к истории религии, и поэтому данную статью следует рассматривать в рамках этого процесса.

После этого рассмотрим каждое из направлений религиозного экспансионизма отдельно. Начнем с первого. Как мы уже сказали, оно представлено Анри де Любаком. Пытаясь вести пропаганду католических идей, он развивал точку зрения, которая сводилась к тому, что человек не может получить спасения, если он не принадлежит к католической церкви, «защищающей природу и благородство человеческой натуры». Вот почему, он, желая повысить авторитет католической церкви среди православных, уверял, что она готова многое признать своим, т.к. является учением «не латинским, не греческим, а вселенским». Такое расширение церкви, «хваление ее на всех языках, собирание людей со всего света», было для Любака ее насущной потребностью – «попечением обо всем человечестве, обращением католического духа, на тех на ком его нет, дарованием им жизни божьей в немеркнущем свете». Католическая церковь Любака – это церковь, заботящаяся обо всем человечестве, «форма его облачения, чтобы стать самим собой». Соответствующей была его позиция по отношению к другим религиям: иудаизм – это учение, связанное с национализмом, не имеющее собственных корней, право-

славию – «нарушение единства Тела Христова», протестантизм – профанация свободы⁷.

Такие идеи Любака не есть результат лишь эволюции его мировоззрения. Их истоки мы можем найти и в более ранние периоды времени. Например, кардинал Перрон в 1620 году писал: «господь, вместо того чтобы вести нас к спасению различными путями, обязал заключить воедино пути нашего спасения». Фульгенций Руспийский утверждал, что «единство церкви говорит на всех языках». Арнольд Брешианский говорил, что «тело (т.е. католическая церковь) достигнет полной славы при единстве всех членов». Похожие мысли выражал даже А. Мицкевич, считавший, что именно католики в отличие от православных являются носителями истинной религиозности, которую они должны распространить и на другие народы⁸.

Отмечу, что подобная позиция де Любака и его предшественников получила достаточно широкое изучение в исторической науке: так, например, вполне применимо для нас мнение Ф. Михайловского, объяснявшего ее тем, что католицизм является проявлением многочисленных крайностей существующих на Западе. Протоиерей А. Рудаков мотивировал это тем, что западная церковь, на его взгляд, «все более и более отклонялась от духа древнего Православия как в учении веры, так и в церковных обрядах». Подобную мысль В.С. Соловьев комментировал так: «Рим имеет практический характер, стремясь к средствам достижения Царства Божиего на земле».

Это можно дополнить словами С. Булгакова о том, что на Западе господствует «утверждающая деятельность человека». Такие мысли есть, на наш взгляд, результат развития православной идеи о вреде и чуждости католиков. Ее элементы мы находим уже в XVI веке – «Господи Боже, туго христианем от проклети немци и латине» – такие слова есть в одном из болгарских источников. Объяснить эту позицию достаточно просто: присущий ей негативизм в отношении католиков есть результат того, что авторы принадлежали к православной среде, были связаны с Русской Православной Церковью, и как следствие выражали ее позицию, часто имеющую антикатолический характер⁹.

Вторая, уже определенная нами форма католического экспансионизма, это ревизия истории Церкви, проводимая католиками и симпатизирующими им кругами на Востоке. Среди католических мыслителей в этом преуспел Ги Бедуелл, посвятивший одну из своих монографий «двадцати векам истории Римской Церкви». Г. Бедуелл предпринял попытку доказать, что православные Церкви почти не имели своей собственной истории, а то что было есть лишь история Католической Церкви. Он пишет, что ряд православных Церквей на Ближнем Востоке на

протяжении всего их существования имел католическую природу и был «традиционно близок к Риму». Еще более радикальны его заявления в отношении истории Русской Православной Церкви. Г. Бедуелл предполагает, что «святой Дмитрий Ростовский и святой Тихон Задонский вдохновлялись католическим благочестием, а преподавание было проникнуто латинским духом». При этом симпатии автора на стороне тех православных, которые «отреклись от своих заблуждений и присоединились к Римской Церкви»¹⁰.

С Ги Бедуеллом солидарны и католические деятели в Восточной Европе, а именно – украинские униаты. Например, один из их идеологов И. Назарко еще в 1980-е г.г. пытался доказать, что в 988 году восточные славяне приняли католичество, после чего (в 1634 г.) католики признали Владимира святым. По мысли Н. Василенки-Полоньски, княгиня Ольга тоже была католичкой. Другие униатские авторы принимали и развивали эту идею: о католической природе украинцев писали Г. Удод, В. Липкивський, И. Слипый, Ю. Липа, П. Саварин, Р. Дражньовський, П. Биланюк – защитник «апостольской природы украинской церкви – наследницы папы Климента». Этому ими противопоставлялась православная Москва – «центр всемирного безбожия». Развивая свою идею, украинские католики заявляют, что «католическая праведность князя Владимира не может подвергаться сомнению, так как он до конца жизни стоял за единство католической церкви»¹¹.

Эти настроения имеют свои истоки в Ватикане, т.к. неоднократно высказывались папой римским. Например, понтифик Иоанн – Павел II в своих выступлениях часто касается этой темы, делая экспансионистские заявления. Им отстаивается необходимость «расширения горизонтов» католического влияния. Обосновывая эту мысль, он идет на искажение истории, утверждая, что Кирилл и Мефодий были католиками, потому что «апостолы Христа говорят на всех языках». «Русь крестили и католически», – констатирует папа римский. «Надо приобщить церковь к пониманию языков, которые странно звучат для уха»¹², – призывает он, указывая тем самым на необходимость обращения в католичество не католиков.

Подобные идеи неоднократно анализировались в отечественной исторической науке. С. Данеленко, П. Петляков, К. Е. Дмитрук и другие ученые рассматривали их, лишь в связи с украинским национализмом, критикуя их средство борьбы украинских националистов с восточно-славянским единством, как метод подчинения чуждой, политически, экономически и культурно, среде. На несколько иной позиции стоят украинские историки, (например, Орест Субтельный) утвер-

ждающие, что распространение католицизма сыграло положительную роль, способствуя складыванию «активной гражданской позиции». Эти различные мнения – результаты того, что исследователи стояли на разных политических платформах – советско-украинские ученые были марксистами, а взгляды О. Субтельного можно интерпретировать как умеренный национализм¹³.

Третий вид католической экспансии – это экспансия литературная, книжная, пропагандистская. Как мы отметили выше, она имеет две формы. Первая заключается в бесплатном распространении католической литературы (месс, молитвенников, небольших брошюр) в православной среде. Этим, например, занимаются представители различных католических духовных орденов и объединений, например, доминиканок. Последние достигли определенных успехов в этом направлении еще до 1917 года, несмотря на все существующие ограничения со стороны Русской Православной Церкви. Им, например, удалось опубликовать на русском языке в 1915 г. «Жизнь святого Доминика» А. Лакордера. Однако, развитие такого вида католического экспансионизма удалось пресечь, когда в 1923 г. уже советские власти в лице органов ГПУ провели аресты в среде русских католиков в Москве и Петрограде, конфисковав рукописные переводы католических памятников. После 1991 года католические миссии вновь получили возможность проникнуть в Россию, где ими предпринимается попытка расширить влияние католической церкви через создание общин новообращенных¹⁴.

Вторая состоит во внедрение в русскую читающую среду работ идеологов католичества – богословских трактатов, книг по истории Церкви, монографий о деятельности святых. Свое внимание на такой деятельности сосредоточили такие издательства как «Христианская Россия», «Истина и Жизнь» и некоторые другие. Переводимую ими и публикуемую на русском языке литературу можно разделить на пять групп: первую составляют монографии по теологии, вторую – по католическому варианту христологии, третью – по экклесиологии, четвертую – по католической социологии и экономике, пятую – по истории Католической Церкви. Среди вышедших на русском католических книг первое место принадлежит, безусловно, монографиям по богословию – опубликованы труды Ж. Рийса, Н. Фишера, Г. Беркеля, В. Кноха, Р. Шенка, Ф. Курта.

Кроме них, в 1990-е годы в нашей стране впервые на русском вышли исследования таких видных современных теоретиков католицизма, пишущих (или писавших) о роли Иисуса Христа (например, К. Шенборн), о месте Церкви (Б. Теста, М. Кунцлер, Д. Буржуа, Е. Корек-

ко) и ее социально-экономической роли (М. Новак, Т. Герр, Ю. Майка). Отдельно выходят и сочинения глав Католической Церкви, например, Иоанна – Павла II. Особенное внимание католические авторы уделяют публикациям на русском языке сочинений по истории Церкви – выходят обобщающие исследования и небольшие монографии по ее отдельным, основополагающим моментам – о жизни святых, о религиозных орденах и т.п.¹⁵ Большинство из таких книг увидели свет в рамках серии «АМАТЕКА». Она была основана католическими богословами, желающими распространить богословие среди мирян на основе творчества Анри де Любака – Иисус Христос – «ключ, средоточие и цель всей человеческой истории»¹⁶.

Таким образом, мы кратко рассмотрели три основных направления католического экспансионизма в современной России и на постсоветском пространстве. После этого мы можем обратиться к историографии, уделив внимание общим проблемам католического экспансионизма в освещении отечественных и зарубежных историков.

Историки ортодоксально – православного толка стоят на традиционалистских позициях. Их исследования проникнуты антикатолическими идеями. Детально разрабатывается темы о вероятных планах католиков по уничтожению православия (например, в сборнике «Папство и его борьба с православием») и России. До 1917 года в историографии выдвигался тезис о противодействии католической экспансии расширением и активизацией православного миссионерства. В связи с этим выражалась надежда на возможное возвращение католиков в лоно Православной Церкви. Однако, не все православные авторы разделяют это мнение. Например, церковный публицист Я. Кротов предостерегал от такого подхода, а митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл призывает к мирному диалогу с католиками¹⁷.

Несколько близка к такой позиции точка зрения группы исследователей (Я. Мараш и другие), критика католической экспансии, которая отличается двойственностью. Они, с одной стороны, считают, что католическая экспансия способствует ослаблению и дальнейшему уничтожению православных народных культур белорусов, русских и украинцев. С другой стороны, они указывали на социально-экономическую и политическую составляющую процесса. Например, Я.Н. Мараш еще в 1983 году указывал на «антисоветский и контрреволюционный» характер католического проникновения, стремящегося к «эксплуатации народных масс». Данная точка зрения отличается тем, что имеет две составляющие – религиозную и по-

литическую. Причем, вторая преобладает, и поэтому в таких интерпретациях сильна тенденция к односторонности. Вот почему, руководствуясь ими, мы не сможем объяснить процесс католического экспансионизма полностью¹⁸.

Однако, до недавнего времени в историографии господствовала ортодоксально-марксистская точка зрения. В числе ее носителей мы можем назвать таких историков как М. Шейнман, Н. А. Ковальский и многих других. В данном случае мы подробно остановимся на взглядах Н. Ковальского. Его идеи сейчас спорны, но ранее они имели популярность и состояли в следующем: католический экспансионизм развивается, так как капиталистическое общество, и связанный с монополиями католицизм переживает кризис в условиях массового страха перед коммунизмом. Вследствие этого, католический экспансионизм интерпретировался как подрывная деятельность в интересах колониализма. Такое мнение страдает узостью и замкнутостью, переключением нашего внимания на экономические аспекты проблемы, игнорированием собственно религиозных, католических, элементов. Однако, о его существовании не следует забывать и при необходимости обращение к нему вполне возможно¹⁹.

В настоящее время предпринимаются попытки объяснить католический экспансионизм с других позиций, не преследуя партийно-конфессиональных интересов. А.А. Амплеева мотивировала это тем, что католики активно вмешивались в общественно-политическую жизнь, откликаясь на важные события, не только определяя, но и отстаивая свою позицию по ним. Кроме этого, католицизм идет по пути экспансии, пытаясь дать ответ на процессы интенсивной секуляризации и снижение религиозной морали. Н.А. Ковальский считает, что «новая евангелизация», т.е. католическая экспансия или «новая христианизация», направлена на укрепление веры. Попытки объяснения 1990-х годов, конечно, интересны, но они не вносят ничего нового, а лишь переосмысливают достижения наших предшественников в духе времени²⁰.

После рассмотрения процесса католической экспансии, и ее оценки в историографии, мы можем подвести итоги. Во-первых, в современной России вне всякого сомнения наблюдается процесс католической экспансии, идущей в рамках новой евангелизации. Во-вторых, экспансия развивается в трех основных направлениях – идеологическо-богословском, историкоревизионистском и пропагандистском. В-третьих, идеи католических экспансионистов – А. де Любака и Г. Бедуелла – отличаются двойственной природой: они не новы для католического мира, они практически не привнесли ничего кардинально нового – им лишь удалось прорвать его замкнутость и проникнуть в иноязычную и инокультурную (православную) среду. В-четвертых, проникновение католицизма приводит к ответной реакции – в

православной среде наблюдается рост антикатолических настроений, которые приобретают националистический характер. В-пятых, такая ситуация создает реальные предпосылки для раскола современного российского общества по конфессиональному признаку.

В целом, католический экспансионизм стал одним из сопутствующих процессов, связанных со всеобщим ростом религиозности в постсоветской России. Поэтому его изучение следует проводить в рамках этого феномена в целом.

¹ Советский Энциклопедический Словарь. М., 1985. С. 1532.

² Амплеева А. На путях великого спора // Актуальные проблемы Европы. 1998. № 3. С. 5-13; Мараш Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии. Мн., 1983; Макарова И.Ф. Стереотип восприятия католиков в болгарском обществе конца XIV - XV веков // Славяне и их соседи. № 3. М. 1991. С. 16-29; Католицизм в Белоруссии. Традиционализм и приспособление / Ред. А.С. Майхрович. Мн., 1987.

³ Ковальский Н.А. Международные католические организации. М., 1962.

⁴ Любак А. де Христианство. Социальные аспекты догмата. Милан, 1992; его же Парадокс и тайна Церкви. Милан, 1992; его же Мысли о Церкви. Милан, 1993.

⁵ Бедуелл Г. История Церкви. М., 1996.

⁶ См.: Общее представление о серии "АМАТЕКА" // Бедуелл Г. Указ. соч. С. V; Кондрусевич Т. Предисловие // Чин Мессы. б.м. 1993; Католицизм. Словарь атеиста. М., 1991. С. 139; Алов А. Мировые религии. М., 1998. С. 116.

⁷ Любак А. Указ. соч. С. 32-36, 172-175, 181, 230, 233.

⁸ Перрон Спасение единством // Любак А. Указ. соч. С. 311; Фульгенций Руспийский Чудо языков // Там же. С. 313; Арнольд Брешианский. Возрастание тела Христова // Там же. С. 344; Софронова Л.А. Проблема католичества и православия в романтической концепции А. Мицкевича // Славяне и их соседи. 1991. № 3. С. 12-124.

⁹ Михайловский Ф. Англиканская церковь в ее отношении к православию. М., 1864. С. 21; Рудаков А. Краткая история христианской Церкви. М., 2000. С. 279; Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х т. т.1. М., 1989. С. 59-167; Булгаков С. Православие. М., 1991. С. 321. Макарова И. Указ. соч. С. 19; Милев Н. Католическая пропаганда в Бългрия. София, 1914.

¹⁰ Бедуелл Г. История Церкви. С. 203, 206-212, 221.

¹¹ Корчмарик Б.Ф. Християнізація європейського Сходу та месіянстичні аспірації Москви // Хрестоматія тисячоліття хрещення Руси - України. Філадельфія. 1986. С. 55-66; Василенко-Полонська Н. Ольга: людина, володарка і християнка // Там же. С. 46-54; ее же Історія України // Там же. С. 24-35; Назарко І. Святий Володимир Великий // Там же. С. 38-45; Біланюк П. Про апостольське походження української церкви // Там же. С. 16-23; Дращівський Р. Передмова // Там же. С. 9-10; Саварин П. Передмова // Там же. С. 5-8; Удод Г. Що дало Християнство Україні за перше тисячоліття // Там же. С. 114-121; Липківський В. Заведення хрислової віри серед нашого народу і значення її нашого народу // Там же. С. 137-141; Слипий Й. Заповіт // Там же. С. 148-152.

¹² Иоанн - Павел II. Magnum Baptismi Donum // Иоанн - Павел II. Единство в многообразии. Милан, 1993. С. 184-195; его же Egrerie virtutis // Там же. С. 31-35; Slavorum apostoli // Там же. 105-107; Проповедь за божественной литургией по армянскому образцу // Там же. С. 123-129; Совместная декларация папы Иоанна - Павла II и Сир - Православного патриарха Антиохийского Закки I // Там же. С. 80-84.

¹³ Даниленко С.Д. Униаты. М., 1972; Мигович И. И. Преступный альянс. М., 1988. С. 51, 88-89, 92; Дмитрук К.Е. Униатские крестоносцы. М., 1988. С. 7-10; Субтельный О. Украина. История. Киев, 1997. С. 550.

¹⁴ Лупандин И. Послесловие // Лакордер А. Жизнь святого Доминика. М., 1999. С. 286; подробный анализ деятельности и истории католиков в России содержится в монографии: Осипова И. И. Возлюбив Бога и следуя за ним. М., 1999.

¹⁵ Например, в 1996-1998 годах, издательство “Христианская Россия” планировало опубликовать книги: Рийс Ж. Человек в поисках Бога. Вопрос культурной антропологии; Фишер Н. Человек в поисках Бога. Вопрос философов; Кнох В. Бог в поисках человека. Откровение, традиция, писание; Шенк Р. Бог в поисках человека. Вера и богословие; Курт Ф. Тайна Троицы; Теста Б. Таинства Церкви; Буржуа Д. Пастырство Церкви; Корекко Е. Каноническое право Церкви; Герр Т. Социальное учение Церкви; См. также: Позо К. Пришествие Господа во Славе; Августин Блаженный Творения: в 3-х т. СПб., 1997; Антоний Падуанский Проповеди. М., 1997; Франциск Ассизский Сочинения. М., 1995; Омэнн Д. Христианская духовность. Рим, 1994; Иоанн - Павел II. Мысли о земном. М., 1992; Майка Ю. Социальное учение папы Иоанна - Павла II. Рим, 1994.

¹⁶ Общее представление о серии “АМАТЕКА” // Бедуелл Г. История Церкви. С. V.

¹⁷ Кротов Я. Что бы освободить совесть, надо ее иметь // Куранты. 1993. 24 августа; Карнеева Н. Католики отвергают обвинения в религиозной экспансии // Независимая газета. 1992. 20 июня.

¹⁸ Мараш Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918-1939). Мн., 1983. С. 3, 6, 18, 90-93.

¹⁹ Ковальский Н.А. Международные католические организации. М., 1962. С. 3-4, 6, 8, 46, 56; см. также: Григулевич И.Р. Папство. Век XX. М., 1978; Шейнман М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX века. М., 1958.

²⁰ Амплеева А.А. На путях великого спора. С. 11-12; Ковальский Н.А. Современный мир, осмысленный католицизмом // Актуальные проблемы Европы. 1998. № 3. С. 176- 177.

С.И. Дмитриева

ВОПРОС О ЕДИНОМ ФРОНТЕ СДПГ И КПП В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1935-1939 гг.

Взаимоотношения немецких социал-демократов и коммунистов с самого начала были весьма неоднозначными. И во время ноябрьской революции, и весь период существования Веймарской республики партии, декларативно стремившиеся к сотрудничеству, постоянно сталкивались с неразрешимыми проблемами и в итоге оказывались в оппозиции друг другу.

Дело существенно осложнялось тем, что за спиной КПП всегда стоял «старший брат» — Советский Союз, руководители которого, развивая марксистскую теорию, пришли к выводу о необходимости борьбы с социал-демократией во имя победы пролетарской революции над крепнущим фашизмом.

Приход Гитлера к власти в корне изменил ситуацию. Но даже после этого, по словам Я.С. Дабкина, руководителям советского государства

«понадобилось более полутора лет, пока новые подходы стали основой политического поворота»¹.

Соответственно были настроены и социал-демократы: тактика СДПГ в новых условиях являлась логическим продолжением принятого летом 1933 г. программного документа: «Революция против Гитлера», в котором провозглашалась необходимость борьбы на два фронта: против фашизма и против коммунистических иллюзий². Тогда социал-демократы еще не верили в то, что Гитлер — это всерьез и надолго. Однако действительность настойчиво внушала мысль об обратном. Для эффективного сопротивления диктатору необходимо было объединение демократических сил.

Тем более что и в политике Советского Союза по отношению к социал-демократии произошли некоторые изменения. В июле-августе 1935 г. состоялся VII конгресс Коммунистического Интернационала. В резолюциях конгресса формирование единого фронта борьбы рабочего класса против фашизма было признано ближайшей задачей, которая «обязывает коммунистические партии учесть изменившуюся обстановку и применять тактику единого фронта по-новому, добиваясь соглашения о совместных действиях с организациями трудящихся разных политических направлений...»³. Таким образом, решения VII Конгресса Коминтерна послужили водоразделом, после которого обстановка в международном рабочем движении несколько оживилась, правда, ненадолго. О событиях, последовавших вслед за этим, и пойдет речь в данной статье.

Решения VII конгресса Коминтерна дали толчок консолидации немецких антифашистских сил, находившихся в эмиграции, хотя официальная социал-демократия в лице пражского Правления СДПГ (СОПА-ДЕ) относилась к сотрудничеству с КПГ с прежней предвзятостью. Ярким свидетельством этого стали переговоры о возможности создания единого фронта борьбы против фашизма между представителями КПГ и СДПГ в Праге осенью 1935 г., завершившиеся провалом. Социал-демократы обвинили коммунистов в том, что лидеры КПГ всегда использовали идею единого фронта в качестве средства борьбы с СДПГ, и тем самым вопрос о едином фронте был отклонен⁴.

Восьмого декабря 1935 г. в «Нойер Форвертс» было опубликовано официальное письмо эмиграционного Правления СДПГ «К вопросу о едином фронте», в котором решения VII конгресса Коминтерна, обусловившие изменения в политике КПГ, были названы «тактическим средством, новым методом политической борьбы, но ни в коем случае не основополагающей переменой в коммунистическом понимании пути и цели освободительной борьбы рабочего класса»⁵. А, следовательно, ни о каком союзе с коммунистами не могло быть и речи.

Вопреки директивам СОПАДЕ действовала так называемая «группа Брайтшайда». Общие усилия Рудольфа Брайтшайда, его единомышленников из СДПГ, некоторых коммунистических деятелей привели к тому, что в начале 1936 г. в Париже был создан Комитет по подготовке германского Народного фронта во главе с Генрихом Манном. Сам Брайтшайд возглавил Рабочее бюро, созданное для оперативного руководства деятельностью Комитета. Их положение существенно осложнялось тем, что они не являлись официальными представителями своей партии. И тем не менее Комитет принял ряд документов для повышения эффективности сопротивления диктатуре. Готовилась совместная программа переустройства Германии после свержения фашистского режима. Начала выходить антифашистская газета «Немецкая информация», издававшаяся совместно с коммунистами. Началось сближение двух партий, хоть и на неофициальном уровне.

Но в это время в Москве происходили события, действовавшие в противоположном направлении. Речь идет о судебных процессах над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, Г.Л. Пятаковым, Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, первый из которых состоялся летом 1936 г., о развернувшейся в связи с ними травле Л.Д. Троцкого и его сторонников. Именно в московских процессах 1936-1938 гг. Л.И. Гинцберг видит одну из причин ухудшения отношений между социал-демократами и коммунистами Германии⁶. Развитие событий нашло отражение в переписке ведущих деятелей обеих партий.

Так, Р. Гильфердинг в письме П. Герцу от 29 января 1936 г. довольно резко высказался по поводу московских процессов: «Я отвергаю любое сотрудничество с коммунистами до тех пор, пока они высказываются за диктатуру и террор. Я не понимаю, как можно протестовать против убийства и террора вместе с убийцами и террористами — а ими являлись и являются Сталин и его воспеватели, как в наши дни, так и в прошлом»⁷. В письме Ф. Штампферу от 28 августа 1936г. Р. Гильфердинг писал, что «московский процесс подействовал катастрофически и ужасно скомпрометировал политику народного фронта»⁸.

Первым серьезным сигналом о перемене отношения немецких коммунистов к вопросу единого фронта с социал-демократами стал факт замены в апреле 1937 г. прежнего представителя КПГ в Комитете по подготовке Народного фронта В. Мюнценберга, пересмотревшего свои взгляды с началом массовых репрессий в СССР, новым — Вальтером Ульбрихтом. Его заместителем стал П. Меркер, в 1930 году снятый ЦК КПГ с занимаемых должностей за стремление распространить на всех членов СДПГ известную формулу, что фашизм и социал-демократия не анти-

поды, а близнецы, ибо все они социал-фашисты⁹. Как видим, спустя семь лет история повторилась.

В Комитете по подготовке Народного фронта начал назревать конфликт, обострившийся в связи с появлением в журнале «Коммунистический Интернационал» статей Г. Димитрова и Э. Фишера, в которых в резкой форме было высказано негативное отношение Коминтерна к социал-демократии. Димитров, в частности, заявил: «Тысячу раз был прав товарищ Сталин, когда десять лет назад писал: «Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении»¹⁰.

Это вызвало незамедлительную реакцию социал-демократов. В сентябре 1937 году Р. Братшайд ушел с поста председателя Рабочего бюро Комитета. Свой шаг он объяснил в письме Г. Манну от 3 декабря 1937 г.: «Что особенно укрепило меня в моем решении, так это статья Димитрова к 20-летию юбилею Советского Союза... Его странное утверждение, что приверженность демократии должна сочетаться с приверженностью к сталинизму, его нападки на «социал-демократизм» и его клевета на руководящих деятелей II Интернационала доказали, что, касательно идеи Народного фронта, влиятельные деятели Коммунистического Интернационала отказались от точки зрения, принятой VII конгрессом»¹¹.

В послании Г. Манну от 8 января 1938 г. он высказался еще более определенно: «Что же касается германского Народного фронта, то... Машина (имеется в виду деятельность Комитета – С.Д.) буксует не потому, что оказался неблагоприятным выбор коммунистических представителей, а в результате принципиального переворота, который осуществлен в Москве... Вновь применяются именно те методы, которые в предгитлеровские времена постоянно препятствовали единству в Германии и, как и тогда, ответственность задним числом возлагалась на социал-демократов – или, как обычно говорилось, социал-фашистов, так же это будет сделано и теперь. Я предполагаю, что нас вскоре будут называть троцкистами и агентами гестапо»¹². Как оказалось, он был недалек от истины.

Р. Братшайд отказался участвовать в акции направления телеграммы в Москву с просьбой смягчить приговор обвиняемым, инициированной Я. Вальхером. Причины своего отказа он сформулировал в письме Вальхеру от 6 марта 1938 г.:

«1. У меня вообще величайшее сомнение насчет подобных обращений и петиций, адресованы ли они Гитлеру, Сталину или главе другого государства.

2. Я опасаясь, что проектируемая Вами телеграмма не только не принесет пользы обвиняемым, но причинит им вред.

3. Авторитетные лица Советского Союза достаточно интеллигентны, как я полагаю, чтобы самим понять, как будет воспринят этот процесс за пределами их страны. Если они, несмотря на это, проводят его, то доказывают тем самым, что мнение заграницы для них безразлично»¹³.

Здесь он, видимо, оказался не совсем прав. Руководство Коммунистической партии Советского Союза не могло игнорировать мнение заграницы, в связи с чем было важно самим оказывать влияние на его формирование. Так, член КПП Франц Далем, связанный с движением Народно-го фронта, присоединился к обвинениям в адрес руководителей II Интернационала, выдвинутым в ходе последнего московского процесса. Р. Брайтшайд отозвался на это событие в письме П. Меркеру от 7 апреля 1938 г., которое было открытым вызовом, настоящей словесной пощечиной коммунистам: «Не касаясь этих обвинений более обстоятельно, заявляю, что полностью солидарен с этими деятелями. Если они предатели и агенты гестапо, то и я являюсь тем же. У меня также есть собственные чувства и убеждения, и я полагаю, что сказанное очень существенно уменьшит Ваше и Ваших друзей желание сотрудничать со мной»¹⁴.

Таким образом, взрывная волна от московских процессов разрушила и без того хрупкий мост между двумя партиями. Даже горячие сторонники идеи создания единого фронта отказались от сотрудничества с партией, до такой степени зависимой от происходящего в Советском Союзе.

Событием, которое довело идею единого фронта до абсурда и взаимонепонимание двух партий до максимума, стало подписание пакта Молотова – Риббентропа непосредственно перед началом войны. Тем самым, как отметил Г. Мерингер, дальнейшее «наведение мостов через политическую пропасть между коммунистической и социал-демократической эмиграцией стало невозможным. Отклонение любого союза с КПП, находившейся под советским влиянием, стало в последующее время основополагающим для социал-демократической и левосоциалистической эмиграции»¹⁵.

¹ Драбкин Я.С. Коминтерн и Германия в свете архивных документов // Германия и Россия: события, образы, люди. Воронеж, 2000. Вып. 3. С. 70.

² Бровко Л.Н. Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры. 1933-1945. М., 1988. С. 70.

³ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935. С. 13.

⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Düsseldorf, 1968. Dok. 15. S. 242.

⁵ Ibid. Dok. 16. S. 253.

⁶ См.: Гинцберг Л.И. Московские процессы 1936-1938 гг.: позиция деятелей международного коммунистического движения // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С.10-24.

⁷ Langkau-Alex U. Volksfront für Deutschland. Frankfurt a. M., 1977. Bd. 1. S. 303.

⁸ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 28. S. 285.

⁹ См.: «Политсекретариат ИККИ требует». Документы Коминтерна и Компартии Германии 1930–1934 гг. / Публ. Л.И. Гинцберг // Исторический архив. 1994. № 1. С. 150–157.

¹⁰ Коммунистический Интернационал. 1937. № 10-11. С. 21.

¹¹ Почему не состоялся германский Народный фронт. Из документов Р. Брайтшайда в ЦХИДК. 1937-1938 гг. / Публ. Л.И. Гинцберг // Исторический архив. 1995. № 4. Док. 12. С. 191.

¹² Там же.

¹³ Там же. Док. 14. С. 192.

¹⁴ Там же. Док. 15. С. 194.

¹⁵ Mehringer H. Sozialdemokraten // Handbuch der deutschsprachigen Emigration 1933-1945 / Hrsg. Von C.-D. Krohn, P.v.z. Mühlen, G. Paul, L. Winckler. Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. S. 485.

С.Г. Зотова

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ КУРТА ШУМАХЕРА В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И НАЦИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Исследования большинства историков, занимающихся проблемами немецкой социал-демократии, затрагивают деятельность Курта Шумахера в основном после окончания Второй мировой войны. В меньшей степени изучена его жизнь в годы Веймарской республики и в период нацистской диктатуры. Но для более глубокого понимания политической позиции лидера социал-демократического движения после 1945 г. необходимо проанализировать, как и под чьим влиянием формировалась личность Шумахера. Несомненно, что ключевыми моментами, побудившими его к политической деятельности, были внешние обстоятельства – первая мировая война, ноябрьская революция 1918 г., создание Веймарской республики. С другой стороны, в формировании Шумахера-политика не меньшую роль сыграли и его персональные качества.

Курт Шумахер родился 13 октября 1895 г. в Западной Пруссии, в небольшом индустриально-торговом городке Кульме на Висле (ныне польский город Хелмно), в котором проживало чуть более 10 тысяч жителей. Свыше 60 процентов населения являлось католиками польского происхождения.

Отец Шумахера Карл был уважаемым горожанином и зажиточным торговцем сельхозпродуктами, причислявшимся к 73 самым состоятельным гражданам города, состоял в списке имеющих право голоса. Мать была простой, обаятельной и интеллигентной женщиной, родом из Данцигской области.

Семья Шумахеров, как и почти все немцы в Кульме, была протестантской. Стеснения в средствах не испытывала. В доме была прислуга, каждое лето семейство ездило отдыхать в Сопот на Балтийское море. Неко-

торые из горожан, пережившие Вторую мировую войну, вспоминая семью Шумахеров, отмечали, что в их доме мало что чувствовалось от «прусско-трезвой строгости»¹.

Будучи отцом трех дочерей, Карл Шумахер с нетерпением ожидал рождения сына. Отец был очень строг и Шумахер шутливо называл его "русским правительством". Мать часто защищала сына от строгостей отца. И хотя, как вспоминал сам Шумахер, отец никогда не оказывал на него никакого давления в выборе профессии и жизненного пути, постоянно повторяя: «Это твоя жизнь, ты должен решать сам», именно он сумел привить сыну такие качества как пунктуальность, надежность, вежливость, которые Курт сохранил на протяжении всей своей жизни. Он никогда не опаздывал ни на минуту и не давал воли своему раздражению. К тому же отец принадлежал к партии свободомыслящих либералов, имевшей много общего с социал-демократами. Поэтому уже в семейном кругу стало формироваться социалистически ориентированное мировоззрение молодого Шумахера. Позже, отвечая на вопрос, как он все-таки стал социалистом, он говорил, что после того, как его детство прошло в либеральном доме, где на одной стороне улицы была солдатская казарма, а на противоположной – монастырь, у него не оставалось другого пути².

Среди друзей юного Шумахера были и евреи, и поляки. Как отмечает биограф Шумахера Петер Мерзбургер, никогда ни отец, ни сын не допускали враждебности по отношению к ним. Курт Шумахер ценил еврейский юмор, шутки, пословицы, интересовался историей еврейского народа. Это все соответствовало царившей в городе атмосфере. Кульм, впрочем, как и многие города западной Пруссии, не был подвержен антисемитским настроениям, и его граждане решительно противостояли антиеврейскому движению. Наверное, этим можно объяснить “аллергию” Шумахера против любой формы антисемитизма³.

Шумахер посещал «Королевскую гимназию», которая, несмотря на то, что была католической, и большинство ее учащихся имели польское происхождение, воспитывала дружелюбие и терпимость по отношению к другим национальностям и вероисповеданиям. Он был одаренным учеником, но свои интеллектуальные способности использовал только в интересующих его предметах – истории, немецком языке и географии⁴.

В последние школьные годы у Шумахера отчетливо стало формироваться собственное политическое самосознание. На карманные деньги он с 17 лет начал выписывать два журнала — «Мэрц» и «Социалистише Монатсхефте». Еженедельник «Мэрц» публиковал статьи леволиберального направления о литературе, науке, искусстве и политике. Политические цели журнала состояли в требовании демократизации политической

системы Германии. Издание было направлено против консерваторов и «клерикального» Центра.

Журнал «Социалистише Монатсхефт» с 1912 г. являлся трибуной ревизионистов. Среди его сотрудников были Эдуард Бернштайн, Эдуард Давид, Вольфганг Гейне, призывавшие к союзу с либеральной буржуазией. Перед первой мировой войной ревизионисты стремились к полной парламентаризации в рамках монархии в качестве первого шага к демократизации всей системы. Эти идеи наложили отпечаток на политическое мышление молодого Шумахера. Уже в школе многие из товарищей оценивали его как социал-демократа, хотя по его собственному признанию, до 1914 г. он ни разу лично не видел ни одного представителя данного течения, которые к тому же не пользовались влиянием в его родном городе⁵.

В целом политическая позиция Шумахера на тот период являлась смесью юношеского пафоса и идеалистического воодушевления. Это особенно отчетливо проявилось в начале первой мировой войны, которая обострила воспитанное родительским домом и школой национальное чувство. В неполные 19 лет Шумахер досрочно сдает экзамены и записывается добровольцем в армию. Чтобы побыстрее попасть на фронт он втайне от родителей меняет род войск, с артиллерии на пехоту, опасаясь, что война может быстро закончиться, и продолжительное обучение на артиллериста не позволит ему принять участие в боевых действиях.

В конце октября 1914 г. Шумахера отправляют на восточный фронт и 2 декабря недалеко от Лодзи в первом бою он был тяжело ранен. Ему ампутируют правую руку. Так в 19 лет Шумахер становится инвалидом войны.

Это был первый кризис в жизни Шумахера и потребовалось немало сил, упорства и энергии, чтобы не капитулировать перед жизненными трудностями, а идти дальше, преодолевая скепсис врачей. Около года ушло на лечение. Во время болезни Шумахер похудел почти в два раза, с 77 до 43 килограммов при росте 186 сантиметров. После выздоровления он был награжден Железным крестом второй степени и освобожден от службы в армии.

Теперь Шумахер мог, наконец, приступить к запланированной ранее учебе. Он выбирает юриспруденцию и национальную экономику, в 1917 г. перебирается в Берлин. К сожалению, о пяти студенческих годах, отделяющих Шумахера от начала его политической карьеры, известно очень мало. А ведь именно с 1915 по 1920 гг. шло формирование политических воззрений и шлифовка его характера. Секретарь Шумахера после 1945 г. Аннемария Ренгер мало говорит об этом периоде, лишь подчеркивает, что он ни в коем случае не вел жизнь аскета. Небольшое количе-

ство фотографий, сохранившихся до сегодняшнего дня, не несут налета пессимизма и жизненной трагедии. Хотя один из первых биографов Шумахера Левис Эдингер считает, что травма, полученная в Первую мировую войну, наложила на Шумахера столь серьезный отпечаток, что он никогда более не чувствовал себя «полноценным человеком», но он нашел область, в которой смог «доказать, что однорукий калека не только мужчина, но даже может быть лучше, чем другие мужчины. Этой областью стала политика»⁶.

Насколько правомерно такая характеристика? Несомненно, что преодоление последствий тяжелого ранения закалило характер будущего лидера социал-демократической партии. Но в своем интервью в 1952 г., которое собственно и легло в основу почти всех биографических исследований, он отмечал, что большинство из его школьных товарищей погибло во время этой войны. Он же принадлежит к тем, кому удалось спастись⁷, а следовательно ему даже повезло.

Будучи студентом, поначалу Шумахер не примыкал к социалистически ориентированным студенческим группам. Его политический выбор осложнялся внутренними противоречиями в СДПГ.

Уже с момента основания социал-демократической партии Германии в 1869 г. в рабочем движении наблюдались разногласия в вопросах о путях и целях социализма между «лассальянцами» и «айзенаховцами». С середины 90-х годов XIX века процесс дифференциации начал прогрессировать, а с началом первой мировой войны привел к расколу и образованию в апреле 1917 г. Независимой социал-демократической партии во главе с Карлом Каутским.

1917 год стал во многом переломным для формирования политической платформы у Шумахера. Русская февральская революция вызвала мощный подъем в разочаровавшихся и уставших от войны массах. По Германии прокатилась целая волна забастовок против затягивания войны. Но у Шумахера никогда не наблюдалось пацифистского настроения. Поэтому отрицание НСДПГ войны и ее преклонение перед большевиками, в конце концов, облегчили окончательный выбор. 9 января 1918 г. Шумахер вступает в Социал-демократическую партию Германии, сразу примкнув к «социально-патриотическому» направлению большинства, духовными руководителями которого были Генрих Гунов, Конрад Хёниш и Пауль Ленш.

Летом богатого событиями 1918 года Шумахер сдает государственные экзамены по юриспруденции. Ноябрьская революция послужила решительным сигналом для активизации его политической деятельности. Он становится членом «Большого берлинского совета рабочих и солдат», постоянно присутствует на его заседаниях, участвует в принятии реше-

ний, одновременно являясь представителем «Союза пострадавших в войне». Тогда же Шумахер впервые выступает на одном из больших собраний, призывая к быстрейшему созыву национального собрания и демократически управляемой Германии⁸.

Из-за финансовых причин Шумахер вынужден временно прервать обучение и искать работу. Отец уже не имел возможности помогать сыну, потому, что в результате Версальского договора их родной город Кульм снова становится польским, и семья Шумахеров переезжает в Берлин. Теперь Шумахер-младший должен сам помогать своим родителям. В начале 1919 г. он находит место научного помощника в министерстве труда. Но вскоре чувствует, что для него это «невыносимо противная и мучительная пытка»⁹. Поэтому его путь чиновника был не продолжительным, всего шесть месяцев. Шумахер принимает решение не сдавать следующий экзамен на ассессора, не желая становиться ни судьей, ни адвокатом, и продолжает свое образование уже в качестве аспиранта. Он выбирает актуальную политическую тему для своей будущей диссертации, пытается разобраться в тех противоречиях, которые возникли внутри рабочего движения по вопросам государственности между радикалами и умеренными, коммунистами, «независимыми» и социал-демократическим большинством. Но в Берлине он не может найти научного руководителя, который захотел бы поддержать его научные изыскания.

Шумахер просит министра по культуре Конрада Хёниша дать ему рекомендацию. Хёниш идет навстречу вежливому и в то же время очень настойчивому молодому человеку. Он просит своего коллегу Йоханна Пленге взять научное руководство над «тяжело-пострадавшим в войне и высокоодаренным молодым человеком»¹⁰. Пленге соглашается, и уже в начале 1920 г. Шумахер начинает работать над своей диссертацией «Борьба за государственные взгляды в немецкой социал-демократии», в которой находит выражение его политическая платформа начала 20-х годов XX века. В своей диссертации Шумахер пытается разобраться в существующем противоречии между государством и обществом. Он хочет найти некий общий знаменатель и прийти к «объективной формулировке понятия»¹¹.

Работа имеет хорошо продуманную четкую структуру. Автор рассматривает историю развития социалистической мысли от Платона до 20-х гг. XX столетия. Шумахер однозначно занимает «лассальянскую», прогосударственную позицию. Основная мысль работы заключается в том, что особая роль при строительстве новой демократической республики возлагается на Социал-демократическую партию Германии. Она должна стать государственной партией. Другими лидерами являются рабочие,

«которые должны поддерживать и сохранять внешний и внутренний суверенитет национального государства»¹². Воля народа была для него высшим законом. Именно она является основой парламентаризма. А парламент, по его убеждению, должен стать центральной нервной системой социалистического государства.

Демократическая республика представлялась Шумахеру базой для постепенного преобразования капиталистического хозяйства на пути демократического социализма. Но «политическая практика» СДПГ для достижения этого всегда должна отталкиваться от мысли реформ. Шумахер выступает против любой формы диктатуры. Он критикует Ленина за то, что тот, взяв на вооружение идею диктатуры пролетариата, которую Маркс считал временной, преходящей формой власти, и превратил ее в «государственную форму для всей эпохи»¹³.

Несмотря на то, что полный текст диссертации практически был готов уже к лету 1920 г. степень доктора государственных наук Шумахер получил лишь в 1926 г.¹⁴, после того как переслал необходимые экземпляры в Мюнстерский университет. Что послужило причиной для подобной шестилетней задержки, доподлинно неизвестно. Некоторые биографы склоняются к мнению, что молодой ученый просто был не согласен с замечаниями Пленге и не хотел вносить предложенные им изменения в свой текст. Другие считают, что Шумахеру, с головой погрузившегося в партийную деятельность, просто было некогда продолжать заниматься наукой. Видимо, необходимо учитывать оба фактора, потому, что в сопроводительном письме к окончательному переработанному варианту диссертации он просит все-таки ее не публиковать. При жизни его научный труд так и не был напечатан. Даже после смерти автора в 1952 г., несмотря на хлопоты бывшего научного руководителя Й. Пленге, руководство партии не хотело идти против воли своего лидера. И только в 1974 г. диссертация увидела свет¹⁵.

Но и то, что Курта Шумахера увлекла политическая деятельность не вызывает сомнения. В письме от 24 апреля 1926 г. он извиняется перед руководством факультета за задержку, вызванную его профессиональной работой и преодолением сложностей, проистекавших из его ранения во время войны¹⁶.

Шумахер, как и многие социал-демократические деятели, начал свою политическую карьеру с журналистики. В 1920 году благодаря посредничеству председателя «Совета пострадавших в войне» Эриха Россмана он получает место редактора в одной из самых крупных из 140 социал-демократических газет того времени «Швебише Тагвахт» в Штуттгарте. И 1 декабря 1920 г., ровно шесть лет спустя после ранения, начинает свой путь профессионального политика.

Главным редактором «Швебише Тагвахт» являлся Вильгельм Кайль – авторитетный политик СДПГ, являвшийся депутатом Вюртембергского ландтага и Рейхстага.

По его воспоминаниям Шумахер очень быстро овладел техническими тонкостями редакторского дела. Его не пугал ни быстрый темп работы, ни часто возникавшая необходимость в последние минуты обрабатывать сенсационные новости. Сама по себе его непосредственная работа в редакции – редактирование и корректировка текущего материала – была для молодого и темпераментного редактора скучной, неинтересной и не соответствовала его сущности социалистического интеллектуала. Он привык сам определять круг своих интересов и не довольствовался простой рутинной работой. Его стол постоянно был завален вырезками из газет, рукописями, письмами и телеграммами, которых он даже не касался. Он не мог удержаться от искушения, чтобы не развить наиболее интересные темы в большие статьи.

Для привыкшего к порядку и педантичного Кайля это казалось неприемлемым. Привилегию «развернутых очерков» главный редактор хотел оставить за собой. К тому же Кайлю были чужды интересы нового сотрудника: массовое поглощение книг и журналов, пристрастие к Генриху Гейне и Георгу Лихтенбергу. Он не понимал, почему местом для рабочих дискуссий с друзьями и противниками становилось кафе, а не бюро¹⁷. Главный редактор и его юный помощник сильно различались по своей сущности и темпераменту. Он так и не мог понять, почему на досуге Шумахер увлеченно читал криминальные романы. Методы работы, образ мыслей, способ их выражения, аргументация Шумахера – все это не соответствовало манере Кайля. Это был не только конфликт между самоучкой и ученым, но и между старым и новым поколениями рабочих вождей. Страстный боевой темперамент, проявлявшийся в статьях молодого журналиста, был совсем не похож на вкрадчивый, компромиссный стиль Кайля, пытавшегося всем угодить.

Но, несмотря на все противоречия, Вильгельм Кайль ценил острый ум и талант Шумахера, журналистский стиль которого скоро стал узнаваем. Благодаря своей напористости и интеллекту через некоторое время он стал обрабатывать не только материал новостей, но и оформлять еженедельное экономическое приложение и готовить аналитические сообщения о внутренней и внешней политике.

На посту редактора «Швебишен Тагвахт» Шумахер остается до октября 1930 г., стремительно пройдя путь от «приезжего ученика редактора» до политического представителя местной партийной организации. Он становится одним из самых известных политических лидеров в Вюртемберге. Страстность и убежденность его выступлений на партийных меро-

приятных привлекали к нему многих слушателей. Его готовность обсуждать не только местные проблемы увеличивала популярность в партии. Очень скоро ему дали кличку «Доктор», и за короткое время он становится одним из любимейших членов местной СДПГ¹⁸.

Влияние Шумахера в Штутгартской партии стремительно росло. Он быстро сблизился с секретарем местного объединения СДПГ Карлом Остером, и очень скоро, несмотря на некоторые противоречия во взглядах и существенную разницу в возрасте, их отношения переросли в личную дружбу.

Критическая позиция Шумахера в отношении погрязших в рутине старых политиков была направлена не против основ и принципов их политики. Он не ставил под сомнение достижения ноябрьской революции. Вопросом являлось «как» не потерять то, что было завоевано? Если для старшего поколения социал-демократов завоевания революции 1918 г. было предметом гордости, то молодежь чувствовала неудовлетворенность, потому все достигнутое находилось на очень шаткой почве. Он понимал, что опасность для республики исходит не только от реакционных сил, но и от радикалов.

Почти во всех речах и бесчисленных статьях в «Тагвахт» Шумахер нападал на КППГ, обнажая их «добровольно-принудительную службу на ультраправых». Он слишком хорошо знал методы коммунистов, изучая их публицистику и программные установки. Но долгое время он считал коммунистов «заблудшими братьями», которых необходимо наставить на путь истинный. Вплоть до 1928 г. он не рассматривал их как откровенных врагов республики, в отличие от национал-социалистов¹⁹.

Одной из первых партийных побед можно считать выступление Шумахера на партийном собрании в середине августа 1921 г., в котором он подверг острой критике набросок новой программы партии. Критика Шумахера, в целом, соответствовала настроениям внутри СДПГ. Возражения, изложенные им, были одобрены. Шумахера большинством голосов избирают делегатом на Гёрлитский съезд от штутгартской СДПГ. Это был очень крупный успех для молодого редактора, который только 8 месяцев жил в Штуттгарте.

Съезд партии в Гёрлитце состоялся с 18 по 24 сентября 1921 г. Впервые после 1891 г. была принята новая программа партии. Среди ораторов был и Шумахер, выступивший за демократизацию Рейхсвера и отмену запрета «экономического союза солдат Рейха». В своем выступлении он подчеркивал, что простой солдат должен получать социальную помощь не как милостыню из рук офицера, а это должно стать его естественным правом. Он говорил: «Мы хотим показать солдату, что его сегодня уважают как человека, гражданина и солдата, [...] что он не только автомат

для стрельбы в руках его начальника. Старая армия была аполитичной, но не бесцветной, она была черно-бело-красной. Мы нуждаемся в армии черно-красно-золотой»²⁰.

Одним из самых спорных вопросов на Гёрлитском съезде было участие социал-демократов в коалиционном правительстве в государстве и землях. Шумахер проголосовал за партийную резолюцию, одобрявшую коалицию со всеми партиями. К основным требованиям социал-демократов на тот момент относились: признание республики, демократизация администрации, республиканизация Рейхсвера и полиции, разработка социального законодательства.

В конце 1921 г. из-под пера Шумахера появился аналитический обзор прошедшего года, результаты которого он оценивал весьма позитивно. Он писал, что «ценность 1921 г. для нас состоит в продвижении по пути самоочищения и самопознания. В данном смысле это значительный прогресс»²¹.

Но события последующих двух лет показали преждевременный оптимизм Шумахера. 1923 г. был годом одного из тяжелейших кризисов для Веймарской республики. Неудержимая инфляция, сопротивление в Руре, сепаратистские движения в Рейнланде и Пфальце, активизация коммунистов, «пивной путч» Гитлера в Мюнхене.

Шумахер одним из первых почувствовал угрозу со стороны националистических сил. Одна из первых групп НСДАП впервые появилась в Вюртемберге в 1921-22 гг. Общественность сначала оценила это как проходящее явление. Но вскоре в Вюртемберге, как и в некоторых других землях сложилась ситуация, когда влиятельные правобуржуазные круги начали поддерживать нацистов в финансовом и политическом отношении, чтобы с их помощью осуществить собственные цели. Немецкая национальная народная партия и ее филиальная баварская организация через своих доверенных людей основали восточную группу НСДАП и снабжали ее деньгами.

Курт Шумахер был одним из первых журналистов, правильно оценивших обстановку. Он видел, что в Вюртемберге высоко поставленные националистические круги пытаются с помощью национал-социалистов замаскировать свои собственнические интересы. Данной теме Шумахер посвятил большую серию статей в «Тагвахте», вскрывая тайные помыслы правых сил и снабжая свои атаки такой доказательной силой, что, как пишет Фридрих Хайне, «внимательными становились друг и враг»²². Он не питал иллюзий, что нарастающую агрессию национал-социалистов можно прекратить только одной полемикой, словами и статьями. С возросшей поляризацией политической жизни в Веймарской республике росла необходимость сдерживать и национал-социалистических возмуща-

телей порядка, которые не только пытались подорвать влияние социал-демократических сил, но и непосредственно угрожали членам СДПГ и сочувствующим. Поэтому Шумахер становится главным инициатором и руководителем военной правозащитной организации социал-демократов «Бюро Швабеланд».

В 1923 г. политическая ситуация в Германии осложнилась. В начале октября начался тяжелый кризис внутри коалиционного правительства Густава Штресеманна (НННП). Социал-демократы поначалу хотели полностью выйти из правительства, но потом пошли на уступки, чем вызвали недовольство внутри партии. Но Шумахер придерживался мнения, что участие в правительстве – единственная возможность препятствовать силам реакции.

В мае 1924 г. Шумахера избирают депутатом Вюртембергского ландтага, функции которого он будет выполнять до января 1931 г. Это был значительный успех для «чужака», совершенно не похожего на шваба.

Теперь уже с трибуны ландтага Курт Шумахер начинает борьбу с правительством Вюртемберга, возглавляемое Вильгельмом Базиллем. Особенно уничижительной критике он подверг его попытки создания в Германии государства по образцу фашистской Италии. Шумахер считал, что одним только этим предложением Базилле нарушает Веймарскую конституцию. Он говорил, что никакая модель не сможет спасти правительство, которое даже не умеет правильно организовать региональный бюджет²³.

За шесть лет своей парламентской деятельности Шумахер более 30 раз брал слово. У него было четыре основные области, на которых он концентрировал свое внимание: деятельность юстиции, местный бюджет, основные установки по важнейшим экономико-политическим вопросам и острый критический анализ политики земельного правительства.

В ландтаге Шумахера часто называли «прусским языкастым пулеметом». Он говорил в отличие от медлительных швабов быстро и свободно, ловко парировал реплики и возражения зала. Его главными противниками были коммунисты и агрессивные националисты. Если Курт Шумахер брал слово в парламенте, то все приходило в оживление. Его манера речи была непереносима для представителей правого лагеря, реплики часто перешагивали границы парламентских обычаев, поэтому его противникам было сложно оставаться в спокойствии²⁴.

В 1926-27 гг. в возрасте 32 лет Курт Шумахер становится председателем штуттгартской СДПГ и уже в 1927 г. вместе с Эрвином Шоттле назначается членом окружного правления, которое причислялось к дюжине самых сильных и влиятельных в Рейхе. Под их руководством Штуттгартская партия вновь становится организационным и духовным центром

СДПГ в Вюртемберге. Шумахеру удалось сплотить партию, победить доктринеров и заставить их замолчать. Тем самым он создал здоровую партийную организацию, необходимую для дальнейшего роста и успеха на выборах.

Состоявшиеся в 1928 г. выборы в ландтаг стали тому доказательством. СДПГ в Вюртемберге увеличила свою часть голосов с 16% до 24% и могла получить 23 мандата против прежних 13. Партия Базилле, напротив, потеряла половину своих депутатов. Социал-демократы снова заявили о совместном правительстве в Вюртемберге, но партия Центра их инициатив не поддержала, образовав правительство меньшинства с прежними коалиционными партнерами (Баварским союзом и НННП). СДПГ чувствовали себя обманутыми. Их борьба через государственный суд оказалась безрезультативной²⁵.

Социал-демократическая фракция Рейхстага после майских выборов 1928 г. тоже увеличилась с 131 до 153 человек. Было образовано правительство Германна Мюллера. Но вскоре вновь грянул большой коалиционный кризис, причиной которого стал вопрос о строительстве броненосца.

СДПГ была поставлена перед тяжелой дилеммой. С одной стороны они не хотели создавать опасность для существования нового коалиционного правительства, а с другой их предвыборная борьба проводилась под девизом «Питание детей вместо броненосца» и они обещали препятствовать решению в пользу броненосца. Но представители других партий в правительстве собирались предоставить средства на строительство. Поэтому 10 августа Мюллер и другие социал-демократические министры согласились со своими партнерами по коалиции. Это привело к бунту внутри партии. Оппозицию против такого решения в Штуттгарте возглавил Шумахер. В результате сильного внутрипартийного противодействия социал-демократические министры подчинились партийной дисциплине и голосовали против строительства броненосца.

Ситуация в Германии еще более усугубилась из-за начавшегося в октябре 1929 г. экономического кризиса. Резко возросло число безработных. Конфликт в финансовой сфере привел к отставке министра финансов Гильфердинга.

В 1929-30 гг. Шумахер все больше становился представителем штуттгартской социал-демократии на всегерманском уровне. После того, как прежний председатель Браукмюллер в начале лета переехал в Берлин, Шумахер почти единогласно был избран новым председателем местной СДПГ. В сентябре 1930 г. он делается депутатом Рейхстага. СДПГ на этих выборах потеряла 10 мандатов. Неожиданно высокие результаты получили национал-социалисты.

Благодаря своему темпераменту и острому уму, Шумахер скоро стал лидером так называемых «воинствующих социалистов». К этой группе принадлежали Карло Мирендорф, Теодор Хаубах и Александр Шифрин. «Воинствующие социалисты» были не только теоретиками. Именно они создали «железный фронт», придумав для него символику – три стрелы, символизирующие мир, свободу и социализм. Именно они жестко критиковали отсутствие средств пропаганды у многих демократических организаций, что и позволило нацистам завоевать молодежь Веймарской республики²⁶.

23 февраля 1932 г. у Шумахера появилась возможность проявить себя. Поводом послужило выступление Йозефа Геббельса, который обозвал СДПГ «партией дезертиров». Шумахер взял слово и начал свою речь с того, что он не принимает подобных оскорблений и отказывается бороться «на таком уровне с моральными и интеллектуальными обносками и завистниками». Он отвергает «подобного рода личную нечистоплотность» и не видит противника, «с которым мы могли бы скрестить клинки. [...] У господ нет политических знаний, так как большинство из них только два или три года в политике, поэтому они ото всего очень далеки. [...] Немецкому народу понадобится десятилетие, чтобы излечиться от моральных и интеллектуальных ран», нанесенных агитацией НСДАП. «Вся национал-социалистическая агитация – это постоянный призыв к низшим инстинктам в человеке. [...] И если мы когда-нибудь что-нибудь признаем у национал-социализма, то это факт, что ему впервые в немецкой политике удалось без остатка мобилизовать человеческую глупость». Свое выступление он закончил весьма высокопарно: «В заключении я говорю господам национал-социалистам: Вы можете делать, все что хотите, но степени нашего презрения вы никогда не достигнете»²⁷.

Это была блистательная речь. Он выступил в свойственной ему манере, с великолепной дикцией и с должной агрессивностью. Как отмечает Фр. Хайне, подобной тональности выступлений Рейхстаг до этого не знал. Его речь была подобна взрыву, вызвав немалое удивление у представителей старшего поколения социал-демократов и, пробудив ненависть и жажду мести у национал-социалистов. Но теперь существование Шумахера в Рейхстаге на задних рядах закончилось. Он был избран в правление фракции. Однако из-за преждевременного роспуска Рейхстага он не сумел даже приступить к исполнению своих новых обязанностей.

Разгон Брюннингом социал-демократического правительства в Пруссии и отставка Карла Зеверинга с поста прусского министра внутренних дел летом 1932 г. положили конец тактике «сдерживания» и означали крах Веймарской демократии. 30 января 1933 г. Адольф Гитлер становит-

ся рейхсканцлером. А 22 июня Социал-демократическая партия Германии была запрещена.

Через две недели после запрета СДПГ ранним утром 6 июля 1933 г. Курт Шумахер был арестован. Штуттгартская национал-социалистическая пресса в те дни писала: «Доктор Шумахер – один из бесстыдных социал-демократических подстрекателей не только в Вюртемберге, но и во всей Германии теперь обезврежен. С истерией, граничащей с преступной ненавистью, клеветал он на национал-социалистического вождя и национал-социалистическое движение. [...] Его упреки против национал-социалистического движения за свободу были так невероятно пошлы (низки), что доктор Шумахер не может ожидать, что он будет оценен как политический противник, а только как криминальный преступник. [...] Мы исходим из желания широкой общественности, когда рекомендуем дело Шумахера политической полиции особого обращения, так как у этого «партийного товарища» на совести то, что переходит границы самого невозможного»²⁸. А когда 37-летний политик оказался в концлагере, надзиратель сказал ему: «Теперь вешайся», на что Шумахер ответил «Я не буду этого делать. Ответственность за это я с Вас не сниму»²⁹. Так начался почти 12-летний период политической парализации Курта Шумахера.

После непродолжительного пребывания в лагерях Хойберг и Куберг в 1935 г. Шумахера переводят в концентрационный лагерь Дахау, который становится его тюрьмой на долгие восемь лет.

В целом, о периоде его заключения известно достаточно много благодаря воспоминаниям его «коллег по несчастью»³⁰. Сам же он всегда уклонялся от участия в написании воспоминаний о Дахау. Исключения составляли только случаи, когда он был вынужден защищаться от необоснованных нападок КПП/СЕПП, обвинявших его в сотрудничестве с лагерным СС.

Почти сразу же после своего прибытия в Дахау Шумахер устроил 28-дневную голодовку. Причиной была бессмысленная работа, которую он, однорукий инвалид войны, был вынужден выполнять. Вести о его действиях молниеносно разлетелись не только по Германии, но и за границы. 6 мая 1935 г. спустя почти месяц он был, наконец, отстранен от физических работ, и через некоторое время переведен в лагерную библиотеку. Это была моральная победа Шумахера, следствием которой стали серьезные рези в желудке.

Работа в библиотеке давала ему возможность много читать, и как отмечает Вилли Альбрехт, не отупеть от бессмысленной жизни в лагере. Арно Шольц вспоминал, что вновь увидев Шумахера в 1945 г., он был глубоко потрясен «его внешностью, но одновременно обрадован его про-

будившимся духом, который ничего не потерял из логической остроты и молниеносного восприятия ситуации. Вообще было удивительно, как хорошо он был информирован, хотя без малого 11 лет жил за колючей проволокой»³¹. С другой стороны место выдачи книг было важнейшим коммуникационным центром для многих заключенных. Шумахер стал известен тем, что всячески помогал вновь прибывшим. Многие обращались к нему за советом. В этом отношении он не делал различий между коммунистами и другими политическими заключенными. Известен случай, когда Шумахер помог одному юному представителю КПП, который жестоко был высечен плетью. Он принес все, что еще могло служить перевязочным материалом и свои продукты питания, чтобы тот имел шанс быстрее поправиться³².

Но с непреклонной твердостью продолжал он отклонять все предложения коммунистов о едином фронте. Этого не могли понять даже многие его товарищи по партии.

С течением времени состояние здоровья Курта Шумахера все больше ухудшалось. И без того плохое питание стало еще хуже с началом войны, что привело у Шумахера к резкому падению зрения. Опасная болезнь глаз в 1940 г. сделала необходимой операцию, которая хоть и препятствовала ослеплению, но полное зрение вернуть не смогла.

Интересно заметить, что Шумахер имел возможность выйти на свободу. Для этого он должен был лишь подписать заявление, что не будет принимать участия ни в каких политических акциях против существующего режима. Многие так и поступали, чтобы выйти из лагеря и продолжать работать в подполье. Но Шумахер был непреклонен, несмотря на уговоры своих товарищей и близких, постоянно хлопотавших о его освобождении. Не была исключением и его близкая подруга Мари Фихтель, эмигрировавшая по его совету в США. В мае 1937 г. она направила лично «фюреру» прошение об освобождении ее жениха. На основании этого «Канцелярия фюрера» направила в министерство иностранных дел секретное послание с просьбой отклонить ходатайство г-жи Фихтель³³.

Но после резкого ухудшения состояния здоровья Курта Шумахера в начале марта 1943 г. госполиция вдруг направила запрос сестре Лотте, которая к этому времени вместе с семьей жила в Ганновере, может ли она взять своего брата на поруки. Сестра сразу же изъявила готовность. И уже 16 марта Шумахер был освобожден. Ему было предписано принудительное пребывание в Ганновере с ежемесячной регистрацией в местном отделении полиции и бирже труда при клеевой фабрики, где он должен был работать бухгалтером. Это был хорошо продуманный ход со стороны нацистских властей, которые, во-первых, были уверены, что дни Шумахера сочтены, во-вторых, считали, что пребывание вдали от прежнего

места политической деятельности позволит ограничить его в контактах, а также, потому что муж Лотты был членом НСДАП. Последнее обстоятельство сильно тяготило Шумахера. Как позднее он рассказывал своей помощнице Анне-Марии Ренгер, его зять всегда давал почувствовать, что ему не приятно «настоящее брата его жены, который сидел в КЦ»³⁴. Но в октябре 1943 г. дом, в котором жил Шумахер был разбомблен, и сестра с мужем вынуждены были переехать в другой город. Шумахер из-за предписания не мог последовать за ними, хлопоты сестры ни к чему не привели, и он остается в Ганновере. Состояние его здоровья продолжало ухудшаться и не позволяло развить большую активность в профессиональной деятельности. Но, несмотря на то, что ему в очередной раз было предложено покинуть страну из-за появившийся возможности лечения в санатории в Швейцарии, Шумахер снова остается в Германии.

Через несколько дней после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Шумахер вновь был задержан. Достоверно известно, что к этому заговору он не имел никакого отношения и, скорее всего, даже ничего о нем не знал. Но он был в списке особо опасных лиц, и поэтому его арестовали. По свидетельству одного из сотрудников гестапо, Курт Шумахер также был занесен в черный список из 148 человек, которых по приказу от 5 апреля 1945 г. в срочном порядке необходимо было уничтожить. Но 10 апреля Ганновер был освобожден американскими войсками, и это спасло ему жизнь³⁵.

После ареста Шумахера поместили в КЦ Нойенгамме недалеко от Ганновера. Именно здесь он встретился с некоторыми местными представителями социал-демократической партии, которые в последствие и составили его окружение. Так закончилась политическая изоляция будущего председателя СДПГ.

После освобождения в августе 1944 г. он продолжает работу на фабрике и все более активно сотрудничает с вновь обретенными партийными коллегами. Херманн Хассельбринг, будущий партсекретарь, был для него просто находкой. Помимо того, что этот человек помогал преодолевать болезненные недуги, ежедневно заботясь о необходимых продуктах, он к тому же в период нацистской диктатуры поддерживал связь с товарищами по партии и всегда знал, как и где их можно найти³⁶. Благодаря хорошей подготовительной работе, которую проделала ганноверская группа, пытаясь связать воедино все социал-демократические ниточки, стало возможно быстрое восстановление СДПГ после окончания войны. Уже 29 апреля 1944 г. состоялась первая встреча социал-демократических сил Ганновера, на которой присутствовало 150 человек, а 6 мая Шумахер выступил со своей первой публичной речью на учредительном собрании

СДПГ в Ганновере «Мы не сомневаемся», которая явилась толчком для рождения новой Социал-демократической партии Германии.

¹ Scholz G. Kurt Schumacher. Düsseldorf, 1988. S. 25.

² Interview Kurt Schumacher. Tonband (Anm. B1) // AdsD: PV/Schumacher, Q1.

³ Dotterweich V. Kurt Schumacher // Persönlichkeit und Politik in der Bundesrepublik Deutschland. Politische Porträts. Göttingen, 1982. Bd 2. S. 184.

⁴ В его школьном аттестате (от 14.08.1914) оценка "хорошо" стоит только по «истории», «немецкому языку» и «географии». Иностранные языки – латынь, греческий, английский и французский оценивались как «достаточно», также как и математика, и физика, оценка по которым в годы учебы часто была даже неудовлетворительной. См.: Albrecht, W. Kurt Schumacher: Ein Leben für den demokratischen Sozialismus. Bonn, 1985.

⁵ Interview Kurt Schumacher...

⁶ Edinger L. Kurt Schumacher: Persönlichkeit und politisches Verhalten, Köln, 1967. S. 39.

⁷ Interview Kurt Schumacher...

⁸ Scholz A. Leben und Leistung // Turmwächter der Demokratie. Berlin, 1954. Bd.1.S.13.

⁹ Merseburger P. Op. cit. S. 51.

¹⁰ Heine F. Dr. Kurt Schumacher: ein demokratischer Sozialist europäischer Prägung. Musterschmidt, 1969. S. 17.

¹¹ Oschilewski W. Am Hebelwerk der Geschichte// Turmwächter der Demokratie. Berlin, 1954. Bd.1. S. 547.

¹² Schumacher K. Der Kampf um den Staatsgedanken in der deutschen Sozialdemokratie. Stuttgart, 1973. S. 134-135.

¹³ Ibid. S. 121.

¹⁴ После обсуждения первого варианта работы на семинаре 2.07.1920 профессор Пленге оценил диссертацию «ein volles magna cum laude» (с полной высшей похвалой). Но при этом он в нее внес несколько существенных предложений.

¹⁵ Scholz G. Op. cit. S. 31.

¹⁶ Merseburger P. Op. cit. S. 70.

¹⁷ Keil W. Der Journalist und Landtagsabgeordnete // Turmwächter der Demokratie. Berlin, 1954. Bd.1. S. 476-478.

¹⁸ Heine F. Op. cit. S. 24.

¹⁹ Potthoff H. Kurt Schumacher – Sozialdemokraten und Kommunisten // Kurt Schumacher und der "Neubau" der deutschen Sozialdemokratie nach 1945. Bonn, 1996. S. 133-149.

²⁰ Albrecht W. Kurt Schumacher: Ein Leben für den demokratischen Sozialismus. Bonn, 1985. S. 15.

²¹ Schwäbische Tagwacht. Nr. 306 v.31.12.1921. S.1.

²² Heine F. Op. cit. S. 25.

²³ Albrecht W. Op. cit. S. 20.

²⁴ Heine F. Op. cit. S. 33.

²⁵ Ibid. S. 34-35.

²⁶ Schoetle E. Der Parteiführer in Stuttgart // Turmwächter der Demokratie. Berlin, 1954. Bd.1. S. 474-475.

²⁷ Schumacher K. Der Appel an den inneren Schweinehund // Turmwächter der Demokratie. Berlin, 1955. Bd. 2. S. 23-24.

²⁸ Stuttgarter Zeitung v.12.07.1933 // AdsD: PV/Schumacher

²⁹ Scholz A. Op. cit. S. 33.

³⁰ Наиболее интересные сведения, основанные на воспоминаниях тех, кто был в заключении вместе с Шумахером, собраны в работе Хайнриха Ритцеля. См.: Ritzel H. Kurt Schumacher in selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1972.

³¹ Scholz A. Op. cit. S. 35.

³² Ullmann A. Kurt Schumacher im KZ Dachau // Turmwächter der Demokratie. Berlin, 1954. Bd.1. S. 508.

³³ Schreiben des Kanzlei des Führers der NSDAP an das Auswärtige Amt v.19.08.1937 // AdsD: PV/Schumacher.

³⁴ Renger A. Ein politisches Leben. Erinnerungen; Stuttgart, 1993. S. 72.

³⁵ Lübecker Freie Presse v.14.10.1948, Hamberger Echo v.14.10.1948 // AdsD: PV/ Schumacher, Mappe 8.

³⁶ Renger A. Op. cit. S. 71.

В.Н. Морозова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ (СВАГ) В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение политической системы советской зоны оккупации (далее — СЗО) и процессов ее трансформации находилось в центре внимания немецких исследователей, начиная с образования ГДР и ФРГ. Однако подходы к исследованию данной темы существенно различались. Западногерманские историки концентрировали свое внимание на освещении на примере СЗО таких понятий как “советизация”, “сталинизация”, противопоставляя их процессам, происходящим в западных зонах, именуемых “американизацией”¹. Восточногерманские историки, в свою очередь, занимались характеристикой особого пути Германии к социализму, высоко оценивали деятельность СВАГ, критиковали буржуазные партии². В связи с установлением в восточной зоне режима СЕПГ советские историки и историки ГДР избегали писать о методах действия и осуществлении политики в СЗО, опуская сам термин “оккупация”.

Существенной проблемой на пути изучения политической системы СЗО был и остается до сих пор ограниченный доступ к необходимым для освещения темы источникам. Особенно остро это отразилось в исследованиях современных немецких историков.

Долгое время советские и восточногерманские ученые рассматривали СВАГ как фактор обеспечения необходимой “среды” для СЕПГ и ее деятельности по созданию социалистической республики, а в качестве основной задачи СВАГ фигурировал отпор реакционерам внутри германского общества, а также из Бонна и Вашингтона. При этом подчеркивалось, что советская помощь никогда не выходила за рамки ценных советов и материальной поддержки³.

Открытие архивов СЕПГ способствовало появлению трудов таких немецких историков, как Стефан Крейцбергер⁴, Петер Штрук⁵, Ян Фойтцик⁶, американец Норман Неймарк⁷, которые, отказавшись от одно-стороннего подхода к теме СВАГ, подкрепляют свои выводы недоступными ранее источниками. Об основных направлениях исследований этих авторов и пойдет речь в статье. В связи с этим представляется необходимым выделить единые точки зрения немецких историков и спорные моменты, которые возникают при исследовании деятельности СВАГ. Это вплотную подводит нас к вопросу о том, можно ли считать, учитывая имеющиеся к настоящему времени исследования, историю СВАГ изученной в достаточной мере.

При анализе функционирования СВАГ современные немецкие историки едины во мнении, что это была сложная организация, которая одновременно преследовала многие, не всегда совместимые друг с другом цели. Однако взгляды исследователей расходятся по наиболее важным моментам. Прежде всего, это относится к определению уровня самостоятельности органов СВАГ.

Одним из первых шагов на пути исследования данной проблемы стала публикация в России летом 1994 года сборника документов «СВАГ. Управление пропаганды (информации) и Сергей Тюльпанов»⁸ и ее немецкий вариант, вышедший в 1998 году под заголовком «Советская оккупационная политика в Германии»⁹ под редакцией профессора Рурского университета Бернда Бонвеча и российского исследователя Геннадия Бордюгова.

Материалы в сборнике разделены на две группы: информация управления пропаганды из СЗО в Москву (43 документа) и контроль московского партийного аппарата над управлением пропаганды (18 документов). Центральное место занимают полемические темы: или руководитель отдела пропаганды СВАГ Сергей Тюльпанов критикует немецких коммунистов, или московские чиновники критикуют управление пропаганды. Но речь идет не только о деятельности Тюльпанова. Авторы сборника выдвигают тезис об относительно высокой самостоятельности руководства СВАГ, несмотря на увеличивающийся контроль со стороны партийного аппарата Москвы. Эта самостоятельность находит свое подтверждение документально в критике работы управления пропаганды (информации) без отстранения от должности ее руководителя Сергея Тюльпанова (до 1949 г.). По мнению Бонвеча, это объясняется особенностями сталинизма, отсутствием полного контроля над всеми сферами общества и государства через иерархическую диктатуру, что давало сталинской администрации известную свободу действий, особенно в далеко удаленных от Москвы регионах.

Немецкий исследователь Стефан Крейцбергер также концентрирует свое внимание на вмешательстве Москвы в дела Карлсхорста в работе «Советская оккупационная власть и политическая система СЗО». Как и Бонвеч, исследователь считает, что со времени своего возникновения СВАГ не являлась монолитно структурированной военной бюрократией. Это вытекало из сложных иерархических отношений с Москвой, где не было специального центрального органа руководства военным управлением. Отсюда Крейцбергер выводит попытки различных политических и экономических структур оказать влияние на политику СВАГ. Ситуацию осложнили претензии независимых от СВАГ комитетов по демонстрациям. Постоянно вмешивались в дела военной администрации и сотрудники **СМЕРШ**, а поскольку собственно фашистских заговоров было немного, они стали искать шпионов внутри советской администрации, уделяя большое внимание сохранности документов и проверке надежности гражданских служащих СВАГ — секретарей, переводчиков и др.¹⁰ Аналогичную ситуацию исследователь видит и в отношениях между берлинским центром СВАГ и подчиненными ему органами военного управления.

То, что приказывал Карлсхорст, выполнялось не всегда, особенно в первой фазе советской оккупационной политики. При этом Крейцбергер отмечает, что военные комендатуры пытались создать себе как можно большую свободу действий, пока отсутствовали необходимые инструкции для руководящих постов. Это прекратилось только со стабилизацией оккупационного режима¹¹.

Значительный вклад в изучение проблем СВАГ внес Ян Фойтцик. В ряде своих работ: «Инventарь приказов главнокомандующего СВАГ», «СВАГ. 1945-1949. Структура и Функции», «Советский аппарат террора в Германии. Действие и действительность» он приходит к выводу, что СВАГ была не столько органом советской оккупационной политики в Германии, сколько ее инструментом. Приоритет интересов, выбор целей и методов оставались за Москвой. Командованию СВАГ были известны только общие черты советской политики. Не только внешние успехи, но и внутренняя стабилизация системы гарантировались непосредственно Москвой. Как политический центр координации аппарат ЦК ВКП(б) обладал преимуществом перед другими органами.

Руководство СВАГ, как отмечает Фойтцик, действовало в качестве связующего звена между высшими эшелонами власти в Москве и территориальными частями управления оккупацией¹². Особое внимание исследователь уделяет высокой степени дифференциации и сложности функций, выполняемых Советской Военной Администрацией. Так, организационная функция СВАГ отражала различные, подчас сталкивающиеся

друг с другом уровни задач — работа Контрольного Совета, управление в зоне, соблюдение внутренних интересов СССР. Долговременные перспективы "культурного перевоспитания" затрагивали ряд аспектов: первых, — ближайшие цели безопасности экономических, финансовых и технологических достижений трансфера в СССР, во-вторых, краткосрочные цели в области военного и экономического разоружения и, в-третьих, касались непосредственно вопроса о репарационных поставках.

Внутренний контроль СВАГ гарантировался тройным механизмом: дисциплинарно-профессиональным, партийным контролем и службой разведки. Такая комплексность, как считает Фойтцик, была необходима для координации действий, так как гарантировала четкое распределение функций и гибкость в осуществлении деятельности СВАГ¹³.

К проблеме самостоятельности СВАГ тесно примыкает вопрос о том, кто определял политику в советской зоне оккупации. Долгое время этот аспект относился к «белым пятнам» в историографии СВАГ. В современной немецкой историографии осуществление советской политики принято рассматривать через призму борьбы двух главных политических фигур СВАГ: с одной стороны, начальника Управления пропаганды полковника Сергея Тюльпанова (человека Жданова), и с другой — политического советника СВАГ — Владимира Семенова (якобы ставленника Берии)¹⁴. Большинство немецких историков выделяет исключительную роль Сергея Тюльпанова. При этом одни из них исходят из того, что Тюльпанов осуществлял политику напрямую, на основании своих тесных связей со Сталиным и Ждановым (например, Петер Штрук)¹⁵; другие из того, что влияние Тюльпанова вытекало из позиции руководителя партийной организации СВАГ. Наиболее ярко эта позиция выделена во введении к сборнику документов «СВАГ. Управление пропаганды (информации) и Сергей Тюльпанов» на немецком языке, но к сожалению, она не находит своего подтверждения в подборке документов из сборника.

Бонвеч, исследуя деятельность Управления пропаганды, заключает, что оно было создано в октябре 1945 года для контроля, организации, ведения пропаганды среди немецкого населения средствами массовой информации, радио и кино, что должно было способствовать в равной степени как распространению идей антифашистских партий и организаций, так и цензуре их изданий. Но управление пропаганды быстро заполнило вакуум политической деятельности СВАГ, присвоив себе функции, которые должны были принадлежать главнокомандующему или Военному Совету. К весне 1946 года оно фактически делало политику в советской зоне¹⁶.

Этот вывод исследователя подтверждают слова И.С. Колесниченко — начальника Управления Советской Военной Администрации земли Тю-

рингии: «Офицеры Управления пропаганды на практике руководят всеми вопросами, связанными с демократизацией Германии, вопросами руководства партиями, общественными организациями, профсоюзами и вообще всей политической работой среди германского населения»¹⁷.

Данной точки зрения придерживается и Стефан Крейцбергер, утверждая, что с начала 1946 года Тюльпанов был в состоянии влиять на партийную систему СЗО и процесс "демократизации". Его офицеры, зачастую хорошо владеющие немецким языком, следовали указаниям Тюльпанова и могли мобилизовать политические и общественные силы в СЗО для достижения своих целей¹⁸.

Владимир Семенов, главный представитель наркомата иностранных дел и официально считавшийся политическим советником при Главнокомандующем, был назначен ответственным за политический отдел СВАГ, который поначалу включал в себя сектор пропаганды и цензуры. Как отмечают немецкие исследователи, с самого начала внимание Семенова было сосредоточено не на делах зоны, а на отношениях Союзного Контрольного Совета и отстаивании в нем советских позиций¹⁹. В результате в период между августом и октябрём 1945 года внутриполитические дела СЗО постепенно сосредоточились в руках нового начальника Управления пропаганды (с 1947 года — информации) СВАГ Сергея Тюльпанова. Кроме того, Управление контролировало ряд отделов, ведавших политическими вопросами, а также образованием, культурой и цензурой. Обо всем этом Тюльпанов докладывал через ГлавПУ и члена Военного Совета СВАГ генерала Ф.Е. Бокова (позже В.Е. Макарова, А. Русских) непосредственно ЦК партии.

Бонвеч, Штрунк, Крейцбергер, выделяя ораторские способности Тюльпанова, его знание немецкого языка, внутренней жизни СЗО, талант организатора, едины в представлении его как бескомпромиссного представителя сталинской политики. При этом данные исследователи отстаивают точку зрения о двух линиях в осуществлении политики в СЗО: одной, представленной Тюльпановым, — ускоренный курс на советизацию, и второй, представленный Боковым, Семеновым, — либерально политический курс, без попыток грубого вмешательства по отношению к германским политическим силам.

Бонвеч указывает, что Тюльпанов постоянно подвергался нападкам со стороны своего начальства в ЦК как сторонник чрезмерной советизации. Он был явно прокоммунистически настроен, чрезмерно ориентирован на большевизацию, так что его часто идентифицировали с Ульбрихтом и СЕПГ²⁰. Посланная в Германию комиссия рекомендовала отставку Тюльпанова, аргументируя это следующим образом: «У Тюльпанова отсутствует понимание исторической перспективы в развитии Германии и рас-

становке классовых сил. Он склоняется к краткосрочным решениям, нет дипломатической гибкости, политического такта и способности к маневрированию. У него нет организаторских способностей, и он не в состоянии руководить политической работой в Германии»²¹.

Противоречивость критики комиссии ЦК выражалась в указании, с одной стороны, на ответственность Тюльпанова за уменьшение влияния СЕПГ у немецкого населения, и в то же время комиссия порицала грубое вмешательство в привилегии партии. Несмотря на подобные нападки, Тюльпанов занимал свой пост до конца сентября 1949 года, когда его убрали по целому ряду обвинений, связанных якобы с сокрытием политических преступлений его родственников.

Бонвеч не указывает однозначно, какую цель преследовала Москва, критикуя деятельность Тюльпанова. Возможно, это было импульсом для активизации его работы²². При этом подчеркивается, что критика оставалась без последствий до тех пор, пока в нем была нужда²³. Не следует упускать из виду, по мнению Бонвеча, и то, что политика западных властей была «на руку» тем в Берлине и Москве, кто предпочитал государственную самостоятельность СЗО под советским знаком, чем неопределенные возможности совместного регулирования обстановки в Германии.

Несмотря на всю информативность сборника «Советская оккупационная политика в Германии» под редакцией Бонвеча, позволяющего взглянуть на СЗО глазами людей, которые были ответственны за ее судьбу, многие выводы, обозначенные во введении к изданию, не нашли своего подтверждения в самих документах. Применительно к роли Тюльпанова это касается тезиса о том, что Тюльпанов занимал первостепенное положение в иерархии СВАГ и находился под протекцией Жданова. Куда более убедительно документы показывают разногласия в советской политике по линии ЦК (Жданов) и МИД (Молотов)²⁴.

Наиболее полно деятельность Тюльпанова находит свое отражение в работах Петера Штрунка²⁵. Высоко оценивая, а подчас и переоценивая роль Тюльпанова в СЗО, исследователь отмечает, что Тюльпанов, как представитель оккупационной власти, мог диктовать ход социальных и политических процессов трансформации, исходя из цели, замедлить их или ускорить. По его мнению, Тюльпанов руководствовался в большей степени интуицией, чем планами, ограничивая деятельность буржуазных групп и политиков, и тем самым подрывая традиции СДПГ. Он был на вершине власти и провоцировал осложнения с Москвой. Тюльпанов действовал, в то время как другие только реагировали или ждали однозначных инструкций. Штрук считает, что Тюльпанов предвидел раздел Германии и поэтому сделал ставку на укрепление советского влияния в СЗО²⁶.

Эту же мысль можно встретить у Йохена Лауфера, исследовавшего причины критики Тюльпанова и его отстранение с поста. По мнению историка, полковник скорее приветствовал образование ФРГ, так это внесло большую ясность в отношение между Западной Германией и СЗО. После этого Тюльпанов был отстранен от должности, что он воспринял относительно легко²⁷.

В этом же русле интерпретирует образование ГДР В. Лот. Он трактует его как творение Ульбрихта и Тюльпанова, которого не хотела Москва. Это отразилось даже в заглавии его работы: «Нелюбимое детище Сталина. Почему Москва не хотела ГДР»²⁸. Однако автор не находит ответа на вопрос, с какого времени советскую послевоенную политику следует рассматривать в глобальном плане и какое место в данном контексте занимает советская политика по отношению к Германии²⁹.

На фоне разнообразных мнений о значимости положения С. Тюльпанова в СЗО выделяются исследования Яна Фойтцика. Он, в отличие от А. Штрукки и большинства других представителей западной и восточно-германской историографии, не согласен с тем, что полковник (позже генерал-майор) Сергей Тюльпанов был решающей фигурой в военной администрации. Тщательно изучив доступные после открытия архивов СЕПГ источники, Фойтцик пришел к выводу, что Тюльпанов не мог “делать” политику в Германии, не мог он быть и руководителем партийной организации СВАГ, иначе это дало бы ему безграничную власть в Советской Военной Администрации, превышающую его воинское звание и положение в администрации³⁰. Отрицая связь взлета и падения Тюльпанова с позицией Жданова и “ленинградской группы”, а также многочисленные утверждения, что Тюльпанов был ведущим представителем сторонников быстрой советизации и мог “кое-что” для этого сделать³¹, Фойтцик обосновывает свое мнение следующим образом: во-первых, Жданов, как так называемый “ментор ленинградской группы”, ориентированной на классовую борьбу, не смог в своей роли главы контрольной комиссии в Финляндии достигнуть успеха в преобразовании страны в народную демократию. Во-вторых, Кузнецов как главный представитель этой фракции категорически дистанцировался от Тюльпанова, а политический аппарат ЦК ВКП(б) не расценивал его как «своего человека в Берлине»³².

Заслуживающая внимания аргументация Яна Фойтцика ставит немецких историков конца 90-х годов XX века перед необходимостью вновь обратиться к исследованию вопроса о том, кто на самом деле осуществлял политику в советской зоне оккупации, кто был ответственен за принятие и проведение в жизнь важных для СЗО решений. В сложившейся ситуации по-прежнему остается актуальным тезис профессора

Стэнфордского университета Нормана Неймара: «Мы точно знаем, что происходило в советской зоне оккупации, но не знаем, как и почему»³³.

Среди проблем, исследуемых историками СВАГ, представляется необходимым выделить значение военной администрации в судьбе Германии. В этом вопросе мнения современных исследователей едины: непосредственным результатом политики СВАГ в Восточной Германии стало создание ГДР в октябре 1949 года, хотя это и не являлось целью советской оккупационной политики.

Именно в этом ключе трактуется деятельность СВАГ Бонвеч. С первых дней оккупации, несмотря на руководство и контроль со стороны советских властей СВАГ присвоила себе полномочия местных германских властей и осуществляла их с помощью немецких коммунистов и союзников. Не собираясь создавать новую страну, Советская Военная Администрация в то же время, как отмечает исследователь, «силой привычки» отстранила независимые «буржуазные» организации и отдельных политиков, идущих вразрез с немецкими социалистическими традициями (СПГ и КПП), и вступила на «большевистский путь» построения общества.

С помощью СВАГ происходило восстановление экономики в СЗО. Уничтожая одни общественные структуры, СВАГ видоизменяла другие или создавала новые. Проведение земельной реформы, осуществление процессов денацификации, демилитаризации и демонополизации также являлись заслугой Советской Военной Администрации. Немаловажен и тот факт, что СВАГ распространяла повсюду новую советизированную германскую культуру³⁴.

Этой же точки зрения придерживается Стефан Крейцбергер, считая, что главным фактором, который определял ход событий в СЗО, была именно организованная деятельность советских солдат в землях и провинциях Восточной Германии³⁵.

Соглашаясь с мнением данных историков, Ян Фойтцик заключает, что советские офицеры большевизировали СЗО не потому, что это входило в их планы, а потому, что это был единственный путь организации общества, который они знали³⁶.

Разумеется, изучение Советской Военной Администрации немецкими историками не сводится только к рассмотрению проблемы самостоятельности СВАГ, влиянию ее деятельности на процессы в СЗО или к вопросу об ответственности в осуществлении политики в восточной зоне Германии. Но эти направления, учитывая их важность, являются приоритетными. К настоящему моменту подробно изучены структуры и функции СВАГ на центральном уровне, особое внимание уделено целям, методам советской оккупационной политики в Германии, связям между Москвой

и Карлсхорстом, отношениям между русскими и немцами СЗО. Но в истории исследования СВАГ белым пятном остается деятельность комендатур СВАГ на местах. А это значит, что тема Советской Военной Администрации в Германии открыта для новых исследований и дискуссий.

¹ Badstübner R. Friedenssicherung und deutsche Frage. Vom Untergang des Reiches bis zur deutschen Zweistaatlichkeit (1943-1949). Berlin, 1990; Dörnberg S. Die Geburt eines neuen Deutschland. Berlin (Ost), 1959.

² Weber H. Von der SBZ zur DDR 1945-1966. Hannover, 1968.

³ Badstübner R. Die antifaschistisch-demokratische Umwälzung. Der Kampf gegen Die Spaltung Deutschlands und die Entstehung der DDR. Berlin (Ost), 1989; Шишков Н.И. СВАГ и помощь народам Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944-1945-х годах // Вопросы истории. 1979. №2. С.16-29; Маляров М.П. Деятельность СВАГ и ее правовые основы. М., 1964.

⁴ Creuzberger S. Die Sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. Weimar, 1996.

⁵ Strunk P. Pressekontrolle und Propagandapolitik der sowjetischen Militäradministration in Deutschland. Berlin, 1989; Ders. Zensur und Zensoren. Medienkontrolle und Propagandapolitik unter sowjetischer Besatzungsherrschaft in Deutschland. Berlin, 1996.

⁶ Foitzik J. Der sowjetische Terrorapparat in Deutschland. Berlin, 1998; ^{Ders.} Inventar der Befehle der Oberster Chefs der SMAD 1945-1949. München, 1995. S. 44; ^{Ders.} SMAD 1945-1949 (Struktur und Funktion). Berlin, 1999.

⁷ Naimark N. Die SMAD und die Frage des Stalinismus // ZFG. 1995. N.4. S. 295.

⁸ СВАГ. Управление пропаганды и Сергей Тюльпанов / Под ред. Б. Бонвеча, Н. Неймарка, Г. Бордюгова. М., 1994.

⁹ Bonwetsch B., Naimark N., Bordjugov G. Die sowjetische Besatzungspolitik in Deutschland. Berlin, 1998.

¹⁰ Ibidem. S. 136.

¹¹ Ibidem. S. 214.

¹² Foitzik J. SMAD... S. 428.

¹³ Ibidem. S. 430.

¹⁴ Bonwetsch B., Naimark N., Bordjugov G. Op. cit. S. 44.

¹⁵ Strunk P. Pressekontrolle... S. 217ff.

¹⁶ Bonwetsch B., Naimark N., Bordjugov G. Op. cit. S.17.

¹⁷ Zit nach: Naimark N. Die SMAD und die Frage des Stalinismus // ZFG. 1995. N. 4. S. 295.

¹⁸ Creuzberger S. Op. cit. S. 180.

¹⁹ Otto W. Deutsche Handlungsspielraum und sowjetische Einfluss zur Rolle der sowjetischen Kontrollkommission // Provisorium zur laengstens ein Jahr. Berlin, 1993. S. 138-148.

²⁰ Bonwetsch B., Naimark N., Bordjugov G. Op. cit. S. 37.

²¹ Naimark N. Op. cit. S. 303.

²² Bonwetsch B. Sowjetische Politik in der SBZ 1945-1949. Dokumente zur Taetigkeit der Propagandaverwaltung (Informationverwaltung) der SMAD unter S. Tjulpanov // Die Sowjetische Besatzungspolitik in Deutschland. S. 38.

²³ Ibidem. S. 39.

²⁴ Hutter Franz-Josef. Zur Geschichte der Sowjetischen Besatzungszone in Deutschland 1945-1949 // ZFG. 1995. N. 10. S. 926.

²⁵ Strunk P. Zensur...S. 205ff.

²⁶ Ibidem. S. 70.

²⁷ Laufer J. Rezensionen // ZFG. 1996. N2. S.182-184.

²⁸ Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994.

²⁹ Ibidem. S. 135.

³⁰ Foitzik J. SMAD... S. 275.

³¹ Ibidem. S. 430.

³² Ibidem. S. 28.

³³ Naimark N. Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945-1949. Berlin, 1997. S. 7.

³⁴ Ibidem S. 46.

³⁵ Kreuzberger S. Op. cit. S. 17.

³⁶ Foitzik J. SMAD... S. 467.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия
ВГПИ	– Воронежский государственный педагогический институт
ВДИ	– Вестник древней истории
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
AdsD: PV	
App. B.C.	– Аппиан Александрийский. Гражданские войны
Cic. Leg.	– Цицерон. О законах
Dio Cass.	– Дион Кассий. Римская история
Dio.	– Дион Кассий
Dion. Hal.	– Дионисий Галикарнасский
Fest.	– Фест
Flor.	– Л. Анней Флор. Эпитомы римской истории
Gell.	– Авл Геллий. Аттические ночи
Hor. Ep.	– Кв. Гораций Флакк. Эподы
Liv.	– Тит Ливий. История Рима от основания Города
Luc.	– М. Анней Лукан. Фарсалия
Lyd. Mag.	– Иоанн Лид. О магистратах
Plut. Q.R.	– Плутарх. Римские вопросы
RE	– Pauly - Wissowa Real – Encyclopadie der Klassischen Altertumswissenschaft
RgDA	– Деяния божественного Августа
Senec.	– Сенека
Serv. Aen.	– Сервий. Комментарии к «Энеиде»
SMAD	
Suet. Aug.	– Светоний. Божественный Август
Tac. Ann.	– Тацит. Анналы
Tac. Hist.	– Корнелий Тацит. История
Vell.	– Веллей Патеркул. Римская история
Vict. De vir ill.	– Аврелий Виктор. О замечательных мужах
ZFG	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

- Ю.В. Власова** — аспирантка кафедры политической истории; науч. рук. — *д.и.н., проф. В.А. Артемов.*
- В.А. Гончаров** — аспирант кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.П. Медведев.*
- Л.Ю. Гончарова** — аспирантка кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.П. Медведев.*
- Р.В. Гулюк** — аспирант кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.Д. Пряхин.*
- С.И. Дмитриева** — аспирантка кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *д.и.н., проф. В.А. Артемов.*
- С.Г. Зотова** — аспирантка кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *д.и.н., проф. В.А. Артемов.*
- И. В. Иноземцев** — студент 5-го курса, специализация кафедры истории России; науч. рук. — *д.и.н., проф. М.Д. Карпачев.*
- М.В. Кирчанов** — студент 3-го курса, специализация кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *д.и.н., проф. В.А. Артемов.*
- А.В. Колмаков** — студент 5-го курса, специализация кафедры политологии ф-та ФИПСИ, науч. рук. — *д.п.н., проф. А.А. Слинко.*
- Д.В. Ливенцев** — аспирант кафедры отечественной истории новейшего времени и историографии; науч. рук. — *д.и.н., проф. Л.М. Искра.*
- В.В. Макаров** — аспирант кафедры истории России; науч. рук. — *д.и.н., проф. М.Д. Карпачев.*
- В.Н. Морозова** — аспирантка кафедры международных отношений и региональной политики, науч. рук. — *д.и.н., проф. А.А. Лютых.*
- А.А. Припадчев** — студент 5-го курса, специализация кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.Д. Пряхин.*
- В.В. Рязанов** — соискатель кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.П. Медведев.*
- Ю.В. Селезнев** — аспирант кафедры зарубежной истории ВГПУ; науч. рук. — *к.и.н., доцент А.О. Амелкин.*
- А.И. Сурков** — аспирант кафедры истории средних веков и славяноведения; науч. рук. *д.и.н., проф. А.Г. Глебов.*

